

Александр Федоров

16+

Герцогиня Чёрной Башни

Александр Федоров

**Герцогиня Чёрной Башни.
Хроники Паэтты. Книга II**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Федоров А. Н.

Герцогиня Чёрной Башни. Хроники Паэтты. Книга II /
А. Н. Федоров — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Спустя пять лет после событий на Полумесяце государства Паэтты находятся в страшной опасности. С севера на Палатий насаждают северяне, возглавляемые таинственной колдуньей – Герцогиней Чёрной Башни; с запада обрушились бесчисленные орды гомункулов Эллора, а на юго-востоке уже просыпается угроза в лице загадочной Симмерской ведьмы. На фоне всего этого Бин пытается восстановить в памяти утраченный год и вспомнить, что же случилось с Мэйлинн. «Герцогиня Чёрной Башни» – завершение дилогии о Мэйлинн Айрига; роман, который никого не оставит равнодушным благодаря богатству и живости языка, объёмности персонажей и увлекательному сюжету.

© Федоров А. Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Пролог. Сны и грёзы	5
Глава 1. Синица	9
Глава 2. Задание	15
Глава 3. Поиски	22
Глава 4. Обратный путь	29
Глава 5. Дайтелла	35
Глава 6. Миссия	42
Глава 7. Победа у Синицы	49
Глава 8. Солана	57
Глава 9. Руны	63
Глава 10. Предводительница гоблинов	69
Глава 11. Перелом	76
Глава 12. Катастрофа	82
Глава 13. Наперегонки с войной	88
Глава 14. Каладиус	96
Глава 15. Старые знакомые	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Александр Федоров

Герцогиня Чёрной Башни.

Хроники Паэтты. Книга II

Пролог. Сны и грёзы

Звук приглушённых шагов, отскакивая от стен, уносился вверх. Туда, где, вероятно, должен находиться вход в это подземелье. Это именно подземелье и ни что иное, хотя узкая винтовая лестница, словно бур вгрызающаяся в холодную сырую темноту, могла являть собой и внутренности гигантской башни. Но та самая сырость, то самое беззвучие, царившие здесь, однозначно склоняли выбор в пользу подземелья.

Бин не в первый раз спускался по этим выщербленным временем ступеням. Словно дежавю, преследовало его это ощущение, когда пытаешься в темноте нащупать ногой следующую ступеньку, держась рукой за влажный шершавый камень. Он точно знал, что будет идти вот так вот какое-то время, стараясь не упасть.

Бин никогда не знает, как попал на эту треклятую лестницу – он просто оказывается здесь, уже погруженный в этот липкий мрак. Иногда он оскальзывается на мокрых от скопившейся в воздухе влаги ступеньках, но, хвала богам, всякий раз успевает упереться в стены обеими руками, благо ширина коридора вполне это позволяет.

Спускаясь вниз, Бин уже знает, что будет дальше. В какой-то момент лестница упрётся в небольшую закрытую дверь. Даже зная, что будет за этой дверью, Бин всякий раз некоторое время неловко мнётся, прежде чем осторожно толкнуть её. Более того, он точно знает, что из этого осторожного толчка ничего не выйдет, поскольку дверные петли порядком поржавели, так что придётся толкнуть сильнее. Но всё равно из раза в раз он сначала мнётся, затем легонько нажимает на склизкие доски одними пальцами.

Что ж, и в этот раз никаких неожиданностей – дверь остаётся недвижимой. Вздохнув, Бин с усилием толкает её сперва ладонью, а затем и плечом. Лишь тогда, издав сдавленный скрип, словно приглушенный окружающим сумраком, дверь поддается. И в тот же миг по другую сторону двери вспыхивает слабый голубоватый свет, словно отсвет молнии, только горящий ровно и скупно.

Сердце вновь оборвалось, всем своим весом придавив мочевой пузырь. Бин словно забывает дышать на время, зачарованно глядя на узкую полоску света, которая одновременно и манит, и пугает. Однако он уже знает, что должен отворить дверь и войти. Потому что там его ждут. Ждёт тот, кто не привык долго ждать. А может и наоборот – привык ждать слишком долго. Вымученно сглотнув, Бин расширяет проход и входит внутрь довольно небольшой, весьма аскетичной комнаты.

Здесь нет почти ничего. Такие же голые стены, как и там, на лестнице. В этом голубоватом сиянии они выглядят странно белёсыми, словно поседевшими от времени. На огромных, грубо отёсанных валунах, из которых построена стена, кажется, и впрямь лежит тонкая вязь инея. Или это осевшие на них капельки воды?

Откуда льётся свет – понять невозможно. Источника света нет, поэтому создаётся впечатление, что слабое свечение исходит от самой комнаты, от её воздуха. Ни одного окна – да и впрямь, откуда им взяться на такой глубине? Из мебели – лишь странное ложе, более похожее на алтарь. Лежащего на ложе не видно – его (или её) скрывает лёгкий полупрозрачный полог. Но в том, что за этим пологом кто-то есть, Бин не сомневается ни на секунду. Тот, кто ждёт его. Тот, по чьему зову он пришёл.

Однако за пологом – ни малейшего движения, ни малейшего шороха. Хозяин никак не даёт понять, что заметил присутствие гостя. Хотя нет же – ведь свет этот зажегся лишь в тот миг, когда дверь приоткрылась. Но почему же тогда таинственный хозяин не хочет показаться? Почему нарушает древние правила вежества? Что-то пугающее, леденящее было в этом недвижимом ожидании.

Бину жутко хочется в туалет, и при этом желательно, чтобы туалет этот был где-нибудь в тысяче лиг¹ отсюда, но реальность такова, что он сейчас здесь, а не где-то ещё, поэтому весьма глупо просто стоять столбом. То, что он состарится и умрёт прежде, чем некто за пологом сделает хотя бы одно движение, Бин отчего-то не сомневался. Значит, инициативу придётся взять на себя.

Крадучись, хотя и не понимая – зачем, Бин двинулся к ложу. Медленными шагами, стараясь не потревожить древнюю тишину. Кисть правой руки намертво вцепилась в ткань рубахи рядом с сердцем – он словно боится того, что бешеный стук потревожит жутковатого хозяина этого жутковатого подземелья. Левая рука тоже сжата в кулак – так, что её уже свело, но Бин сейчас этого не чувствует. Нижняя губа закусена почти до крови.

Кое-как расцепив судорожно сжатые пальцы, Бин медленно протянул руку к пологу. Боязливо коснулся его, будто боясь, что тот окажется горячим или отравленным. Затем, собравшись с духом, внезапным резким движением он отодвинул полупрозрачную ткань.

И невольно отпрянул. Потому что на ложе лежала мумия. Кожа, ссохшаяся до состояния отполированного дерева, туго обтягивала череп, словно между ними не было ни мышц, ни жира. Жидкие блёклые волосы цвета грязной седины в беспорядке разметались по некому подобию подушки. Отвратительный провал беззубого ссохшегося рта. Тщедушное тельце, одетое в какое-то рубище, с равным успехом могло принадлежать как мужчине, так и женщине. Руки, словно сухие веточки, были сложены на груди. Единственное, что жило на этом, казалось бы, мёртвом теле – глаза. Огромные распахнутые и немигающие глаза лирры. Они смотрели в одну точку, никак не отреагировав на появление гостя.

И тут Бина скрутило, подломив ноги. Прямо изнутри, из его головы, ударил чёткий, словно налитый металлом, голос:

– Найди меня!

– Что?.. – падая на колени, прохрипел Бин, хотя прекрасно расслышал приказ.

– Найди меня, – так же, как и в прошлый раз, тяжёлый женский голос звучал прямо в черепной коробке. – Приди и найди меня.

– Но... – несмотря на то, что голос мумии звучал прямо в голове, до Бина словно не доходил смысл сказанных слов. Он отупело мотал головой, пытаясь прийти в себя и понять, что тут вообще происходит.

– Мэйлинн... – тяжёлым каменным шаром упало слово на его измученный мозг, и Бин отключился...

***

Бин открыл глаза. Вокруг была темнота, но не сырая и холодная, как в комнате говорящей мумии, а влажная и жаркая. Был разгар лета. Месяц, именуемый жарким², полностью оправдывал своё название. Жара стояла адская. Почти как тогда, шесть лет назад, когда... Когда они впервые встретились с Мэйлинн...

Это имя снова больно отозвалось в груди, и Бин был бы не прочь отключиться вновь, но он знал, что этого не будет. То был лишь сон, который, правда, преследовал его неотступно

---

¹ Лига – мера длины, равная 3 милям или 4828 метрам.

² Жаркий – наименование второго месяца лета. Соответствует нашему июлю.

уже несколько недель, но, тем не менее, не переставал быть от этого лишь сном. А это была реальность. Реальность, от которой уже не убежишь...

Бин знал, что сейчас едва ли прошло более часа после полуночи. Так же, как и знал то, что теперь уж не уснёт до самого утра. Этой ночью он снова был обречён на метания в жаркой влажной кровати на сбитой, скомканной простыне и колючей, раскалённой добела подушке.

Мэйлинн... Против воли это имя всё крутилось в голове, подобно мечущейся по клетке птице. Несмотря на всю боль, что причиняли Бину воспоминания об удивительной лирре, он бережно лелеял их, словно скряга, ласкающий пальцами золотые монеты.

К сожалению, воспоминания были весьма отрывочны – Бин словно вспоминал сон, который видел когда-то. Какие-то куски держались в памяти очень ярко – их первая встреча в Пыжах, бегство от подружки Оливы... Остальные моменты были куда тусклее – смутные обрывки и образы. Они были где-то с Мэйлинн, но где – Бин никак не мог вспомнить. В памяти ярко отпечатались какие-то секундные сцены: вот Мэйлинн изящным взмахом кинжала повергает какого-то типа, который пытался пырнуть его, Бина; очень ярка была сцена, когда он, почему-то снизу, словно с пола смотрит на кровать, на которой сидит лирра, наставив на кого-то арбалет. Иногда даже казалось, что они с Мэйлинн побывали в море, причём ему это, вроде бы, не слишком понравилось... Однако ничего конкретного вспомнить так и не получалось. И главное – Бин никак не мог вспомнить: нашла ли Мэйлинн свою Белую Башню? Иной раз ему грезилась огромная белая громада, нависающая над скалистым островом, но было ли это в действительности, или же являлось плодом его воображения – этого Бин не знал.

Память словно была стёрта – жестоко и беспардонно. Бин не мог не чувствовать, что он забыл нечто очень важное. Он словно пытался ухватить в воде невероятно скользкую рыбину, но пока мог похвастать лишь ощущениями касаний плавников и скользкой, покрытой слизью чешуи.

И Бин точно знал, кого нужно винить в этом. Её, Герцогиню Чёрной Башни. Бин совершенно не помнил – что случилось с Мэйлинн, и это мучило больше всего. Но к этим мучениям добавлялся парализующий ужас, что в исчезновении лирры виновна именно Герцогиня. Доказательств тому у Бина, конечно, не было, но всем своим нутром он ощущал именно это. Мэйлинн в беде, она у Герцогини.

Сколько раз за минувшие пять лет, что прошли с тех пор, как он вернулся домой, Бин испытывал жгучее желание вновь сорваться в путь? Отправиться туда, на север, где теперь властвовала проклятая колдунья, чтобы вытрясти из неё всё, что она скрывала о Мэйлинн! Но всякий раз Бин, возгоревшись на мгновение, так же быстро потухал. Что может сделать он в одиночку против самой могущественной волшебницы этого мира, если все маги Паэтты, объединившись, не сумели прогнать её с побережья Серого моря?

Да, Бин вернулся возмужавшим. Год путешествий с Мэйлинн, пусть он его и не помнил, очевидно, многое дал тому парнишке, что глупо попался на краже колонских лошадей. К сожалению, матушке не суждено было увидеть, кем стал её любимый первенец. Проклятая синивица, прокатившаяся по стране, унесла к Белому Пути и её, и отца, и маленького Мартина. Хвала богам, заболевшая Нара выздоровела – её выходила старшая Алика со своим новоиспечённым мужем. Увы, но Бин и здесь прокололся – также как он не смог спасти Мэйлинн, он не смог спасти и свою семью.

Вернувшись в опустевший дом, Бин забрал младшую сестрёнку к себе. Так они и жили теперь вдвоём. Правда сейчас уже Нарка стала совсем взрослой. Красавица, кабы не синивичные отметины на щеках, но и так ухажёров у неё было полным-полно. Бин, конечно, на всех их смотрел подозрительно, если не сказать – неодобрительно, но понимал, что сестру пора выдавать замуж. Однако Нара и сама не спешила покинуть сиротский кров. Так они и жили – без особого достатка, но на жизнь хватало.

Бин и сам понимал, что ему тоже давно пора бы обзавестись семьёй. Его детские дружки, вон, давно уже детей нянчат – у кого-то уже и второй, а то и третий народился. А он сидит бобылём, да вспоминает Мэйлинн, потерянную раз и навсегда. И смотреть ни на кого не хочет... Удивительно, но Нара его в этом молчаливо, но безоговорочно поддерживала. Она тоже нет-нет, да вспоминала о юной лирре, с которой ей удалось пообщаться не более пары часов, но которая, похоже, также навсегда заняла место в её сердце.

Нельзя сказать, что Бин очень уж горевал, или судьба его была печальна. Напротив, он словно бы смирился с нею, и теперь его жизнь текла вполне себе легко и даже приятно. В квартале Бина уважали, так же как уважали его и на складах, куда он вновь устроился работать. Даже старики, работавшие с его отцом, теперь видели в Бине не «сына Глейна Танисти», а самостоятельную личность.

Бин был крепким спокойным малым, уверенным в себе и знающим себе цену. Даже порядком постаревший папаша Вуйе проникся уважением к нему и сделал старшим над артелью грузчиков, хотя большинство людей, ходивших под его началом, были старше самого Бина. И вот Бин получал теперь четыре с половиной доррина³ в неделю, и этого хватало, чтобы он мог чувствовать себя почти богачом.

Но спокойствие и накатанность его жизни в одночасье рухнули, когда начались эти проклятые сны. Бин догадывался, что за мумию он всякий раз видит во сне. Скорее всего, это была Дайтелла – древнейшая из ныне живущих лиррийская магиня. Когда-то о ней ему поведала Мэйлинн. Мэйлинн... Снова это имя...

Что за сны – этого Бин понять не мог. Что они такое, и зачем они? Почему Дайтелла? Почему эти сны повторяются в таких подробностях и с такой постоянностью? Каждый из вопросов оставался без ответа. Возможно, Бин просто начал понемногу сходить с ума. Может быть, именно так оно обычно и начинается?

Почему Дайтелла во сне произносит имя Мэйлинн? Почему просит найти её? Что она знает?..

Чушь! – оборвал сам себя Бин. Это просто дурацкие сны, навеянные тоской о Мэйлинн и разочарованием от давней потери. Да ещё эта проклятая жара. Немудрено, что снится всякая дрянь! И все же...

Как бы хотелось хотя бы один раз не выпасть из этого сна так резко и неожиданно, а успеть задать хоть один вопрос... Пусть Бин и убеждал себя, что это – всего лишь сны, не имеющие ни смысла не значения, однако где-то в самой глубине сердца робко проклюнулся росток надежды. А что если Мэйлинн можно найти? Что если Дайтелла действительно пытается помочь? Эх, как бы не проснуться так внезапно в следующий раз!..

---

³ Доррин – мелкая медная монета Латииона. Сто дорринов составляют один серебряный дор, а сто доров – золотой латор.

Глава 1. Синица

Жители деревни Синица, что стояла неподалёку от побережья Загадочного океана, всегда считали себя везунчиками. Драккаров северных варваров тут не видали отродясь – слишком уж далеко от Келлийских островов. Берсерки никогда не огибали западную оконечность Лионкая, так что здесь, в заливе Алиенти, их красно-зелёных парусов не могли припомнить даже старожилы. Синица была достаточно далека от всего – и от Кидуи, и от Латина, и даже от Коррэя. Конечно, между этими государствами, наверное, уже тысячу лет не велось войн или даже сколько-нибудь серьёзных конфликтов, но и за эту удалённость жители Синицы благодарили Арионна.

Море давало суровым неприхотливым людям всё, что им было нужно. Дни текли ровно и безмятежно, плавно складываясь в года, десятилетия и столетия. Ничто не нарушало этого расслабляющего ритма. До недавнего времени...

Первый странный корабль – чёрный, с красным парусом, на котором почти во всю ширь полотнища раскинул антрацитовые крылья гротескный орёл, появился тут порядка трёх недель назад. Встал на якорь примерно в паре сотен ярдов от берега, спустил шлюпки. Местные мужики, которые отправились к берегу, чтобы поглядеть, чего там и как, через некоторое время бегом возвратились в деревню, разве что не с полными штанами дерьма. Сбивчиво и заикаясь рассказали они, что в шлюпках сидят какие-то чудища.

Тут же решили отправить нескольких гонцов – одного прямо в Шинтан, другого – в Шайтру, где могли находиться боевые корабли, а третьего – к ближайшему от Синицы городу Таирней, где должен был квартировать пехотный полк. Гонцам дали лучших из имеющихся лошадей, хотя, конечно, назвать их скаковыми язык ни у кого бы не повернулся. И тем не менее – лучше, чем ничего.

Поскольку ждать подмоги, скорее всего, приходилось не меньше недели, ибо до Таирнея было не меньше трёх дней пути, жители Синицы от греха подальше ушли из деревни, прихватив столько скарба, сколько могли унести. До соседней деревушки со странным названием Пошки было не больше лиги, так что она не могла служить защитой, но предупредить соседей было нужно. В конце концов решили, что надёжней всего будет переждать в лесу – благо тут, в отличие от северного Палатия, леса ещё сохранились, пусть и не такие густые как восточнее, ближе к Коррэю. Погода позволяла ночевать у костров. Уж лучше так, чем достаться этим странным чудищам.

Жители Синицы спешно покинули обжитые места, поэтому не видели, как некоторое время спустя к первому кораблю присоединился второй, а затем – и третий, и четвёртый...

***

Сержант второй роты Пятого стрелкового полка Тин Лэйто очень опасался, что за последние несколько дней его зубы сточились минимум на десятую долю дюйма⁴. Действительно, все эти дни он так часто и так сильно скрежетал ими, что, казалось, он и сейчас чувствует во рту скрипящую крошку перемолотой эмали. Хотя вполне вероятно, что это – всего лишь песок, который западный ветер несёт с пляжей.

Песок этот поднимался ввысь, тревожимый тысячами неказистых ног, обутых в какие-то обмотки. Владельцы этих ног ходили довольно неловко, заметно шаркая, что и вздымало вверх тучи мелкого песка. А вот то, что эти самые владельцы так спокойно и не таясь бродили по палатийскому берегу, и вызывало зубовный срежет у сержанта Лэйто.

---

⁴ Дюйм – мера длины, приблизительно равная 2,5 см.

Лэйто был одним из не так уж и многих палатийцев, которые попадают в армию добровольно, а не по рекрутскому набору. Вообще эта рекрутская система порядком бесила сержанта – едва ли один из двадцати пяти взрослых мужчин Палатия хотя бы когда-то держал в руках оружие. Остальные двадцать четыре, не попавшие в рекрутские списки, спокойно проживали свой век, даже не интересуясь, как там обстоят дела в «доблестной» армии королевства. Более того, в Палатие был абсолютно легален откуп от рекрутской повинности, так что парень, чьи родители имели в записке двести тоинов⁵, вполне официально мог обратиться в магистрат с ходатайством о вынесении его из рекрутских списков.

Такие как Лэйто – люди, не верящие в силу одного лишь серебра – встречались в Палатие редко. Однако именно они составляли хрупкий костяк того, что принято было именовать палатийской армией. Везло, когда в роте была хотя бы парочка таких – тогда из вечно жалующихся на судьбу нытиков, которых силой загребли из родного дома, ещё мог бы выйти какой-то толк. Во второй роте го стрелкового таких было сразу трое, поэтому совершенно неслучайно её держали на хорошем счету. Этакая образцово-показательная рота, хотя ни одному мудрецу-счетоводу не сосчитать – скольких тумачков, подзатыльников и зуботычин стоила эта образцовая показательность!

Нельзя сказать, что сержант Лэйто очень уж рвался в бой. Когда их полк перевели подальше от побережья Серого моря со всеми его берсерками и отрядами Чёрной Герцогини, он радовался, как и все. Кому же неохота походить подольше под небом этого мира? Но спустя восемь месяцев он уже хотел волком выть от тоски, хотя подавляющее большинство ребят его роты блаженствовали, сполна наслаждаясь мелкими радостями, которые мог предоставить провинциальный Таирней, да ещё и за казённый счёт. Лишь привязанность к родному полку мешала написать рапорт о переводе назад, «на передовую». Всё ждал, что вот-вот придёт приказ, и их вновь отправят освобождать родные берега от распоясавшихся орд проклятушей колдуньи.

Однако Палатий продолжал жить своими законами, один из которых, весьма важный, хотя и негласный, утверждал, что гораздо лучше за победы платить серебром, а не кровью. Храбро бились с берсерками латионцы – с горькой завистью Лэйто слушал очередные полуправдивые байки о новых вылазках и победах легендарного Седьмого Коррэйского, да и Пятый, Второй и Четвёртый отставали от своих именитых земляков ненамного. Кидуанский флот долбил драккары северян и в хвост, и в гриву. Что уж говорить – даже пунтийцы не остались в стороне! Один из пунтских полков регулярно квартировал западнее Анурских гор, прикрывая пусть второстепенный, но всё же достаточно обширный участок побережья. А в это самое время один из наиболее боеспособных полков Палатия медленно разлагался в каком-то завшивленном Таирнее. «Зализывал раны», как регулярно рапортовало наверх полковое начальство.

И вот, казалось бы, шанс, посланный самим Ассом. Насмерть перепуганный и до смерти уставший селянин на до смерти уставшей кобыле принёс удивительную и страшную весть – на страну напал новый враг, невиданный и неслыханный ранее. Страшные монстры, похожие на ожившие вдруг ночные кошмары, посреди белого дня высаживаются на берегу с уродливых чёрных кораблей, пришедших с запада. Тревожный шепоток в мгновение разносит окрест страшные слова «Гурр» и «Тондрон». Неужели такое могло случиться?

Переполох в Таирнее стоял страшный. Всё штабное начальство сбилась с ног, пытаясь принять решение. Кое-кто предлагал ждать подмоги, но, хвала богам, на этот раз храбрость восторжествовала. Все нужные голуби были пущены, но сам полк незамедлительно встал на марш. Сердце Лэйто пело от счастья, предвкушая сражения, что принесут почёт и славу. Его

---

⁵ Тоин – основная денежная единица Палатия. Один тоин содержит порядка двух унций серебра, что делает его весьма дорогой монетой. По среднему курсу один палатийский тоин меняют на тридцать пять – сорок латионских доров.

даже не слишком заботил жуткий и таинственный враг. Не родилось ещё под этим небом ничего, что нельзя было бы порубить, исколоть или, на худой конец, раздавить. Сложно представить живое существо, которое устоит на ногах после попадания в грудь тяжёлого болта с пятидесяти шагов.

И вот – пришли... Что самое обидное – ведь действительно спешили, в кровь стирая солдатские пятки, глотая душную дорожную пыль, ночуя в чистом поле... Но дойдя до места встали как вкопанные. Полковник Жокко, которого солдаты за глаза называли не иначе как «полковник Свинья» (наверное, самое популярное прозвище для высшего командования в славной армии Палатия), объявил, что из-под Скабея уже должен был выступить Четвёртый легион палатийцев, а из Шинтана обещали прислать целых два свежих, полнокровных полка, спешно сформированных из дополнительного набора рекрутов. А это значит... Правильно – снова ждём...

Вот что заставляло сержанта Тина Лэйто скрипеть своими многострадальными зубами. Враг чуть ли не ежедневно множился в числе – почти каждый день с запада подходили два, три, а иногда и до пяти чёрных как смоль кораблей, выгружающих на берег очередную порцию нежити. Когда полк Лэйто только прибыл, на побережье было, по его подсчётам, порядка полутора-двух тысяч зомбаков. Теперь же их число по самым скромным подсчётам приближалось к пяти тысячам. И очевидно, что это был не предел. Конечно удивительно, что Тондрон подготовился к вторжению спустя рукава, не озаботившись тем, чтобы создать мощный флот, способный за раз пригнать сюда десять тысяч бойцов, но кто же поймёт этого Гурра? А вот о судьбе эллорских колонистов думать не хотелось – вряд ли она была завидной...

А ещё очень раздражало слово «вторжение», которое употребило штабное начальство, а затем разнесли все остальные, до последнего полкового повара. Сам Лэйто не стал бы использовать столь многозначительный термин. «Вторжение» – звучит пугающе, панически. Почему бы не назвать это просто нападением? Очередной враг напал на нашу родину – такой посыл вызывает скорее ярость, чем страх. А вот вторжение... Это слово парализует слабые души, деморализует тех, кому не повезло родиться отважными.

Да и что это за вторжение? За несколько недель присутствия враг из тысяч и тысяч квадратных лиг Паэтты оккупировал едва ли четверть. Четверть квадратной лиги, конечно, а не четверть Паэтты. Но вот это дрянное слово убеждает малодушных именно во втором. А малодушных у нас искать не надо. В отличие от храбрецов.

Хотя сейчас рядом с Лэйто малодушных нет. Как и каждый день, в дозор с ним отправлялась всё та же неразлучная троица – Пэрри, Парк и Вилли. Пэрри, как и Лэйто, был добровольцем, ищущим славы и драки. Парк и Вилли, даром что рекруты, по бесшабашности и отваге ни в чём не отставали от приятелей. Именно эта троица чаще всего сопровождала Лэйто во всех его приключениях. Из восьмидесяти воинов роты четверо – это уже неплохое ядро, которое в случае заварушки соберёт вокруг себя необходимую критическую массу.

А ведь был ещё и второй сержант, Пэйл, который хотя и был королём всех засранцев, но храбрости и ума ему было не занимать. И у него тоже была своя свита – четверо сорвиголов, которые, увы, часто пускали свои таланты не в то русло. Но вот эти девять бойцов, да плюс сам командир роты лейтенант Брайк, в итоге образовывали крайне боеспособную десятку, способную тащить за собой всю роту.

– Сегодня опять новеньких подвезли... – прошептал мелкий чернявый Парк всем очевидную вещь.

Из их секрета всё побережье было как на ладони. Поросший кустарником холм – один из множества других, подходящих почти к самому побережью – понравился Лэйто с первого же дня. Удобно подойти, удобно отойти. Да и для наблюдения подходит как нельзя лучше. Сержанта и его подчинённых сейчас отделяло от врага не более трёх сотен шагов. Они копошились там, внизу у побережья, словно мерзкие чёрные муравьи.

Чем они занимались там ежедневно – Лэйто до сих пор не мог взять в толк. Это была не обычная солдатская лагерная жизнь – никто не готовил пищу, не валил деревья, не ставил палатки, не рыл отхожих ям. В большинстве своём зомбаки просто сидели неподвижно на берегу, иной раз, кажется, не меняя позы в течение всего дня. Однако некоторые почему-то, напротив, находились в постоянном движении, однако, с точки зрения сержанта – совершенно бессмысленном.

Силы вторжения (как их называл полковник Свинья) вели себя непонятным для бывалого вояки образом. Они больше походили на стадо баранов, которых вывалили на берег, и которые теперь совершенно не знают, что им делать дальше. Они словно были лишены какой-то важной составляющей, которая превращала их в полноценных солдат.

– Эх, пердяжъя кость, чего мы цацкаемся-то с ними! – яростно прошипел конопатый Вилли. – Они вон вошкаются, как сонные солохи – приходи да бери голыми руками!

– Много ты брал голыми руками зомбаков? – резонно заметил Пэрри, наиболее рассудительный и осторожный из трёх, больше похожий на аптекаря, чем на солдата. – Его, поди, так просто-то не рубанёшь.

– Да мы их с этих холмов расстреляем, они и подойти не успеют! – продолжал гнуть своё Вилли. – Ты погляди, как они ходят! Моя бабка до ночного горшка и то быстрее доходила!

– И что им твои болты? – едко усмехнулся Парк. – Они ведь и так уже дохлые! Как сделать дохлого ещё дохлее?

– Хорош языки чесать, – Лэйто оторвался наконец от своих мыслей и сплюнул сквозь зубы. – Пока один из вас, обалдуев, не станет командиром нашего полка, будем делать то, что велит начальство. Начальство велит наблюдать и ждать. Какое именно из этих двух слов вам кажется непонятным?

– У начальства срань вместо мозгов, – Вилли, кажется, сегодня никак не хотел угомониться. – Почти неделю сидим тут и любимся, как чёрные подвозят всё новых и новых зомбаков. Чего будем ждать? Когда придут латионцы и всё разрулят, как обычно?

Лэйто вновь сплюнул – на это возразить было нечего. Он и сам с горечью думал о том, как в глазах соседей выглядит армия Палатия. Словно сборище барышень, что визжат, завидев паука. И тут же зовут на помощь суровых и мужественных латионцев.

– Делать нечего, – наконец процедил он. – Сказано – ждать, значит будем ждать.

– Мне вот интересно, почему они так странно себя ведут, – почесав плохо выбритый подбородок, глубокомысленно спросил Пэрри. – Почему не рассредоточиваются по местности, почему не строят фортификаций? Толкуются на берегу, как стадо овец...

– Да а на кой хрен им фортификации! – моментально возразил Вилли. – Зомбакам жрать не надо, спать не надо, срать – и то не надо! Сиди себе на песочке, да и горя не знай!

– Да нет, – задумчиво протянул Лэйто. – Мне кажется, тут дело другое... Им словно не хватает чего-то, чтобы начать действовать. Может быть, пастух ещё не прибыл.

– Давить их надо, пока время есть ещё! – завёл старую песню Вилли.

– Заткнись! – беззлобно посоветовал Лэйто, чтобы не пришлось признать, что рыжий прав.

На какое-то время воцарилась тишина. Четверо мужчин, лёжа на порядком вытоптанном за последние дни пятачке травы посреди кустов, пялились на муравейник внизу, варясь каждый в собственных мыслях. В паре кабельтовых⁶ от берега очередной чёрный корабль спускал на воду шлюпки, сгружая на берег ещё полторы, а то и две сотни новых уродцев. В общем, очередной дерьмовый день. О том, сколько таких дней будет ещё впереди, пока не объявятся спасители-легионеры, Лэйто старался не думать. В отличие от этих троих он – сержант, а это

---

⁶ Кабельтов – морская мера длины, равная примерно 185 метрам.

значит, что ему нужно думать не только за себя, но и за всех своих подчинённых. И не пороть горячку.

***

– Ну что, как там сегодня вели себя зомбаки? Не слишком вас пугали? – осклабил гнилые зубы сержант Пэйл, встречая возвращающуюся с дежурства четвёрку Лэйто.

– Смирненько вели, – заверил Вилли. – Я им прямо на головы поссал, так они даже не утёрлись!

– Шутник... – криво усмехнулся Пэйл. – Ты уж прямо говори – поссал, или всё-таки обоссался...

– А чего ему ссаться? – невозмутимо пожал плечами Парк. – Вилли у нас не из трусливых. У него, вообще-то, и при Каледо коленки не дрожали. А вот для ваших парней, сержант, мы там ямку вырыли, куда заняться было нечем. Авось в этот раз портки не измарают!

Вилли довольно хохотнул, ободрённый поддержкой товарища, а Пэйл, напротив, резко потемнел лицом. Конечно же, Парк был совершенно не прав – под Каледом и сам Пэйл, и его «свора» показали себя не хуже, чем люди Лэйто. Все там стояли, не дрогнув, хотя в какой-то момент казалось, что живым из боя не выйти никому. Более того, там, как и в любом другом бою, все тёрки между двумя сержантами и их людьми уходили на самый задний план. В сражении Лэйто, не колеблясь, отдал бы жизнь за Пэйла, а Пэйл прикрыл бы того же Вилли или Парка, не щадя своей. Но то в бою.

Раздрай между Пэйлом и Лэйто был неизбежен. Оба – сильные, привыкшие доминировать лидеры. Оба – чертовски хорошие вояки, ловкие и смелые, словно дьяволы. Оба знают, как нужно говорить с подчинёнными. Только вот характеры чересчур разные. Уравновешенный, не чуждый понятий долга и чести Лэйто относился к ушлому и взрывному Пэйлу с явной неприязнью. Они не могли стать друзьями, а потому были вынуждены стать врагами. Однако оба были профессионалами, так что их вражда несколько не снижала боеготовность вверенной им роты. Они любили втыкать шпильки друг другу в задницы, но всегда знали, когда нужно остановиться. Вот и сейчас Лэйто, усмехнувшись незамысловатой шутке приятеля, тем не менее, тут же осадил его:

– Заткнись, Парк!

– Вот именно, – хмуро бросил Пэйл. – Завали, мелкий! А ты, Лэйто, придержи своих шавок, а то больно брехливы они стали.

– Это нервное, – с самым серьёзным лицом кивнул Парк. – У меня просто мозги от страха размякли, сержант.

– Пошёл ты, – махнув рукой, Пэйл двинулся к костру, у которого сидели бойцы, готовые сменить Лэйто на наблюдательном посту. Среди них как раз были его подручные.

Вилли и Парк тихонько прыснули от смеха. Будучи такими разными внешне, они, на самом деле, были во многом схожи. И излишняя смешливость была одной из их общих черт.

– Сколько раз говорил – не задирайте Пэйла! – несколько раздражённо прикрикнул Лэйто. Хотелось на ком-то выместить злость – хотя бы даже на этих двоих.

– Да он сам нарываемся... – попытался оправдаться Вилли.

– Он – сержант! – рявкнул Лэйто, так что даже Пэрри на мгновение втянул голову в плечи. – Если он прикажет тебе лизать собственные сапоги языком, или ковырять стрелой в заднице – ты будешь это делать! И своё мнение при этом засунешь ещё глубже, чтобы случайно не выковырнуть наружу!

– Да, сержант, – понурил голову Вилли.

Конопатый по личному опыту знал, что сейчас лучше всего согласиться со всем, что говорит Лэйто и молча принять этот выговор. Даром, что они с Лэйто были друзьями. Даром, что почти каждый вечер в Таирнее они хлебали одно и то же вино за одним столом. Когда

Лэйто включал сержанта, для него больше не существовало ни друга Вилли, ни друга Парка, ни кого-то другого. И затрещину он мог вклеить знатную. Причём потом даже не извинившись во время следующей попойки. Потому что Лэйто свято верил, что так надо и только так – правильно.

– Айда к кашеварам! – чтобы сгладить момент, предложил Пэрри. – А то у Парка последний час так в пузе урчало, что до сих пор удивляюсь, как это нас зомбаки не вычислили!

– Вот это – хорошая идея! – кивнул Лэйто, своим тоном как бы продолжая воспитывать Парка и Вилли: мол, вот – отличная идея, в отличие от вашей глупой затеи дразнить Пэйла. – Пойдёмте-ка, отведаем гуляша.

Настроение у всех чуть улучшилось, и все четверо направились туда, где дымила белым дымком походная кухня. И они уже почти добрались до места, когда к Лэйто подскочил молодой рядовой:

– Сержант Лэйто, вас вызывает лейтенант Брайк.

К чести Лэйто, у него даже не возникло мысли недовольно проворчать что-то вроде «На кой дьявол я ему сдался?», или «Неужели это не подождёт, пока я пообедая?». Лэйто был солдатом до мозга костей; больше того – он был сержантом. Поэтому, проглотив недовольство, он молча кивнул и тут же направился к палатке лейтенанта. Оставшаяся троица, переглянувшись, двинулась дальше в сторону полковой кухни.

Глава 2. Задание

Если кому-то интересно, как можно в тридцать с небольшим лет заработать прозвище «Батя», которое без всякого сарказма будут использовать все твои подчинённые – почти сотня сорвиголов, многие из которых возрастом годятся не в сыны, а в братья, а то и отцы, то об этом нужно спросить именно лейтенанта Брайка. Потому что ему это удалось. Брайк не только заслужил это уважительное «Батя» – он носил его с честью.

Многие старожилы полка, в том числе и Лэйто, не только знали историю происхождения этого прозвища – они принимали в ней активное участие. Сам сержант Лэйто, конечно, не претендовал на право первоназвателя, но наверняка был одним из первых подхвативших. Потому что сам лично был обязан молодому лейтенанту жизнью.

Они с Брайком были почти одногодками – лейтенанту сейчас было тридцать два, а Лэйто – тридцать один. Когда во главе их роты четыре года назад поставили нового лейтенанта взамен дослужившегося до пенсии старого Бэйра, который, кстати, тоже был мужик что надо, то Лэйто одним из первых презрительно фыркал, поглядывая на этого юнца, казавшегося ещё младше на фоне уходящего Старика. Брайк выглядел довольно нелепо, улыбаясь во весь рот блаженной улыбкой мальчишки, дорвавшегося до своей мечты. Лэйто, который к тому времени уже года три-четыре как был сержантом, мысленно вздохнул, ожидая, что ему придётся нянчиться теперь ещё и с новым ротным.

Не тут-то было. Конечно, Брайк поначалу наделал немало ошибок, поочередно понаступая на все обычные в таких случаях грабли. Одной из его ошибок был тон, который он взял в общении с сержантами. Брайку претило, что кто-то из его подчинённых станет давать ему советы, да ещё в столь снисходительной манере.

Дошло даже до того, что Пэйл отхватил наряд и был вынужден отправиться драить кухонные чаны, причём всё это время Брайк находился рядом, поскольку гоношистый Пэйл, конечно же, сразу недвусмысленно дал понять, где он видал такие наряды. Нашла коса на камень, и камень неожиданно поддался. Кидая лютые взгляды на сидящего неподалёку Брайка, Пэйл всё-таки отчистил данные ему два котла (поварёнок позже отхватил за это знатный тумак). Что-то такое он увидел в лице лейтенанта, что решил не лезть на рожон.

С этого момента Лэйто проникся к молодому командиру симпатией, причём совсем не потому, что тот унизил такой кусок дерьма как Пэйл (это-то как раз сержант в душе и не одобрял). Просто он увидел в этом улыбающемся юноше стальной стержень, не гнущийся даже под напором таких вот отчаянных типов.

Но прозвище своё Брайк заслужил годом позже, когда Пятый стрелковый был брошен к устью Труона, где северные варвары, поддерживаемые Чёрной Герцогиней, пытались укрепиться, чтобы контролировать водный путь в Шинтан. Полк направили к небольшому городку Тавер, лежащему на левом берегу реки прямо на побережье Серого моря.

В тот момент Тавер был захвачен берсерками уже несколько недель. Что творилось в городе – страшно было даже представить, потому что он сейчас был блокирован совместными силами нескольких палатийских полков и тремя когортами Пятого легиона латионцев. К сожалению, вопрос судьбы жителей Тавера рассматривался даже не во вторую и не в третью очередь. Главная задача была – во что бы то ни стало выбить дикарей из города.

Было очевидно, что блокада терпит крах – проклятая Чёрная колдунья каким-то образом поставляла продовольствие в полностью окружённый город (позже выяснится, что этими же припасами по её приказу берсерки снабжали и местных жителей, оказавшихся запертыми в кольце). И тогда было решено провести решительный штурм, благо общее число обороняющихся северян по данным разведки не превышало четырёх сотен.

Довольно идиотским решением было бросить Пятый стрелковый полк в качестве ударной силы. Полковому командованию разъяснили, что они – свежие силы, непотрёпанные длительной осадой, что оказать огневую поддержку наступающим не представляется возможным ввиду ограниченности пространства узких улочек города. В общем, после того как латионцы, не считаясь с потерями, сумели сломать городские ворота, в пролом тут же бросили полк Лэйто.

Второй роте была поставлена задача захвата рыночной площади, расположенной ярдах в семистах от ворот, с целью укрепиться там и ждать подкрепления. Поначалу всё шло неплохо – сопротивления никто не оказывал, и рота достигла площади быстро и легко. Рыночная площадь была невелика, со всех сторон окружена двух- или трёхэтажными зданиями и заставлена покинутыми палатками и лотками.

– Отвратное место для закрепления позиции... – озабоченно пробормотал лейтенант Брайк, оглядывая плацдарм. – Здесь мы открыты со всех сторон, и северяне прихлопнут нас тут, словно муху.

– И каково ваше предложение? – спросил Лэйто, который полностью разделял опасения командира.

– Сменить позицию, – не раздумывая, произнёс лейтенант. – Исключить возможность нападения со всех сторон, дать необходимое пространство для стрельбы. Идеально подошёл бы какой-нибудь тупик.

– Прошу прощения, *командир*, – вмешался Пэйл, с видимым отвращением произнеся последнее слово. – Я правильно понимаю, что вы собираетесь нарушить приказ вышестоящего начальства?

– Не нарушить, а усовершенствовать, сержант, – Брайк ответил так спокойно и естественно, будто его спросили всего лишь «который час?».

– Никогда не слышал о такой формулировке, – скривил губы Пэйл. – Вы, господин лейтенант, в армии недавно, а *если* продержитесь с моё, то узнаете, что начальство не любит, когда его приказы обсуждают.

– И тем не менее, вы продолжаете оспаривать приказ вашего непосредственного командира, сержант, – тепло улыбнулся Брайк. – Где же логика?

– А логика, лейтенант, очень проста, – Пэйл намеренно опустил слово «господин», тем самым словно уравнив Брайка с собой. – Вы – зелёный пацан, и когда позднее полковник Жокко узнает, что вы ослушались приказа, то попадёт не только вам, но и нам, сержантам. Лично я не собираюсь рыть отхожие канавы из-за того, что вы возомнили себя великим стратегом.

– Сейчас, сержант Пэйл, я спущу вам столь вопиющее нарушение субординации, поскольку мы находимся в бою, – внезапно затвердевшим голосом процедил Брайк. – Но после вам придётся ответить за это по уставу. Теперь же я приказываю всем, и вам в том числе, двигаться вон по тому переулку, который заканчивается тупиком, там занять оборону и ожидать других моих приказов.

– Слушаюсь, командир! – гаркнул Лэйто, надеясь, что у Пэйла хватит ума не поднимать волну. Однако он в очередной раз ошибся.

– Я и мой взвод останемся там, где нам приказал полковник Жокко, – отчеканил Пэйл. – После боя я лично обращусь с докладом к полковнику, чтобы сообщить о вашем нарушении приказа.

– Брось, Пэйл, – попытался урезонить Лэйто, но стало лишь хуже.

– Ты пойдёшь с этим молокососом? – ядовито усмехнулся Пэйл. – Он ещё не видел ни одного берсерка, а уже в штаны наложил. Если уведёшь своих людей, Лэйто, я укажу это в своём донесении.

Было видно, что солдаты из взвода Пэйла весьма встревожены и растеряны. На самом деле, большинство из них склонялось к мнению Лэйто и Брайка, но никому не хотелось ощутить на себе злопамятный гнев сержанта.

– Бойцы, – заметив это, обратился к ним Брайк. – Я, как ваш командир, предлагаю подчиниться моему непосредственному приказу. Сержант Лэйто, ведите людей.

Взвод Лэйто, выдохнув, отправился за своим сержантом. Люди из взвода Пэйла жалобно смотрели им вслед. Наконец один немолодой уже солдат сплюнул и сказал:

– Простите, сержант, но жизнь – она как-то дороже будет...

И направился вслед за Лэйто. Это словно сломало невидимую преграду – большинство стоящих на площади солдат бросились вслед за ним. Вокруг Пэйла осталось не больше десятка либо наиболее преданных, либо наиболее глупых.

– Сержант, я приказываю... – вновь начал было Брайк.

– Вот что для меня твой приказ, – процедил Пэйл, высморкнув на землю неподалёку от лейтенантовых сапог густую зелёную соплю.

– Как знаете... – стиснув зубы, проговорил Брайк и двинулся за остальными.

Однако далеко уйти он не успел. Воздух огласился страшным воющим визгом, свистом и криками, а затем на площадь из окрестных домов высыпало десятка три берсерков. Поблудневшие солдаты, оказавшиеся в ловушке, поспешно вскинули тяжёлые арбалеты, выпустив с десяток болтов, но почти все они прошли мимо. Побросав бесполезные самострелы, стрелки спешно выхватывали короткие мечи, прощаясь с жизнью.

– Сынки! Прикрывай! – разнёсся вдруг над площадью громовой голос Брайка. Кто бы мог подумать, что этот юноша, всегда говорящий тихим мягким голосом, способен так кричать! – Лэйто! Свой взвод – на позицию для стрельбы! Взвод Пэйла – отбивай командира!

И этот тщедушный юноша, выхватив офицерскую саблю, ринулся в атаку даже не обернувшись, чтобы посмотреть, как остальные отреагировали на его команду. Надо отдать должное Лэйто – он отреагировал идеально. Едва ли не парой жестов он послал свой взвод дальше по переулку, приказав построиться там в позицию для стрельбы, а сам же вместе с людьми Пэйла бросился на площадь.

Тем, кто остался на площади, не повезло. Первый удар берсерков был страшен, и семеро из десятка упали, срубленные мечами варваров. Сам Пэйл держался, но было видно, что он уже считает себя обречённым. Однако тут подоспел Брайк.

Всё-таки он отлично обучался фехтованию в военном училище – словно угорь, он проскользывал между неповоротливыми северянами, нанося удары направо и налево. Вскоре подоспели и остальные три десятка, которые отчаянно ударили по берсеркам, заставляя их перегруппировываться.

– Сюда! – крикнул Пэйлу Брайк, пытаясь заставить северян расступиться.

Надо сказать, что с сержанта к тому времени спала всякая спесь. Бледный как полотно, он кое-как уходил от ударов двуручников. Он и оставшиеся с ним четверо бойцов начали прорываться к остальным.

Это была страшная рубка – окровавленные люди падали на землю один за другим, и в основном это были люди Брайка. За каждого убитого или раненого берсерка палатийцы платили тремя, а то и четырьмя своими. Шаг за шагом стрелки отходили к переулку, где с арбалетами наизготовку ждали товарищи.

До переулка добралось не более двух десятков солдат. Примерно столько же врагов преследовало их. Наконец, выждав удобный момент, Брайк всё тем же своим громовым голосом рявкнул:

– Бежим!

Все побежали без малейшего зазрения совести. Более тяжело вооружённые берсерки не смогли оперативно отреагировать, так что у палатийцев образовалась небольшая фора. Вбежав в переулочек, Брайк скомандовал:

– Лжись! Пли!

Хвала небесам – дожившие до этого момента бойцы выжили вероятно именно потому, что были достаточно умны. Все они тут же ничком бросились на землю. И мгновение спустя над ними злобно прожужжали тяжёлые болты. Больше дюжины берсерков рухнули как подкошенные, но остальные рванули вперёд с удвоенной скоростью. Это могло бы печально кончиться для потрепанных соратников Лэйто, которые теряли время, вскакивая с земли, но арбалетки, выпустив болты, тут же с яростными криками бросились на врага.

Порядка сорока бойцов против едва ли десяти – силы всё-таки неравные. Как бы ни были хороши северяне, но они уже потеряли силы в предыдущей схватке, некоторые из них были ранены. Не прошло и десяти минут, как все они лежали распластанными в лужах собственной крови. Правда, до того они сумели прихватить на тот свет ещё с полтора десятка солдат.

В тот день вторая рота лишилась более половины личного состава. Позже выяснилось, что другим досталось немногим меньше, да и штурм оказался неудачным – на некоторых участках берсерков было куда больше, а кроме того, среди них оказался шаман, вероятно, усиленный Чёрной Герцогиней. В конечном итоге порядком обескровленные войска были вынуждены уйти из города, оставив его в руках варваров.

Но в тот момент солдаты второй роты ни о чём таком не думали – они просто отдыхали после схватки, не переставая благодарить судьбу за то, что выжили. Они сидели в том же переулке, что стал спасительным для них – сидели прямо на земле, положив рядом заряженные арбалеты и обнажённые мечи, вздрагивая от малейшего шума. Стонали раненые, кто-то шептал молитву, кто-то кашлял, пытаясь восстановить дыхание.

– А здорово вы, господин лейтенант, саблей-то машете! – из уст Пэйла это прозвучало как самое настоящее искреннее извинение.

– Да вы тоже, сержант, не пальцем деланы! – усмехнулся Брайк, машинально поглаживая окровавленный рукав, под которым скрывался небольшой порез от северного меча.

– Я был неправ, – у Лэйто при этих словах глаза на лоб полезли, поскольку он впервые за многие годы слышал, чтобы засранец Пэйл перед кем-то извинился. – Мои ребята погибли из-за меня.

– Вне всякого сомнения, – подтвердил Брайк. – И вам придётся ответить за это позднее. Когда выберемся отсюда.

– Я готов, – просто ответил Пэйл и замолчал.

Тишина длилась достаточно долго, чтобы стать невыносимой.

– Ну и голосище у вас, господин лейтенант! – заговорил Лэйто, чтобы хоть что-то сказать. – Никогда бы не подумал!

– А что это вы крикнули-то? – подхватил Пэйл. – «Сынки, прикрывай»?

– Да крикнул первое, что в голову взбрело! – покраснел Брайк. – Сам не знаю, почему именно это слово выскочило...

Лэйто добродушно рассмеялся, видя это смущение. Перед ним вновь был совсем ещё молодой человек и невозможно было представить, что какие-нибудь четверть часа назад он бесстрашно и яростно бился с врагом, а менее получаса назад своим волевым решением спас большинство из тех, кто сидел сейчас рядом, от верной смерти. Веселье подхватили и другие бойцы, но в смехе этом сквозило истинное уважение и благодарность. Однако лейтенант смеялся ещё больше.

– А ведь отличный батя-то нам достался, а мужики? – воскликнул Пэйл, и дружный галдёж подтвердил верность его слов.

Вот так оно и пошло. Теперь все бойцы второй роты (хотя большинство из них было набрано уже после этих событий) за глаза называли ротного Батей, и оба сержанта, а также оставшиеся ветераны свято чтили эту традицию, и несли её, так сказать, в массы, не жалея ни крепкого словца, ни затрешины, когда это было необходимо. Удивительно, но это прозвище подхватили даже многие солдаты других рот, что особенно грело душу и Лэйто, и Пэйла.

Что же касается того злополучного дня, то спустя примерно час к остаткам роты добрался посыльный из штаба, скомандовавший отход. Лишь увидев перетёртые, искромсанные остатки других отрядов, стрелки поняли, что им ещё повезло и они попали не в самую гущу.

Увы, по итогам этого дня Пятый стрелковый не досчитался почти шестидесяти процентов личного состава, причём значительная часть этих потерь была безвозвратной. Полк отправили на доформирование, и, хвала богам, под Тавер они уже не вернулись. Сержант Пэйл, как и было обещано лейтенантом Брайком, понёс суровое наказание за свой демарш, но снёс его стоически и смиренно. С тех пор, наверное, трудно было сыскать в роте человека более преданного командиру, чем он, что немало удивляло Лэйто, считавшего, что Пэйл не способен думать ни о ком, кроме себя.

После Тавера полк ещё пару раз попадал в горячие точки, последней из которых как раз стала битва при Калед, после которой полк и был отправлен в Таирней. И всякий раз Лэйто не переставал благодарить Асса за то, что послал им такого толкового командира. И именно поэтому он так безропотно отнёсся к срочному вызову лейтенанта, несмотря на то что тот лишил его возможности отобедать.

***

Лэйто нашёл лейтенанта в его палатке – тот что-то торопливо писал.

– Вызывали, господин лейтенант? – Лэйто быстрым жестом отсалютовал командиру и замер, ожидая дальнейших указаний.

– Да, сержант, проходите, – поднимая глаза, кивнул Брайк. – Подождите секунду, я уже заканчиваю.

Несмотря на то, что Лэйто и Брайка связывали отношения, которые вполне можно было бы назвать дружескими, ни тот, ни другой не стремились сделать их панибратскими. У Брайка это получалось удивительно органично и просто – сохранять чёткую субординацию в общении с подчинёнными, и при этом иметь с ними тёплые, уважительные отношения.

Лэйто стоял, слегка наклоняя голову – палатка лейтенанта была не слишком высока, и хотя сержант не касался макушкой её потолка, но подсознательно всегда наклонялся. Скорее от нечего делать, чем из любопытства он наблюдал за выражением лица своего командира, поэтому видел, что тот беспрестанно хмурится, выводя строчки.

– Что там гомункулы? – не поднимая головы от бумаги, спросил Брайк, скорее из вежливости, чем всерьёз рассчитывая узнать что-то новое.

– Зомбаки-то? – с готовностью отозвался Лэйто. – Да а что им станется? Сидят у берега по-прежнему.

– И новые корабли подходили?

– При нас один пришёл.

– Ясно, – кивнул лейтенант, и на какое-то время вновь стало тихо, лишь слышалось, как скрипит перо по листу пергамента.

Наконец Брайк закончил писать, отложил перо, посыпал лист песком и, аккуратно сдув остатки песка на пол, не менее аккуратно сложил лист пополам.

– Знаете, что это, сержант? – взглянул он на Лэйто.

– Никак нет, господин лейтенант, – ответил тот, но про себя подумал, что сейчас наверняка узнает.

– Ваша подорожная, – как о чём-то само собой разумеющемся сообщил лейтенант. – Сейчас отправитесь в канцелярию штаба и там поставите печать.

– Моя подорожная? – Лэйто был порядком озадачен.

– Если быть точнее, то не только ваша, но ещё и вашего почётного эскорта, – усмехнулся Брайк. – Отправитесь со своей троицей.

– Это куда же?.. – сержант был так удивлён, что несколько забылся, но быстро поправился. – Разрешите спросить...

– В Латион, – Брайк сделал вид, что не заметил оплошности подчинённого.

– За подмогой, что ли? – лицо Лэйто потемнело.

– В некотором роде, – улыбнулся Брайк. – Вам нужно будет доставить сюда одного человека.

– Что за человек? – быстро спросил Лэйто, и понял, что вновь позволяет себе общаться с командиром не совсем по уставу. – Прошу прощения, господин лейтенант, но, думаю, я имею право задавать вопросы?

– Разумеется, сержант, – Брайк встал из-за стола и двинулся к Лэйто. – Этого человека зовут Бин Танисти. Живёт в Латиионе, ему двадцать шесть лет. Адрес и описание вам также дадут в штабе.

– И чем же он ценен для нас? – сержант силился понять логику своего задания, но пока не получалось.

– Судя по всему, есть вероятность, что он способен остановить вторжение Тондрона, – по виду Брайка было видно, что он совершенно не шутит.

– Ого! – насмешливо присвистнул Лэйто, но тут же вновь сделал виноватое лицо. – Раньше мы нанимали латионцев легионами, а теперь вот – поштучно? Что же это за чудо-богатырь такой?

– Не уверен, что могу объяснить, – пожал плечами лейтенант. – Но не потому, что не хочу, а потому, что сам мало что понимаю. Часа два назад у меня состоялся довольно странный разговор с полковником Жокко... Хотите есть, сержант? – неожиданно прервал сам себя Брайк.

– Ну... Я как раз направлялся на обед, когда меня вызвали к вам, – не стал отпираться Лэйто.

– Вот и отлично, – обрадовался Брайк. – Я и сам сегодня ещё не обедал. Составите компанию?

– С удовольствием, господин лейтенант, – улыбнулся Лэйто.

– Пошлите кого-нибудь, пусть принесут нам поесть.

– Слушаюсь! – сержант с удовольствием бросился исполнять приказ.

– Прошу, садитесь сюда, сержант, – после того, как Лэйто вернулся, Брайк указал за стол. – Сейчас принесут еду, а пока я введу вас в курс дела.

Не заставляя просить себя дважды, Лэйто уселся за стол, на ходу потеряв ладони рук о штаны, хотя особо чище от этого они не стали.

– Вы слышали о лирийской магине Дайтелле, сержант? – не стал терять времени Брайк.

– Хм... Кое-что слышал, – Лэйто был озадачен подобным началом.

– Так вот, как сказал полковник, этот самый Бин Танисти понадобился Дайтелле, чтобы остановить вторжение армии Тондрона, – принесли еду, так что на некоторое время Брайк замолчал, ожидая, когда солдат выйдет. – Прошу, сержант, угощайтесь.

Лэйто, которого не нужно было особо упрощать, с удовольствием принялся за еду, не забыв отметить про себя, что лейтенант кормится из тех же котлов, что и он – никаких особенных блюд на столе не было.

– В общем, сержант, ваша задача как можно быстрее добраться до Латииона, разыскать там нужного человека и доставить его сюда, – тщательно пережевывая пищу, продолжил Брайк.

– И что же – этот парень на пару с Дайтеллой уничтожит армию Тондрона? – недоверчиво переспросил Лэйто, запивая кусок жёсткого мяса простой водой.

– Чего не знаю, того не знаю, – усмехнулся Брайк. – Мне кажется, полковник Жокко и сам не очень-то понимает, что к чему. Он вызвал меня и спросил, есть ли у меня парочка ребят потолковее. Я подумал, что толковее вас я вряд ли кого-то подберу. Ну что, возьмётесь за задание, сержант?

– Так это приказ, или у меня есть выбор? – поинтересовался Лэйто.

– Пока есть выбор, но если вы откажетесь, то тогда это будет приказ, – улыбнулся Брайк. – Просто вам я доверяю, как никому другому.

– Понятно, – несмотря на похвалу, Лэйто всё же закусил губу. – Просто обидно, что тут намечается заварушка, а меня не будет.

– Я думал, вам уже осточертело каждый день валяться в кустах, глядя на приплывающие корабли, – усмехнулся лейтенант.

– Но ведь когда-то это закончится, – скрипнул зубами Лэйто.

– Может тогда, когда вы доставите сюда этого Бина Танисти? – проговорил Брайк.

Глава 3. Поиски

Наскоро окончив обед, Лэйто уныло взял свою подорожную и отправился в палатку, которую Брайк именовал штабной канцелярией. Чернявый капитан с мелкими бегающими глазками, узнав о цели его визита, отвёл сержанта за одну из множества парусиновых перегородок, делавших шатёр словно бы многокомнатным, и там провёл уже более подробный инструктаж.

Лэйто был дан подробный словесный портрет этого парня, Бина, а также указание его адреса проживания. Лэйто, конечно же, ни разу не бывал в Латионе, поэтому ему сообщили несколько ориентиров, по которым он мог бы отыскать необходимое место. «Там спросите, сержант, не мне вас учить» – от себя добавил капитан, на что Лэйто лишь кивнул.

– Предполагаю, что прямой путь не всегда самый короткий, – продолжил капитан. – Если направитесь через Коррэй, то рискуете заплутать в их дебрях, или просто завязнете в бездорожье на недели. Рекомендую направиться в Шинтан, а оттуда подняться вверх по Труону.

– Благодарю, господин капитан, – Лэйто и впрямь был благодарен, потому что лезть сквозь комариные леса Коррэя ему не улыбалось совершенно.

– Стоит ли говорить, что обратный путь лучше всего совершить подобным же образом?

– Никак нет, господин капитан.

– Вот и славно. Теперь по поводу содержания. Предполагаю, что в пути вас могут постигнуть различные непредвиденные расходы, так что вы получите двойные суточные. Если не станете жевать сопли, то доберётесь до Латиона за три недели. Положим все двадцать пять дней. Тогда на четверых вам потребуется... – капитан сделал небольшую театральную паузу, словно что-то подсчитывал, хотя Лэйто был уверен, что сумма ему уже известна. – Ровным счётом один тоин на путь туда и обратно.

– Осмелюсь заметить, на обратном пути нас будет пятеро, – хотя Лэйто слегка обалдел от названной суммы, но решил попытать счастья.

– Хорошо, – несколько задумавшись, милостиво кивнул капитан. – Добавим сверху ещё десять верентов⁷.

– Благодарю, господин капитан! – вновь воскликнул Лэйто ещё более счастливым голосом.

Перспектива предстоящего путешествия казалась всё более приятной. Действительно, ежедневное пролёживание боков в наблюдении за всё прибывающими гомункулами уже порядком достало. До тех пор, пока не придут основные силы, о каких-либо боевых действиях можно было и не мечтать. А уж если учесть, что он, Лэйто, вроде как должен доставить сюда главного убийцу зомбаков, то это и вовсе давало возможность прославиться куда больше, чем пальба из арбалета в бою. Да и путешествие по цивилизованным землям с карманами, набитыми деньгами, играло далеко не последнее значение.

В общем, из штабной канцелярии Лэйто вышел в приподнятом настроении и направился к расположению роты, слегка насвистывая.

– Когда отправляемся? – это был первый вопрос, который задал ему Пэрри, едва заметив подходящего сержанта.

Лэйто всегда удивляло, как быстро, почти сверхъестественно распространялись новости в армии. Причём уровень секретности этих самых новостей, похоже, никак не влиял на этот процесс. Казалось бы, о разговоре с Брайком не могла знать ни одна живая душа, однако же... Вот они, трое блаженно улыбающихся придурков, словно голодные коты поджидают его, Лэйто. Очевидно, что все они уже в курсе. А может быть знают и о деньгах – то-то глаза у Парка и Вилли так маслянисто блестят.

---

⁷ Верент – более мелкая монета Палатия, составляющая одну двухсотую тоина.

– Сейчас, – Лэйто считал ниже собственного достоинства показать, насколько он удивлён. – Бегом на конюшню, возьмите четвёрку лучших лошадей. Нужно спешить.

***

Путешествие, конечно, нельзя было назвать неприятным, хотя и особо приятным оно тоже не стало. Лэйто очень скоро понял, что ему предстоит нелёгкая задача – нянчиться с неугомонной парочкой, Парком и Вилли. Оба они, уже более десяти лет назад выданные с корнем из сладкой гражданской жизни рекрутским набором, очевидно и по сей день тосковали по тем восхитительным послаблениям, которые остались по ту сторону расположения полка. И сейчас, не чувствуя над собой более тягла военного устава, оба, образно говоря, отпустили вожжи.

Хвала богам, Пэрри оказался парнем серьёзным, которого не проймёшь такой мелочью как отсутствие командиров, нарядов и постоянной армейской суеты. Вместе они с Лэйто более или менее удерживали парочку закадычных друзей от попадания в различные истории. Лэйто держал все деньги их небольшого подразделения при себе, тщательно следя, чтобы никто из его подчинённых не напился. Увы, шла война, поэтому простодушные селяне готовы были бесплатно поить любого, на ком была форма солдат его королевского величества. Так что пара заминок в пути всё-таки приключилась.

После этого Лэйто включил сержанта на полную, решив, что время либеральности к подчинённым осталось в прошлом. Не будь рядом верного Пэрри, кто знает – не взбрыкнули ли бы эти самые горе-подчинённые. Однако Пэрри, как всегда, был рядом. Хоть он и казался самым неуклюжим из всей четвёрки, однако в драке мог уложить и долговязого Вилли, и жилистого Парка.

После того как статус-кво был восстановлен, путешествие стало заметно проще. Чем дальше к востоку забирали всадники, тем лучше становились дороги, населённое деревни и богаче постоянные дворы.

Здесь же, примерно в неделе пути от побережья, они имели сомнительное удовольствие лицезреть те самые «два свежих полнокровных полка», что были посланы в помощь их товарищам из Шинтана. Видно было, что новобранцы были набраны совсем ещё недавно, вероятно, для этого провели дополнительный набор.

Несмотря на то, что на каждом из них была форма, на поясах висели мечи, а над некоторыми подразделениями взметались алебарды, меньше всего это сборище походило на войско. В затравленных глазах этих юношей читалась горькая тоска по недавно покинутым родным, страх перед грядущей битвой (при том, что Лэйто крайне сомневался, что бедолагам вообще кто-нибудь сказал, с кем им предстоит сражаться), а также удручённость тяготами армейской жизни.

– Ведут, словно скот на бойню, – презрительно скривил губы Вилли, пока они вынужденно стояли на обочине, глотая пыль проходящих колонн.

– Забыл, что ли, как сам так же плелся? – строго одёрнул Пэрри. – Ты тот ещё слюнтяй был, куда мы с сержантом из тебя человека не сделали!

– Скажешь тоже! – вроде как даже обиделся конопатый. – Я шёл в армию с радостью, а не так, как эти... Их словно только что оторвали от мамкиной юбки.

– Ага, – встрял Парк, который всегда был за справедливость. – И именно поэтому ты не написал заявления в армию, а ждал – попадёшь ли под набор!

– Не о том вы всё, – прервал Лэйто надвигающуюся перебранку. – Это какими же мразями нужно быть, чтобы послать этих сопляков биться с зомбаками? Ведь коли дойдёт до дела, половина из них поляжет, а вторая – обмочит штаны.

– Это да... – пробормотал Парк, со внезапной жалостью вглядываясь в безусые скорбные лица. – Жаль парней, тут не поспоришь. Солдатское мясо, которым будут затыкать дыры...

Даже Вилли промолчал, враз посерьёзнев. Новобранцы шли, бросая на стоящих у обочины всадников затравленные взгляды, полные чёрной зависти к тому, что те движутся в обратную сторону, то есть – ближе к дому. Подъехал на лошади какой-то лейтенант и вежливо, но твёрдо осведомился, почему четверо бойцов находятся здесь, на дороге, а не в расположении своей части. Лэйто, в нескольких словах пояснив ситуацию, протянул лейтенанту подорожную. Тот пробежал её глазами, чуть дольше задержался на печати, после чего вернул бумагу, пожелал счастливого пути и двинул своего коня вперёд, вновь занимая своё место.

– Ладно, постояли, и будет! – скомандовал Лэйто, когда промаршировали последние шеренги и протянулись обозные телеги. – По коням! До Шинтана ещё дней шесть пути. Надо спешить.

***

Путешествие до Шинтана прошло безо всяких происшествий. Показавшийся на горизонте город наполнил сердца солдат бесхитростной радостью. Лэйто был отличным сержантом, но он не был зверем, поэтому не стал возражать, когда друзья предложили заночевать в городе, а на юг отправиться уже с рассветом.

На вкус Лэйто, много лет проведенного в лагерях или провинциальных городках, тут было несколько шумновато, однако остальные ребята были просто в восторге. Заранее наняв парусную лодку, которая понесёт их по водам Труона до Латиона, четвёрка отправилась в кабак. Глубокомысленный Парк справедливо заметил, что теперь их путешествие будет мало зависеть от их самочувствия, поскольку либо ветер, либо сильные руки гребцов будут нести их к цели вне зависимости от того, чем будут заняты пассажиры. Все, включая Лэйто, сочли довод вполне весомым, так что вечер в Шинтане они употребили на то, чтобы как следует напиться за казённый счёт.

На следующее утро, кое как передвигая плохо гнущиеся ноги, четверо солдат его величества добрались до условленного причала, где их уже некоторое время поджидала команда из четверых гребцов и рулевого. Как таковой палубы у лодки, естественно, не было, так что все четверо вповалку рухнули на носу, свободном от банок, на которых сидели моряки, очнувшись лишь через несколько часов. Если бы не рулевой, он же шкипер, заботливо сделавший небольшой навес из парусины над храпящими пьянчугами, солнечных ожогов было бы не избежать.

Эта часть командировки стала самой приятной и простой. Все пять дней, что длилось путешествие, Лэйто и его команда бездельничали, лениво глядя на проплывающий пейзаж. Даже преданный армии сержант вдруг осознал, как же ему не хватало вот такой вот расслабленной жизни, когда можно просто плыть по течению (ну или против течения, как сейчас, но при условии, что вместо тебя работают четыре пары мускулистых мозолистых рук). Когда вдали показались высокие красные стены Латиона, Лэйто был почти огорчён.

***

В Кривом переулке Складского квартала Латиона, в котором Мэйлинн побывала шесть лет назад, с тех пор не изменилось ровным счётом ничего. Всё так же поскрипывали на ветру старые развалюхи, похожие на уродливые древесные грибы, облепившие ствол, всё также воняло нечистотами и запахами, источаемыми непривлекательной пищей, что готовилась тут, и даже жара была, казалось, та же самая. Лэйто с товарищами порядком поплутал по столице Латионского королевства – путь от Доков к Складам был недалек и непрямым.

Чем хороши трущобы – так это тем, что даже посреди рабочего дня и в такой солнцепёк на улицах всегда кто-то есть: всезнающие мальчишки, или ещё более всезнающие старухи. Во всяком случае, на Лэйто хоть и смотрели несколько настороженно, но вполне охотно указали на дом Бина – всё-таки военная форма внушала почтение, хоть и выдавала в её носителях иностранцев. Так же как и несколько более жёсткое, чем в Латионе, произношение.

Осторожно, чувствуя, как проседают под ним ступеньки, Лэйто поднялся на второй этаж, оставив остальную троицу жариться на солнышке – ни к чему излишне нервировать парня с первых же минут. Постучал в обшарпанную дверь.

Спустя некоторое время дверь отворилась. За ней, теряясь в дурно пахнущем полумраке, стояла девушка. Светловолосая, стройная – её вполне можно было бы назвать симпатичной, если бы не характерные отметины на лице. Лэйто тут же понял, кто она – сведения, полученные во время инструктажа, включали в себя и эту информацию.

– Что вам угодно, сударь? – в голосе девушки было удивление, но никакого страха.

– Вы – Нара Танисти? – на всякий случай осведомился Лэйто.

– Да, – теперь голос звучал ещё удивлённее. – С кем имею честь разговаривать?

– Простите, сударыня, – хотя перед ним была простая горожанка, в Лэйто вдруг проснулась галантность. – Меня зовут Тин Лэйто. Я ищу вашего брата, Бина.

– А что случилось? – вот теперь в голосе Нары прорезалась тревога.

– Ничего особенного, – поспешил заверить Лэйто, покривив, впрочем, душой. – У меня к нему есть разговор.

– Но о чём Бину разговаривать с военными? – Нара отступила на шаг назад, словно собираясь захлопнуть дверь. Заметив это, Лэйто ненавязчиво сделал шаг вперёд.

– Не уверен, что могу обсуждать это с вами, сударыня, но смею заверить, что вашему брату ничего не грозит, – снова сержант, возможно, поступился против истины, но сейчас было не время для подобных мелочей.

– Вы... Вы не из армии Латиона? – неуверенно спросила Нара, которой, конечно же, исключительно редко приходилось видеть военных, не считая городской стражи.

– Вы правы, сударыня, – почти рефлекторно Лэйто щёлкнул каблуками, вытягиваясь во фрунт. – Я – сержант армии Палатия. Служу в стрелковом полку.

– Но какое отношение Бин имеет к армии Палатия? – окончательно растерялась Нара.

– Простите, я не могу вам этого сказать, – замешкавшись на мгновение, через силу ответил Лэйто. – Извините, что отнял ваше время, сударыня Нара. С вашего позволения я пойду.

Бина нет дома – это было ясно, потому что в противном случае он уже давно вышел бы, забеспокоившись отсутствием сестры. Раз так, значит он на работе, что, в общем-то, было совершенно логично. Дабы прервать этот тягостный разговор, Лэйто, неловко поклонившись, повернулся и двинулся вниз по лестнице.

– Погодите! – сержант уже вышел на улицу, когда сзади его догнал окрик девушки.

Нара торопливо сбежала вниз. Выскочив из тёмного коридора на хорошо освещённую улицу, она сначала беспомощно зажмурилась и заморгала, пытаясь приноровиться к яркому свету. Немного привыкнув, она увидела того самого сержанта в сопровождении ещё троих солдат. Сердце у Нары оборвалось.

– Погодите! – в отчаянии крикнула она. – Вы не можете уйти, не объяснив, что происходит!

– Простите ещё раз, сударыня, но я не могу ничего объяснить, – Лэйто против воли ускорил шаг, так, словно пытался убежать.

– Я стану кричать, и вас всё равно остановят! – Нара и сама понимала, как жалко звучит её угроза, поэтому вдруг разрыдалась.

– О, сударыня! – Лэйто чувствовал себя последним ублюдком, заставившим рыдать юную девушку. – Прошу вас, не плачьте! Уверяю, что мы не причиним вашему брату ни малейшего зла! Нам нужно встретиться с ним и поговорить. Всё, что он посчитает нужным сообщить вам после нашего разговора, он сообщит! Мы вместе с ним вернёмся к вам, и тогда вы узнаете всё, клянусь честью!

– Хорошо, – глядя на палатийца широко распахнутыми глазами, из которых двумя непрерывными ручьями текли слёзы, произнесла Нара. – Я поверю вам, сударь. Я вижу, что вы – честный человек, и сдержите свою клятву.

– Так и будет, сударыня, – ещё раз поклонившись, Лэйто быстро зашагал прочь. Сопровождающая его троица направилась следом.

– Ничего девчонка, да, сержант? – сально усмехнулся Вилли.

Действительно, Лэйто неожиданно для самого себя проникся симпатией к это белокурой девушке. Она поразила его какой-то первозданной чистотой на фоне всех тех женщин, что он видал и имел в своей солдатской жизни. Он поймал себя на том, что судьба сестры Бина Танисти неожиданно очень взволновала его. Он знал, что Танисти остались сиротами, и что после ухода Бина судьба Нары может оказаться весьма неопределённой. Вероятно, все эти чувства неосторожно отразились на его лице, что незамедлительно подметил язвительный Вилли.

– Много болтаешь, рядовой! – раздражённо бросил Лэйто в ответ. – Гляди, будешь держать рот открытым – муха залетит.

Рыжий засранец лишь ехидно хмыкнул в ответ, но Лэйто заставил себя не обратить на это внимания. Он буквально чувствовал, как взгляд Нары жжёт ему спину. Даже когда они уже скрылись за поворотом, он продолжал ощущать этот взгляд.

– Далеко отсюда до Складов? – поинтересовался Пэрри.

– Должно быть недалеко, – Лэйто был благодарен старому товарищу за смену темы. – Насколько я помню из того, что мне говорили – не более десяти минут ходьбы. Лишь бы не заблудиться...

Но заблудиться тут было сложно – без преувеличения все дороги Складского квартала вели к Складам. Вскоре появились эти длинные деревянные постройки с суetyающимися около них людьми. Это было похоже на большой растревожанный муравейник. Найти здесь одного единственного человека – необыкновенная удача.

– Не хотелось бы привлекать слишком много внимания, но, боюсь, придётся расспрашивать всех встречаемых об этом Бине, потому что иначе нам его не найти... – хмуро проговорил Лэйто, вглядываясь в круговорот лиц и пытаясь выцепить из них то самое, которое они искали.

Белобрысых было не то чтобы много, но и немало. Да и долговязых среди них хватало. Увы, для Лэйто, никогда не видевшего Бина, распознать его было просто невозможно.

Как и предполагал сержант, грузчики довольно косо смотрели на четырёх вооружённых солдат иноземной армии. Конечно, между Латионом и Палатием не было войны со времён Смутных дней – напротив, они обычно выступали союзниками, однако само присутствие военных здесь, среди потных мужиков с обнажёнными торсами, выглядело чужеродно и подозрительно. Тем не менее, Лэйто не привык сдаваться, поэтому он, нацепив на себя максимально вежливую и, как ему хотелось верить, располагающую к себе мину, окликал то одного, то другого грузчика, спрашивая, где найти Бина Танисти.

Двое или трое первых опрошенных лишь отрицательно мотали головой, бурча себе что-то под нос, но уже на следующем палатийцам улыбнулась удача – молодой парень утвердительно кивнул и махнул рукой куда-то вперёд, сказав, что Бина можно найти у склада Вуйе. Парень даже было принялся объяснять, где найти этот самый склад, когда на него рывкнул один из старших грузчиков. Тем не менее, Лэйто вежливо поблагодарил пареньку и двинулся в указанном направлении.

Наконец, после некоторых мытарств, Лэйто додумался сменить тактику. Теперь он интересовался не Бином Танисти, а складом Вуйе. Ответ на этот вопрос он получил моментально – на него грузчики отвечали куда как более охотно. Добравшись до искомого склада, сержант увидел долговязого крепкого парня со светлыми волосами до плеч, какие редко кто носит из рабочих, и светлой короткой бородой, явно ухоженной, так же как и волосы. Парень стоял

с какими-то листами бумаги в руках и разъяснял что-то грузчику, вполне годящемуся ему в отцы. У Лэйто появилась твёрдая уверенность, что это – именно тот, кого он искал.

– Бин Танисти? – открыто улыбаясь, обратился он к парню.

– Он самый, – не слишком-то дружелюбно отозвался тот. – Что вам нужно?

– Я бы хотел поговорить с вами по одному очень важному делу, – максимально мягко проговорил Лэйто.

– Если вы по поводу отбитых поддонов, то обращайтесь напрямую к господину Вуйе... – сделав кислое лицо, бросил Бин.

– Нет, господин Танисти, – вновь улыбнулся Лэйто. – Вы меня с кем-то перепутали. У меня дело личного характера, касающееся вас.

– Меня? – Бин пристально поглядел в лицо палатийцу. – Странно всё это. С чего бы это у военных было дело ко мне? Неужто его величество ввёл всеобщую воинскую повинность?

– Ну что вы, – рассмеялся Лэйто. – Дело совсем не в этом. Кроме того, я являюсь подданным палатийского короля Анжея.

– Тем более не понимаю, – резко ответил Бин. – Вы видите, у меня полно работы, которую за меня ваш король Анжей не сделает.

– Это займёт не больше четверти часа, – заверил сержант. – Однако должен напомнить, что дело очень важное и напрямую касается не только вас, но и ещё очень многих людей.

– Хорошо, – против воли Бин был заинтригован. – Давайте отойдём вот туда, в тенёк, там и поговорим.

Впятером они отошли под хлипкий навес, дающий хоть какую-то защиту от солнца.

– Для начала разрешите представиться, – начал Лэйто. – Я – сержант королевской армии Палатия Тин Лэйто. Я послан командованием моего полка, дабы доставить вас на побережье залива Алиенти.

– Доставить меня? – Лэйто отметил, что в лице парня не отразилось ни грамма страха, но вполне явственно отразился гнев. – С какой это стати вы будете куда-то меня *доставлять*? Я – гражданин Латииона, и не собираюсь подчиняться вашим приказам.

– Вы неправильно поняли меня, господин Танисти! – поспешил исправиться Лэйто. – Это не приказ – упаси боги! Это – просьба.

– Просьба? – было заметно, что Бин несколько озадачен. – И зачем же мне тащиться в такую даль? Кому это нужно и зачем?

– Это нужно лирийской магине Дайтелле.

– Дайтелле? – изумлённый Бин вновь только и смог, что повторить последнее слово сержанта.

Упоминание этого имени здесь, в Латиионе, какими-то палатийскими вояками, поразило Бина. В последние дни странные сны о подземелье и лирийской магине вроде бы отступили, чему Бин был несказанно рад. Однако, как выяснилось, они лишь взяли передышку, чтобы вернуться в ещё более странной форме. На мгновение Бин даже решил, что всё это снова происходит во сне.

– На Палатий совершено нападение, – продолжил между тем Лэйто. – На нашем побережье высаживаются войска Тондрона...

– Тондрон?.. – у Бина голова пошла кругом. Грозное наименование империи чёрных магов прозвучало, словно гром среди ясного неба. – Но... Мы здесь ничего не слышали ни о каком нападении...

– Я знаю, – Лэйто давно понял, что информацию о вторжении Гурра держат пока в секрете – даже в Палатии мало кто знал об этом. – И тем не менее, это так.

– И при чём здесь я?.. – непонимающе спросил Бин.

В этот момент к ним подошло несколько здоровых мужиков. Они давно искоса поглядывали на солдат, разговаривающих с Бином, а теперь заметили, что тому разговор явно не в радость.

– Какие-то проблемы, старшой? – пробасил один из них, почёсывая давний шрам, пересекающий правую щёку.

– Всё в порядке, Кэл, – Бин ответил не сразу, будто поначалу не мог сфокусироваться на происходящем. – Идите, работайте, я скоро подойду.

– Ну хорошо, – Кэл многозначительно оглядел четверых палатийцев. – Ежели что – мы рядышком.

Они отошли, к немалому облегчению Лэйто, который никак не хотел заварухи здесь. Слегка расслабились трое его подчинённых, которые, кажется, уже готовы были начать действовать в случае чего.

– Спасибо, господин Танисти, – искренне поблагодарил Бина сержант. – Отвечая на ваш вопрос: Дайтелла утверждает, что вы способны предотвратить полномасштабное вторжение, но для этого вам нужно встретиться с ней.

– Предотвратить? – у Бина было стойкое ощущение, что его разыгрывают. – Но как я могу?..

– Вот этого я не знаю, – пожал плечами Лэйто. – Вам нужно встретиться с Дайтеллой, она всё объяснит. Она пыталась связаться с вами сама, но безуспешно.

– Так вот оно что... – озарило Бина. Значит, все эти сны были кое-чем большим, чем просто снами. Выходит, Дайтелла пыталась связаться с ним.

– Путь до места займёт не более трёх недель, – продолжил Лэйто. – К концу лета уже сможете вернуться домой.

– Никуда я не поеду! – с неожиданной злостью рявкнул Бин. – Асс её знает, зачем я понадобился этой Дайтелле, но это – не моё дело! И уж подавно я не собираюсь останавливать никаких вторжений. Лучше уж постараюсь держаться от него подальше.

Бин, даже не прощаясь, решительным шагом направился обратно, давая понять, что разговор окончен.

– Дайтелла предполагала, что вы откажетесь, – бросил вслед ему Лэйто. – Поэтому она просила в этом случае передать, что у меня есть пароль, который заставит вас передумать.

– И что же это за пароль? – резко обернулся Бин, саркастически улыбаясь.

– Мэйлинн, – старательно произнёс незнакомое имя Лэйто.

Глава 4. Обратный путь

– Что вы знаете об этом? – одним прыжком Бин подскочил к сержанту.

– Почти ничего, – Лэйто постарался не обращать внимания на руку, ухватившую его за лацкан форменного мундира. – Кроме того, что Дайтелла сказала, что сможет указать вам путь к поискам Мэйлинн.

Какое-то время Бин неотрывно смотрел в лицо сержанта, не разжимая пальцев, до сих пор комкавших мундир, словно пытался понять – врёт ли он, или говорит правду.

– Я смогу её найти? – наконец выговорил он. В голове шумело, словно Бин залпом хватнул пинту⁸ крепчайшего эля.

– Этого я не знаю, – качнул головой Лэйто. – Я знаю лишь то, что только что сказал.

У Бина всё ещё кружилась голова. Мэйлинн! Неужели Дайтелла поможет найти её? Неужели она поможет схлестнуться с Чёрной Герцогиней и победить её? Бина словно раздирало надвое. С одной стороны очень даже рьяно тянул мастер Танисти, старшой артели грузчиков, жизнь которого вполне устоялась и была послаще, чем у большинства прочих. Но с другой стороны намертво ухватился тот самый двадцатилетний мальчишка Бин, который мечтал о том, чтобы провести жизнь рядом с любимой девушкой, пусть даже она и лирра; Бин, который тосковал о путешествиях, приключениях, даже опасностях, хотя и не помнил почти ничего из них.

Лэйто видел эту борьбу и с надеждой и опаской ждал её завершения. Всё стало слишком сложно – до сегодняшнего дня он мыслил куда проще: если парень откажется ехать по своей воле, то всегда можно слегка его подтолкнуть. Однако сейчас, поглядев на Бина, он видел в нём мощный стержень, который можно сломать, но вряд ли согнёшь. Такие парни обычно становятся отличными сержантами, а то и офицерами. Не говоря уж о том, что в памяти занозой засела его сестра.

– И почему было сразу не начать с пароля? – наконец произнёс Бин, и с плеч Лэйто свалился целый драккар келлийцев.

– Хреновый из меня переговорщик, – улыбаясь, признал Лэйто.

– Что есть, то есть, – Бин против воли тоже улыбнулся. – Но мне нужно сначала попасть домой.

– Непременно! – наверное, излишне горячо кивнул Лэйто. – Потому что именно это я обещал вашей сестре.

– Отлично, – кивнул Бин. – Но сперва нужно решить вопрос с господином Вуйе.

Вопрос с господином Вуйе решился на удивление быстро, однако Бин вышел от него с мрачным лицом:

– Старик разозлился на меня, так что я остался без недельного жалования, – сухо пояснил он Лэйто, возможно, ни на что не намекая, но палатиец почувствовал укол вины.

– Этому горю легко помочь, – как можно беззаботнее ответил сержант. – У меня карманы уже трещат от серебра. Наше командование выделило некоторую сумму именно на такой случай.

Хорошо, что друзья не знали подробностей его финансовых обязательств, а не то подняли бы вой. Да и бесы с ними! Не оставлять же юную девушку одну, без денег и без кормильца!

– Это хорошо, – удовлетворённо кивнул Бин. – От ложной скромности я не страдаю. Наре пригодятся деньги.

Когда пятеро мужчин подошли к убогому жилищу Бина, Лэйто увидел Нару, которая стояла в дверном проёме, прислонившись щекой к косяку. С болезненно сжавшимся сердцем

---

⁸ Пинта – мера измерения объёма жидкостей, равная примерно 0,6 литра.

он вдруг понял, что девушка простояла так всё то время, что прошло с их ухода. На лице её читалась ужасная тревога, которая слегка рассеялась, когда Нара увидела брата.

– Бин! – она бросилась на шею парню. – Объясни, что тут происходит?

– Пройдём в дом, сестрёнка, – нежно ответил тот. – Надо поговорить.

В тот раз, когда Мэйлинн пришла в гости к семейству Бина, его мать смогла попотчевать её лишь коркой чёрного хлеба. Теперь Нара выставила на стол пусть простую и непритязательную, но обильную еду – чувствовалось, что в доме есть кое-какой достаток. Четверо солдат сели за стол, не забыв отблагодарить хозяев за хлебосольство, и отдали должное пище. У Бина же, как и у Нары, кусок не лез в горло. Они смотрели друг на друга с потаённой тоской.

– Мне придётся на некоторое время уйти, Нара, – наконец решился Бин.

– Уйти? – горло девушки перехватило от волнения и страха. – Куда?

– На поиски Мэйлинн, – Бин не стал, подобно Лэйто, рассказывать длинную версию истории, сразу перейдя к главному.

– Ты знаешь, где она? – немедленно вскинулась Нара, и лицо её осветилось радостью и надеждой.

– Пока нет, – качнул головой Бин. – Но, судя по всему, узнаю это, когда окажусь на месте.

– А что это за место?

– Точно и сам не знаю, – признал Бин. – Знаешь, я не говорил тебе, но с некоторого времени меня стал мучить один и тот же сон. Я оказывался в каком-то подземелье, где находил странную живую мумию, которая заговаривала со мною только силой мысли. И всякий раз я просыпался, так и не узнав, что она хочет мне сказать. Я знал, кто это. Когда-то Мэйлинн рассказывала мне о Дайтелле – величайшей лиррийской волшебнице. И я понимал, что это – именно она. Однако я считал это лишь странными снами до сегодняшнего дня. Но эти господа сообщили мне, что Дайтелла хочет меня видеть, и что она знает, как разыскать Мэйлинн.

– Но ты же говорил, что Мэйлинн захватила Чёрная Герцогиня... – последние два слова Нара произнесла полусёпотом, словно боясь, что могущественная колдунья услышит, как её величают по имени.

– Поэтому-то ты и должна понять, что Дайтелла для меня – единственный шанс. Если кто и сможет совладать с проклятой ведьмой – так это она! – горячо заговорил Бин. – Надеюсь, она прольёт свет на то, что же случилось с Мэйлинн, и что произошло в тот год, когда мы с нею путешествовали. Может я пойму, почему Чёрная Герцогиня не убила меня, а только лишила памяти! Но, вероятно, именно поэтому я и нужен магине!

Четверо палатийцев помалкивали, внимательно слушая и гремя ложками по жестяным тарелкам. Этот разговор касался лишь брата и сестры.

– А можно мне с тобой? – взмолилась Нара. – Ну что я буду делать тут одна?

– Ты отправишься к Алике, – непререкаемым тоном ответил Бин. – Поживёшь у неё. Сержант Лэйто сказал, что его командование выделило некоторую сумму, чтобы компенсировать мой уход. Ну а в случае чего – Алика поможет. Я вернусь... – Бин запнулся. – Как только смогу.

– Как только найдёшь её... – прошептала Нара, не замечая слёз, которые катились из глаз.

– Как только найду, – улыбнувшись, кивнул Бин. – Пойми, я не могу взять тебя с собой. Если придётся схлестнуться с Чёрной колдуньей, я не хочу бояться потерять ещё и тебя.

А ведь парень-то – кремень! – со всё растущим уважением думал Лэйто. Так вот запросто говорит о возможной схватке с Чёрной Герцогиней, словно речь идёт о том, чтобы прогнать мальчишек, галдящих под окнами.

– Поверьте, сударыня, всё будет хорошо с вашим братом, – решил он вмешаться в разговор. – Мы ведь будем рядом с ним, а, хотите верьте, хотите нет, но лейтенант Брайк не зря назвал нас толковыми ребятами!

– Благодарю, сударь, – робко улыбнулась сержанту Нара, и сердце его запело.

– Ну что, сержант Лэйто, нам, наверное, уже пора? – Бин, вставая, озираясь по сторонам, словно искал что-то важное, но Лэйто понимал, что парень просто пытается справиться с нахлынувшим волнением.

– Думаю – да, – кашлянув, подтвердил сержант. – Лодка ждёт нас. Пора направляться в Шинтан.

– Никогда не был в Шинтане! – преувеличенно бодрым голосом проговорил Бин, подходя к Наре, чтобы поцеловать её напоследок. – По крайней мере, мне так кажется...

– Благодарствую, сударыня, – поблагодарил Лэйто, также вставая из-за стола. – Да не погаснет очаг в вашем доме...

Проговорив это стандартное для Палатия благословение, Лэйто сконфуженно замолчал: хозяин дома уезжает в дальние края невесть насколько и невесть зачем, а хозяйка оставит эти стены, чтобы жить приживалкой в семье своей сестры. В этой ситуации пожелание негаснущего очага прозвучало почти издёвкой...

***

Двигаться по течению Труона было куда проще и быстрее, чем против. Несмотря на то, что могучая река текла, казалось, величаво и неспеша, Лэйто заметил, что их гребцы прилагают теперь куда меньше усилий, а скорость передвижения возросла.

Бин во время путешествия по воде всё больше отмалчивался, внимательно оглядывая окрестности. Он словно пытался вспомнить – не бывал ли тут раньше, в тот год путешествия с Мэйлинн, который он позабыл почти целиком. Однако, вроде бы, никаких знакомых мест не попадалось.

Бин не искал беседы со своими сопровождающими. Изредка перебрасывался фразами, чаще отвечая на какие-либо вопросы. Ему не хотелось налаживать контакт – да и для чего? Три недели путешествия пройдут, и эта четвёрка исчезнет из его жизни. Да и говорить с ними было не о чем. Этот сержант, Лэйто, вроде ничего ещё. Да Пэрри, вроде, казался нормальным. Что же касается Парка и Вилли – их Бин почему-то невзлюбил с первого взгляда.

Мелкий, вертлявый Парк производил впечатление этакого прощелыги, с которым нужно держать ухо востро, а Вилли и вовсе был отвратителен. Его лицо, покрытое крупными веснушками, его рост, превосходящий даже рост немаленького Бина при том, что весил Вилли фунтов⁹ на десять-пятнадцать меньше, а главное – его идиотские развязные манеры, его сальные шуточки, вечно незакрывающийся рот – всё это неимоверно раздражало Бина, хотя он старательно это скрывал.

Лэйто же, напротив, то и дело пытался завести беседу со своим новым знакомцем. Изначально все они начинались с самых разных, ничего не значащих тем, но сержант исподволь стремился в итоге свести их лишь к одной – Наре. К его счастью, Бин настолько любил сестру, что, начиная говорить о ней, уже не мог остановиться. Остальные спутники тихонько посмеивались над сержантом, но лишь до тех пор, пока он не прижигал их к месту взглядом, не сулящим ничего хорошего.

Путешествие до Шинтана прошло довольно незаметно. На этот раз Лэйто не стал задерживаться в городе, а, получив лошадей, тут же тронулся в путь, несмотря на недовольное ворчание подчинённых. Вообще, с каждой милей, что приближала его к лагерю, он всё больше возвращался к амплуа строгого сержанта.

Бин же с приятным удивлением осознал, что он весьма ловко держится в седле. Значит, у него была хорошая практика. Да и вообще кочевая жизнь, как выяснилось, совсем его не тяготит и даже вызывает приятное чувство в груди, словно навевая какие-то воспоминания, которые он, к сожалению, никак не мог ухватить. В какой-то момент у него даже ниоткуда

---

⁹ Фунт – мера веса, равная примерно 450 грамм.

выскочила мысль, что военные лошади палатийцев не так хороши как саррассанские скакуны. Это весьма поразило парня, тем более что эта мысль так и не потянула за собой остальных.

А Лэйто, в свою очередь, хмуро наблюдал, как всё больше растёт раздражение Бина по отношению к своим спутникам, и особенно – его антипатия к Вилли. До сих пор парень ещё сдерживался, редко осаживая рыжего какой-либо фразой, а чаще же – просто отдаляясь от него, насколько это возможно, но сержант понимал, что рано или поздно в этом месте ткань не выдержит и порвётся. Он даже, отведя Вилли в сторону, сделал ему очень серьёзное внушение, недвусмысленно дав понять, что ему будет очень плохо, ежели Бин хоть раз пожалуется на его выходки. Вилли по обыкновению усмехнулся своей кривенькой ухмылкой, но вроде бы пообещал вести себя осторожнее.

Однако всё случилось даже быстрее, чем того ожидал Лэйто. На третий день их сухопутного путешествия маленький отряд остановился на ночёвку на весьма приличном постоялом дворе, благо деньги это позволяли. После ужина все вроде бы пошли спать, причём Лэйто традиционно брал комнату на двоих с Бином, а остальную троицу предусмотрительно селил отдельно. Но в этот раз схема дала сбой.

Лэйто проснулся оттого, что Парк тормошил его за плечо.

– Какого... – начал было сержант, однако Парк его тут же перебил.

– Драка, – лаконично сообщил он.

Лэйто сразу понял кто и с кем дерётся, поэтому, сыпля ругательствами, вскочил с кровати и бросился вниз. Там, в общей комнате, ему предстала следующая картина. Бин стоял у стойки хозяина, нервно вцепившись в кружку с пивом. Рядом стоял Пэрри, цепким взглядом следивший за парнем и готовый в случае чего ухватить его за руку. А рядом с одним из столов, содержимое которого было разбросано по полу, полусидел, прислонившись к нему спиной, Вилли. Он держался рукой за нос, и пальцы ладони были окровавлены. Кроме пары постояльцев, хозяина и слуг в комнате больше никого не было, и все они застыли, словно в немой театральной сцене.

Лэйто молнией слетел вниз по лестнице и, подскочив к Вилли, мощным рывком поставил его на ноги. Как и ожидал сержант, конопатый был пьян. Вилли что-то забормотал, не отрывая ладони от лица и глядя на командира слезящимися глазами.

– Пшёл вон! – рявкнул Лэйто и практически швырнул его по направлению к лестнице.

Ускорение, которое придал Вилли Лэйто было так велико, что несчастный, сбив по пути одну из лавок, вновь с пронзительным криком рухнул на пол. К нему тут же подскочили Парк и Пэрри, подхватили под руки и скоренько повели наверх, опасаясь, как бы Лэйто от ярости совсем не слетел с катушек.

Сержант сперва подошёл к оторопевшему хозяину.

– Запишите всё это на наш счёт, любезный хозяин, – тоном спокойным настолько, насколько это было возможно, проговорил он. – Простите за причинённые неудобства.

Трактирщик забормотал, кланяясь, что он совершенно не испытывает никаких неудобств, хотя лицо его красноречиво говорило об обратном. Слуги бросились наводить порядок, а Лэйто подошёл к Бину.

– Не стану спрашивать, что случилось, – тяжело опираясь о стойку, проговорил он. – И кто виноват – тоже спрашивать не стану. Обещаю, что подобного больше не повторится. Если он ещё раз вякнет – будет иметь дело со мной, – Лэйто понимая, что сейчас ему не уснуть, сделал знак хозяину принести пива и ему.

– Если он ещё раз вякнет – я его убью, – дрожащим голосом сообщил Бин, но Лэйто понял, что голос дрожал отнюдь не от страха, а от гнева.

– Справедливо, – кивнул Лэйто, отхлёбывая из молниеносно поданной ему кружки. – Но лучше до этого не доводить. Его величество король Анжей не очень-то расположен к тем, кто убивает его солдат.

– Плевать, – бросил Бин, также делая глоток.

– Не плевать, – возразил Лэйто. – У тебя... Извини, ничего, что я на «ты»?.. Так вот, у тебя в Латионе осталась сестра, к которой ты обязан вернуться живым и здоровым.

– Знаю, – буркнул Бин.

По тому, что лицо его не разгладилось, как бывало обычно, когда речь заходила о Наре, Лэйто понял, что, вероятно, именно она и стала причиной минувшей стычки. И поставил себе небольшую зарубку на память. Если подумать, то этих зарубок относительно Вилли уже накопилось столько, что сосчитать их не представлялось возможным. И это тоже был повод задуматься.

– Она у тебя замечательная... – проговорил Лэйто, против воли вновь поддаваясь притяжению Нары.

– Давай не сейчас, – Бин с громким стуком поставил кружку на столешницу и злым взглядом посмотрел в лицо Лэйто.

– Да, извини, – сержант отодвинул от себя едва начатое пиво и отошёл от стойки. – Пожалуй, пойду попробую снова уснуть. Спокойной ночи.

– Спокойной... – тихо ответил Бин, отворачиваясь.

***

На следующее утро, позавтракав, двинулись в путь. Рука у Бина оказалась на удивление тяжёлой, так что Вилли выглядел очень жалко и плачевно. Нос оказался сломан, жестоко распух, а глаза почти заплыли от синюшных отёков. Он дышал с таким сипением, что оставалось загадкой – как воздух вообще умудряется проникать в лёгкие. Однако никто, даже Парк, не выказывали ему ни малейшего сочувствия. Более того, над ним постоянно посмеивались, довольно жестоко подтрунивали, и не уставали восхищаться мастерским ударом Бина.

Вилли тоже, оценив силу парня, порядком сбил с себя спесь. Он не грозил, не смотрел волком, даже обиды в его взгляде не было. Более того, первым же делом он извинился за сказанное вчера, во всем вина проклятых поселян, которые с радостью напоили доблестного воина отечества. Вилли тут же поклялся Лэйто, что до самого возвращения в лагерь больше не притронется к спиртному, хотя верилось в это пока с трудом.

Как ни странно, но это происшествие пошло скорее на пользу взаимоотношениям Бина с остальными. Он стал чаще с ними общаться, они перешли на «ты». Парк больше не казался ему мерзким проходимцем – Бин заметил, что у этого мелкого вертлявого парня полно положительных качеств, а внешность его весьма обманчива. Пэрри, больше похожий на булочника, чем на солдата, и раньше внушал Бину доверие, может не всегда заслуженное, конечно. Но больше всех Бин проникся к Лэйто. Несмотря на то, что тот неровно дышал к его сестре (а может – и именно поэтому) он чувствовал к сержанту симпатию, которую вполне уже можно было бы назвать приятельской, если и не дружеской.

Конечно, Лэйто радовали такие перемены к лучшему. Он уже почти готов был простить непутёвого Вилли за его длинный язык. Бин оказался неплохим собеседником – достаточно общительным, достаточно весёлым. Единственное слово, которое всякий раз заставляло его замкнуться, было то самое слово-пароль «Мэйлинн». Лэйто знал, что это – девушка, которую когда-то потерял Бин, и что она, судя по всему, была похищена Чёрной Герцогиней, к которой и у самого сержанта было немало неоплаченных счетов. Одни только Тавер и Калед чего стоили.

Конечно, Лэйто был человек подневольный, солдат, но он уже твёрдо решил, что коли на то будет воля богов и начальства – обязательно поможет парню отыскать его любимую, пусть даже для этого придётся лезть в самую Чёрную Башню. При этом Лэйто не лукавил с самим собой и вполне признавал, что делает это отнюдь не только ради Бина, но и ради его сестры.

С каждым днём путешествие становилось всё приятнее. Конечно, несколько омрачало его то, что всё ближе становился порядком опостылевший лагерь, утренние побудки, пролё-

живание штанов на побережье в попытке углядеть что-то новенькое в возне зомбаков... Лэйто впервые за очень долгое время пожил такой вот вольной жизнью, и даже ему сейчас не слишком-то хотелось назад. Что уж говорить об остальных, особенно Вилли и Парке! Сержант всё пристальнее поглядывал на своих подчинённых – не надумались ли они свалить, пока ещё есть возможность. Но, судя по всему, тревога была ложной – всё-таки парни у него были что надо, даже этот балбес Вилли.

Здесь, ближе к побережью, более пуганым становилось и население. Хотя никто ничего до сих пор так и не объяснил простым жителям (а может быть – именно по этой причине), уровень нервозности селян повышался с каждой лигой, приближающей путешественников к заливу Алиенти.

Обыватели пока ещё не знали о вторгшихся на их земли чудовищах Тондрона, но, конечно же, от них невозможно было скрыть переброску войск, обозов. Мимо них промаршировало несколько полков, включая и латионский легион (а это уже говорило о многом), чуть ли не ежедневно тянулись подводы с продовольствием и различным другими солдатскими пожитками. То и дело в разные стороны сновали военные курьеры, всегда гнавшие лошадей во весь опор. В общем, скрыть то, что на западе происходило что-то нехорошее, было нельзя.

В каждом трактире к нашим путешественникам приставали немолодые обветренные бородатые мужики, пытающиеся хотя бы между строк прочесть из пьяных разговоров солдат то, что происходит на самом деле. Однако Лэйто был начеку, так что, несмотря на все старания, никого из его отряда подпоить больше не удалось. Вилли так и вовсе находился под своеобразным домашним арестом – в любой гостинице или трактире он, получив свой паек, удалялся в комнату. Да и, сказать по правде, сломанный нос оказался весьма действенным лекарством от легкомысленности.

В конце концов, на сорок первый день после того, как Лэйто со своим отрядом покинул ворота лагеря, он вновь прошёл через те же ворота, но уже в обратном направлении. Судя по тому, что за минувшие дни в лагере ровным счётом ничего не поменялось (другие полки квартировали отдельно), он понял, что ситуация с зомбаками так принципиально и не изменилась. Приказав Парку, Вилли и Пэрри возвращаться в расположение роты, Лэйто повёл Бина напрямик в штаб.

Глава 5. Дайтелла

– Так вы и есть наш спаситель! – с непередаваемой смесью неверия, восхищения и любопытства проговорил полковник Жокко.

Бина направили напрямиком к нему – вероятно, приказ не допускал двойственного толкования. Естественно, Лэйто аудиенции у высшего начальства не удостоился – ему было велено дожидаться в «приёмной», то есть неподалёку от полковничьего шатра.

– Судя по всему, это я и есть, – кивнул Бин.

Он не видел смысла благоговеть перед погонами и чинами какого-то там Палатия, да и понимал, что вся эта странная ситуация с Дайтеллой, предотвращением вторжения и прочей ерундой пока что играет на руку именно ему. До тех пор, пока эти солдафоны не разберутся, что он – простой грузчик, а не какой-то там сказочный богатырь, можно вести себя немного снисходительно и свысока даже с командирами полков.

– И как же вы собираетесь спасти нашу страну? – с почти нескрываемой иронией поинтересовался Жокко.

– Кабы знать... – почти равнодушно пожал плечами Бин. – Вероятно, Дайтелла сообщит.

– Приходилось сражаться?

– Вроде нет, – вновь пожал плечами Бин.

– Что значит «вроде»? – слегка опешил Жокко, решивший, что парень, должно быть, совсем недалёкого ума.

– Ну если и приходилось, то я этого не припомню, – в глубине души Бин забавлялся складывающимся диалогом, так что совершенно не собирался упрощать задачу этому вислоусому полковнику.

– Приказать подать вам поесть? – помолчав некоторое время, Жокко решил сменить эту странную тему.

– Спасибо, мы не так давно обедали, – покачал головой Бин.

– Ну тогда, полагаю, нужно незамедлительно направить вас к Дайтелле, – казалось, полковник испытывает облегчение от этого решения. – Тот сержант, что сопровождал вас сюда, ещё неподалёку?

– Ему велели остаться снаружи.

– Позовите его сюда, – какая-то растерянность застыла в глазах палатийского полковника – он словно опасался, что Бин сейчас пошлёт его куда подальше, отказываясь подчиняться приказам.

Однако Бин, слегка изогнув губы в усмешке, молча кивнул и отправился за Лэйто. Вошедший чуть позже сержант значительно поднял моральный дух Жокко – теперь рядом был кто-то, кому он мог приказывать с полным на то основанием. Лэйто ловко козырнул полковнику и, вытянувшись в струнку, ожидал этих самых приказаний.

– Сержант, – голос Жокко стал жёстче и суровее. – Сопроводите нашего гостя к месту назначения.

– Прошу прощения, господин полковник, – Лэйто на всякий случай ещё раз козырнул. – Но я не знаю, где находится это самое место назначения.

– Конечно не знаешь, болван! – рявкнул в ответ Жокко, словно отыгрываясь за недавно перенесённое унижение. – Я ведь тебе ещё не сообщил!

– Виноват, господин полковник! – щёлкнул каблуками Лэйто.

– В двенадцати милях¹⁰ отсюда расположена гряда холмов, поросшая лесом. Там вы найдёте небольшое озеро с водопадом. Это и есть то самое место. Карту с подробной дорогой получите у моего адъютанта.

– Разрешите выполнять?

– Действуйте! – важно кивнул Жокко, усаживаясь за стол.

Спустя четверть часа Бин и Лэйто верхом вновь покинули лагерь.

– Да, теперь я понял, почему у вашего полковника такое прозвище, – усмехнулся Бин.

– А то! – хохотнул в ответ Лэйто. – И это ты ещё видел его каких-то десять минут. А я люблю его физиономией больше десяти лет.

– Так мы что – едем к самой Дайтелле?

– Самому пока не верится, но – похоже на то!

– А ты знал, что она тут, неподалёку? – полюбопытствовал Бин.

– Да откуда? Разве такое полагается знать простому сержанту? Удивляюсь, что мне сейчас доверили такую информацию и, признаться, немного побаиваюсь – не грохнут ли меня после этого? – улыбнувшись, Лэйто дал понять, что пошутил, однако в глазах его читалась некоторая тревога.

– А я знал, что она живёт где-то не в Латионе, но не думал, что вот тут, среди этих диких холмов.

– Ну, если хочешь сделать так, чтобы тебя никто не беспокоил – лучшего места не найти! – пожал плечами Лэйто.

– Да уж, – согласился Бин. – А теперь, должно быть, ей слегка припекло задницу, когда Гурр высадил рядышком свои войска, вот и засуетилась.

– Стоит ли так говорить? – теперь Лэйто и не пытался скрыть испуга. – Дайтелла – величайшая магиня. А ну как она сейчас слышит твои слова! Представляешь, что она с нами делает!

– Могущество магинь сильно преувеличено, – уверенным тоном возразил Бин. – Я не знаю, откуда я это знаю, но я это знаю. Наверное, Мэйлинн говорила. Магия – штука очень сложная, дружище. Если бы Дайтелла была так всемогуща – разве она не потопила бы твоих зомбаков в море, словно слепых щенков?

– Ну ты всё-таки поосторожней, ладно? – поёжился Лэйто. – До неё тут осталось всего ничего – меньше десяти миль. Не будем искушать судьбу, ладно?

– Ладно, – усмехнувшись, кивнул Бин. – Так мы ищем, стало быть, лесное озеро с водопадом? И за этим самым водопадом скрыта пещера, ведущая в подземелье Дайтеллы?

– Ну ты сам всё слышал, – подтвердил Лэйто.

– И что их всех под землю тянет? – проворчал Бин и вдруг весь вскинулся.

Откуда пришла эта мысль, кто эти самые «все», о которых он только что подумал? Насколько Бин помнил, он не был знаком ни с одним магом, если не считать Мэйлинн, в которой магии было – кот наплакал, да её вздорной подружки Оливы, от которой они весело удирали, и после которой он почему-то ничего не помнит. Но мысль эта пришла не просто так, Бин это понимал. Когда он произносил эти слова, они казались настолько естественными, словно он точно знал, о чём говорит.

– Ты о ком это? Кого – всех? – тоже удивился Лэйто. – Ты что – знаешь много магов?

– Да нет, – озадаченно пожал плечами Бин. – Ни одного не знаю. Однако почему-то вот ляпнул...

– Опять что-то из твоего потерянного года? – сочувственно проговорил Лэйто.

– Возможно... – пробормотал Бин, уходя в себя. Увидев это, Лэйто на какое-то время замолчал.

---

¹⁰ Милья – мера длины, равная примерно 1610 метров.

Часа через два, уже вечером, когда солнце почти легло на горизонт, искомое озеро нашлось – надо признать, карта была составлена на совесть, так что не пришлось даже плутать.

– Вон и водопад, – указал Лэйто.

Обогнув аккуратное, почти идеально круглое озеро, они приблизились к тому месту, где с высокого отвесного холма – настоящей скалы – низвергался поток воды.

– Знаешь, о чём я думаю уже некоторое время? – заговорил Бин, спешиваясь. – Откуда там, наверху, такая прорва воды? Река там, что ли, течёт?

– А я вот ещё об одном подумал, – вполголоса добавил Лэйто. – А куда девается вся эта вода? Из озера ни одного ручейка не бежит.

– Похоже – магия, – покачал головой Бин. – Сильна Дайтелла, ничего не скажешь! – здесь, на пороге её обиталища, даже у него пропала охота острословить в адрес магини.

– Ну давай, дуй туда, – кивнул на водопад Лэйто. – А я пока тут обживусь – костерок, котелок... Как вернёшься – поужинаем.

Бин лишь обречённо усмехнулся в ответ, но возразить было нечего – ему, Бину, предстояло лезть в подземелье древней высохшей магини, и Лэйто там делать было нечего. Он и тут-то, заметно сразу, чувствует себя не в своей тарелке. Вон, на негнущихся ногах ходит между деревьев, собирая валежник. Боится, поди, до чёртиков. Ну ему хоть одна радость – он останется тут, снаружи. Пусть через час уже окончательно стемнеет, но будет небо, будут звёзды и луна, будет костёр. И никаких мумий поблизости. Эх, кабы не Мэйлинн, ни за что бы не сунулся в это проклятое место!

Вздохнув, Бин побрёл к водопаду. Пару раз оскользнувшись на мокрых камнях, он наконец добрался до стены, с которой падал поток. Отсюда действительно стало видно, что позади водопада находится некая пещера – едва ли не щель в скале, через которую вряд ли войдут даже две лошади, идущие бок о бок. Радовало, что хотя бы не придётся проходить сквозь ледяные струи – вода падала так, что можно было войти, не слишком намочнув. Однако, конечно, благодаря мириадам холодных брызг, сухим попасть в пещеру тоже не получилось.

***

Снова эти сырые, осклизлые ступени, полностью сокрытые в непроглядном мраке. Бин уже много раз бывал здесь – в своих снах. И вот теперь он шёл по узкой винтовой лестнице наяву, слыша, как придушенно и жалобно звучат его шаги. Было страшно, даже страшнее, чем раньше во сне. Запоздало Бин корил себя за то, что забыл отлить перед тем, как шагнул за водопад.

Всякий раз, теряя равновесие, Бин раскидывал руки, упираясь в скользкие от осевшей влаги стены и кривясь от отвращения, словно шершавые камни были покрыты омерзительными слизнями. Если Дайтелла действительно его ждёт – могла бы подготовиться получше. Фонарики, что ли, какие повесить... Если она может силой своей магии создать водопад, лучше бы потратила её на что-то более полезное, например, сделать ступени и стены сухими.

Интересно, как слуги спускаются сюда? – подумал было Бин, но, вспомнив мумию из сна и рассказы Мэйлинн понял, что никаких слуг тут нет и не было, возможно, уже много столетий. Действительно, если Дайтелле не нужно есть и пить, справлять нужду и даже дышать – к чему ей слуги?

Бин пытался было считать шаги, чтобы примерно понять, как глубоко он опустился, но довольно быстро бросил это занятие, поскольку мозг с трудом отвлекался от попыток удерживать туловище своего хозяина в вертикальном положении. Казалось, что он углубился уже на несколько десятков футов.

Как и во сне, в конце концов лестница окончилась небольшой площадкой – практически упёрлась в массивную дверь. Бин помнил, что будет дальше – сначала он попробует легонько толкнуть её, затем толкнёт сильнее, и затем – нажмёт плечом. Чтобы избавиться от иррацио-

нального ощущения, что он снова в своём сне, Бин решил изменить своё обыкновение – он просто легонько постучал, будучи в полной уверенности, что стук этот будет услышан.

– Войди, – как и во сне, женский голос прозвучал прямо в голове, заставив вздрогнуть.

Сглотнув, Бин сразу, минуя промежуточные действия, толкнул дверь плечом. Та отворилась, истошно завизжав заржавленными петлями, и тут же, как и во сне, в комнате, что скрывалась за этой дверью, вспыхнул голубоватый неяркий свет.

Собравшись с духом, Бин переступил порог и, не мешкая, подошёл к ложу, задрапированному пологом. Отдёрнув эту полупрозрачную, порядком истлевшую ткань, Бин увидел Дайтеллу – точно такую же, какой она представляла во сне. Её глаза – единственное, что жило в этом, казалось бы, совершенно мёртвом теле – странно и страшно светились в мертвенном голубом свете, наполнявшем комнату.

– Наконец ты здесь, – вновь зазвучал голос. – Я звала тебя, но зов был слишком слаб. Пришлось действовать проще и грубее.

– Приветствую вас, госпожа, – кое-как повернув во рту сухой язык, прилипший к нёбу, прохрипел Бин.

– Приветствую тебя, Бин Танисти, – пришёл ответ. – Я вижу, что тебя гложет невысказанный вопрос. Спрашивай.

– Вы знаете, где Мэйлинн? – звуки едва рождались в сжатом спазмом горле, но Бина это не волновало – он был уверен, что, если нужно, магиня вполне способна будет прочесть его мысли.

– Знаю, – просто ответила Дайтелла.

– Она у Герцогини Чёрной Башни?

– В некотором роде, – последовал ответ Дайтеллы.

– Что это значит? Она жива? – неопределённость ответов приводила Бина в отчаяние.

– Она жива. Мэйлинн – и есть Герцогиня Чёрной Башни.

– Ерунда! – ответ магини был столь неожиданен и абсурден, что Бин даже забылся. – Этого просто не может быть!

– И тем не менее, это так. Мэйлинн стала Чёрной Герцогиней, не пройдя испытания Башни.

– Я в это не верю... – на Бина словно обрушились своды подземелья.

– И тем не менее, это так, – без малейшего ехидства или насмешки повторила Дайтелла.

– Но я ничего не помню... – жалобно прошептал Бин, борясь с детским желанием рыдаться.

– Это вполне объяснимо. Мэйлинн создала ложную реальность, которая заменила и твою память.

– Но вы можете помочь мне вспомнить? – в отчаянии спросил Бин.

– Это будет несложно. Ложная реальность лишь маскирует истинную, подобно тому, как художник может нарисовать новую картину поверх старой. Но под краской всё равно останется прежнее изображение. Нужно лишь стереть этот новый слой.

– И как это сделать?

– Представь груды камней. Она кажется незыблемой, но стоит вынуть из неё один верный камень, как вся она тут же рухнет. Также и с твоей памятью – стоит вынуть краеугольный камень ложной реальности, и она тут же рухнет в твоём сознании.

– Что мне нужно сделать для этого? – решительно, и даже как-то зло спросил Бин.

– Вспомнить, – был ответ. – Твоим краеугольным камнем будет тот момент, когда ты ощутил себя после провала в памяти. Вспомни его, а затем ты начнёшь раскручивать события назад.

– Но я много раз вспоминал этот момент, – в голосе Бина прорезалось какое-то истеричное отчаяние. – И ничего. Словно стена...

– Потому что раньше ты не знал, куда смотреть. А теперь знаешь.

Бин, кажется, пытался что-то возразить, но вдруг весь обмяк и наверняка повалился бы на пол, если бы не какое-то волшебство, удерживающее его в вертикальном положении – словно невидимая верёвка, крепящаяся к потолку и обвязанная вокруг его тела.

***

Жалкий и растерянный, Бин стоял неподалёку от Весёлых ворот Латиона. Как он здесь очутился – парень не помнил совершенно. Огромный пласт памяти просто провалился в какую-то бездну. Последнее, что Бин помнил – головокружительное бегство по ночным улицам Старого города на пару с Мэйлинн. И вот теперь он стоит посреди дороги, облачённый в дивного вида доспехи (хотя от них и от одежды под ними разит так, что мухи дохнут), и глупо пялится на красную стену города.

– Прощения просим, сударь, – раздался сзади вежливый голос. – Вы не могли бы подвинуться маленько?

Бин ошалело обернулся. Буквально в шаге от себя он увидел дряхлую конягу, едва не уткнувшуюся в него мордой, которая была впряжена в телегу. На телеге сидел мужичок, уважительно и боязливо поглядывающий на застывшего воина.

– Не гневитесь, сударь, только мне бы проехать...

Не говоря ни слова, и до сих пор ничего не понимая, Бин шагнул в сторону, отходя на обочину. Мужичок рассыпался в благодарностях, кланяясь и ломая шапку. А Бин глядел на него, словно не видя. Что произошло? И если *где* он – было более или менее ясно, то вот *когда* он – это был уже вопрос. Дело в том, что, коснувшись в задумчивости своего лица, Бин с изумлением нащупал окладистую бороду, которая не могла вырасти ни за день, ни даже за месяц.

– Какой сейчас месяц? – немного опомнившись, бросился он вслед за отъезжающей телегой.

– Так ведь увиллий¹¹... – растерянно, и несколько опасливо ответил мужик.

– Увиллий?... – Бин окончательно потерялся. Но не могла же такая борода отрасти за пару дней... – А какое число?

– Кажись, четвёртое или пятое... – по лицу колона было видно, что ему очень хочется хлопнуть свою лошадку вожжами по бокам, чтобы та унесла его подальше от этого странного рыцаря.

– Не может быть! – голова у Бина пошла кругом. – Ведь вчера же было девятое... А год какой? – как ни абсурдно звучал вопрос, но он казался единственным, не противоречащим логике.

На этот раз мужичок всё-таки не стерпел и что есть мочи хлестнул несчастную скотину вожжами. Нельзя сказать, что это придало кляче серьёзное ускорение, но из задумчивости вывело точно, так что телега стала быстро удаляться. Конечно, догнать её для Бина не составило бы никакой сложности, но делать этого он не стал. Он вновь стоял столбом посреди дороги, потерянно глядя в пустоту невидящим взглядом.

Все мысли словно вымело из его головы. Любая попытка осмыслить произошедшее словно проваливалась в бездонный колодец, не оставляя даже отзвука от удара о дно. Постояв какое-то время, Бин почти машинально двинулся в город. Ноги сами несли его знакомой тропой к дому.

Прохожие пялились на него – слишком уж необычен для этих районов был внешний вид и особенно, конечно, явно весьма дорогие доспехи. Однако Бин ни на кого и ни на что не обра-

---

¹¹ Увиллий – летний месяц календаря Паэтты, соответствующий нашему августу. Назван в честь Увилла Великого, или Увилла Завоевателя – одного из первых королей Латиона.

щал внимания. В голове по-прежнему была звенящая пустота. Может быть, кто-то обращался к нему, что-то говорил или спрашивал, но Бин ничего не видел и не слышал.

Добравшись до дома, Бин немного пришёл в себя – вид родных стен, такой успокаивающий и надёжный в своей неизменности, слегка привёл его в чувство. Поднявшись по знакомым скрипучим ступеням, Бин толкнул дверь. Однако та была заперта. Странно, ведь мама совсем не отлучалась никуда с тех пор как заболел Мартин, да и Нарка сейчас должна быть дома.

Однако мозг Бина, казалось, до сих пор ещё не отошёл от прошлого потрясения, так что он, не особо удивившись, просто постучал в дверь. Сначала осторожно, потом – громче, а затем и вовсе стал бить в дверь ладонью.

Через какое-то время осторожно приотворилась дверь соседней квартиры. В приоткрывшейся щели мелькнул глаз старухи Бантри, одинокой соседки семейства Танисти. Это был очень бедный район, так что воров и грабителей тут не опасались, поэтому старушка выползла на шум, чтобы узнать, в чем дело.

– Их никого нетути... – прошамкала она, видя, что стучащий к соседям человек выглядит прилично и даже богато. Вероятно, надеялась сорвать с него доррин за услугу (ведь не станет же такой важный господин таскать в кармане железо¹²!).

– А где же они все? – повернулся к старушке Бин.

– Так ведь сам-то помёр от синивицы той осенью, жинка его с младенцем тоже преставились, – шум в ушах Бина почти заглушил дребезжащий голос старухи, и он оперся спиной о дверь, чтобы не упасть, почти не слыша, что она говорила дальше. – Малой их с лирркой, говорят, сбежал куда-то в Кидую, чтоб пожениться там у безбожников... А две девки живут где-то, уж не знаю где. Старшая замуж выскочила, а как мор начался, так она больную сестрицу отсюдова забрала. Говорят, выходила, а там – кто знает?

Старуха Бантри продолжала что-то говорить, найдя в безмолвном и оторопевшем Бине благодарного слушателя. В густом полумраке лестничной клетки подслеповатые старые глаза не могли разглядеть в этом рослом рыцаре того самого «малого», что якобы сбежал в Кидую с лирркой. А Бин просто стоял, глядя, как шевелятся морщинистые тонкие губы. Слез не было, ничего не было кроме леденящей пустоты.

Наконец бубнёж старухи стал понемногу проникать сквозь ватный заслон. Оцепенение спало, уступая место сосущей боли в области солнечного сплетения. Какие-то обрывки смысла сказанного соседкой стали проникать в мозг.

– Так сёстры живы? – надтреснуто спросил он старуху, бесцеремонно прервав её брюзжащий монолог о море, плате за жильё и проклятой жаре.

– Так люди говорят, – с готовностью переключилась та. – Сама не знаю – с тех самых пор сюда больше никто не заходил. Так и стоит запертой. Сказывают, что живут они у мужа старшей из дочек...

– А какой сейчас год, бабушка? – устало спросил Бин, найдя наконец в себе силы, чтобы оторвать спину от обшарпанной двери.

– Так ведь двенадцатый, сынок, – не задумываясь, выдала старуха.

– Двенадцатый?.. – тупо повторил Бин, словно укладывая услышанное число в голову. – Спасибо, бабушка...

На подкашивающихся ногах Бин кое-как спустился с лестницы. Отец, мама и брат мертвы. Причём мертвы уже давно, почти год. Которого он, оказывается, совершенно не помнил. Казалось, только вчера он попрощался с мамой и сестрой, чтобы помочь Мэйлинн найти Белую Башню, а вот сегодня вдруг оказывается, что мамы давным-давно нет на свете. Как и отца, как и малыша-Мартина...

---

¹² Имеются в виду мелкие железные деньги, имеющие обиход среди самых бедных слоёв Латииона: десятки (монета достоинством в десятую часть доррина), трёшки (треть доррина) и пятёрки (половина доррина).

Выйдя на улицу, Бин, не находя в себе больше сил куда-то идти, вновь прислонился спиной к потёртой стене своего дома. Затем с каким-то скулящим протяжным воем он медленно сполз вниз, усевшись прямо в пыль и обхватив голову руками. Рывания душили его в прямом смысле слова – ему не хватало воздуха, чтобы вздохнуть. Из горла рвались всё те же сдавленные скулящие звуки. Словно обрушившееся небо, Бина накрыло осознание того, что случилось...

Просидев так какое-то время, внезапно осиротевший Бин наконец поднялся на ноги. Нужно было отыскать Нару и Алику. И понять, что же с ним произошло – куда девалась Мэйлинн, куда девался год его жизни? Кстати, до Бина только что дошло, что он уже несколько раз вспоминал о лирре, но только сейчас осознал, что она ведь тоже куда-то исчезла.

Что случилось с того момента, как они вдвоём убегали от слуг Оливы и до сегодняшнего дня? Что случилось с Мэйлинн и где она? Почему он ничего не помнит до того момента, как оказался стоящим у ворот города? И как он там оказался? Слишком много вопросов и ни одного ответа. Но сейчас эти вопросы спасали от тоски по утраченной семье, так что Бин с удвоенной энергией врезался в стену, разделившую его память, пытаясь пробить её.

– Ты можешь вспомнить, – внезапно раздался голос прямо в голове.

Казалось бы, это должно было привести Бина в состояние шока, а то и вовсе довести его до инфаркта, но почему-то парень не слишком-то удивился данному феномену. Отчего-то это оказалось смутно знакомым, словно он уже слышал этот голос раньше. «Дайтелла» – внезапно всплыло в памяти имя, а следом за ним пришёл образ живой мумии, лежащей в голубоватом свете.

«Чёрная Башня» – новое понятие словно огнём выжгло все другие образы. Следом завертелось страшное словосочетание, которое станет известно жителям Паэтты лишь через несколько месяцев после того, как Бин вернулся домой: «Герцогиня Чёрной Башни». Это было уже так близко, что Бин физически ощутил, как предчувствие открытия связывает внутренности в узлы. «Мэйлинн»...

Это имя действительно было паролём. Как только оно возникло вновь в воспалённом мозгу Бина, всё тут же встало на свои места. Он словно наяву увидел перед своим внутренним взором прекрасную лирру, чьё лицо было искажено мукой и наслаждением одновременно. Бин увидел, как Мэйлинн, повернувшись к нему спиной, словно растворяется на фоне громадной Чёрной Башни, довлеющей над окружающими скалами.

Тут же у Бина в голове словно открылась дверь забитой до отказа кладовки, из которой наружу разом вывалилось всё: мёртвый Кол, Варан, мессир Каладиус, гномы, некроманты, «Нежданная», синивица в Лоннэе, гоблины Симмера... Всё это обрушилось страшным камнепадом, снося сознание Бина, словно лёгкую плотину...

Глава 6. Миссия

Бин пришёл в себя. По щекам текли слёзы, а в ногах была такая слабость, что если бы не удерживающее его заклятие, он наверняка бы рухнул на каменный пол. В груди было очень больно – и потому что он в очередной раз пережил тяжкие минуты, и потому что он вспомнил.

– Прости, что тебе пришлось ещё раз пройти через это, – раздался голос Дайтеллы.

– Ничего, – Бин всхлипнул.

Помнится, Мэйлинн говорила, что Дайтелла настолько далека от всего земного, что ей чужды привычные для простых смертных категории и понятия. Увидев этот полутруп, Бин легко мог бы в это поверить. Однако в общении лиррийская магиня не особенно отличалась от многих других смертных, например – того же мессира Каладиуса. Вот и сейчас – она попросила прощения... Почти бессмертная лиррийская волшебница попросила прощения за то, что задела чувства бабочки-однодневки... Неужели и эти сведения о ней были не более чем мифом? И если так – то, быть может, даже великая Дайтелла тяготится своим бытием? Эти мысли молнией промелькнули в мозгу Бина, но тут же уступили место другим.

– Я всё вспомнил... – почти прошептал он.

Интонации, с которыми он произнёс фразу, красноречиво показывали, какую боль ему причиняют воспоминания о Мэйлинн и Чёрной Башне.

– Но наверняка ничего не понял.

– Да, – признал Бин. – Что случилось с Мэйлинн? Почему Башня из Белой стала Чёрной? И что произошло с нами?

– Башня стала Чёрной, поскольку Мэйлинн не прошла испытания. Она использовала магию Башни во зло, уничтожив множество лирр. Башня сама по себе не имеет цвета, она приобретает тот цвет, который несёт её Искатель. Мэйлинн пришла с чистыми намерениями, поэтому Башня была Белой. Но она не сумела удержать эту белизну. Более того, она изменилась сама. Магические способности, которые были запечатаны в ней, вырвались наружу, изменив её душу и тело подобно тому, как это случается со всеми нами. Поэтому Герцогиня Чёрной Башни – это уже не совсем Мэйлинн, хотя Мэйлинн в ней тоже есть.

– То есть она стала той самой лиррийской мессией, которую из неё хотел сделать Орден? – с болью в голосе спросил Бин.

– Нет. Эти глупцы переиграли сами себя. Они были слишком самоуверенны и не предвидели такого развития событий. Мэйлинн действительно была той, кто могла бы стать мессией моего народа. Высшие магистры Ордена Лианы решили провернуть ловкий трюк – подчинить будущей «спасительнице» силу Башни. Они были убеждены, что сумеют увлечь Мэйлинн на свою сторону. Но они не учли той глубокой привязанности, что она питала к вам, её спутникам. Эта ошибка стоила им как жизни, так и потери мессии, ибо могут пройти многие тысячелетия, прежде чем новая аномалия явится в наш мир.

– Так кто же она – эта новая Герцогиня?

– Просто ещё одна сила в этом мире. Сила достаточно могущественная, чтобы претендовать в перспективе на владычество всей Паэттой. По сути – ещё одна аномалия, более мощная и опасная, чем Бараканд или Симмер. Сейчас она пока атакует Палатий силами подчинившихся ей келлийцев. Чего она хочет – этого я сказать не могу, поскольку, став частью Башни, Мэйлинн изменилась, стала более иномировой. Однако я знаю, что та, истинная Мэйлинн, не умерла до конца и живёт внутри Чёрной Герцогини. И, возможно, её ещё можно спасти, а вместе с нею – и весь наш мир. Именно поэтому я и вызвала тебя.

– Так Мэйлинн можно спасти? – глаза Бина загорелись надеждой.

– Я не могу утверждать наверняка, но такая вероятность есть. Ты ведь до сих пор не знаешь, что произошло в тот день?

– Не знаю, – просто ответил Бин.

– Тебе известно, что в той схватке погиб один из твоих друзей, которого вы называли Колом.

– Да... – поник головой Бин. Увы, его потери всё множились, чему способствовало возвращение памяти.

– Именно эта точка истории стала переломной. Мэйлинн не смирилась с утратой, поэтому потребовала, чтобы Каладиус вернул ей способность манипулировать *возмущением*. Почерпнув силу у Башни, она уничтожила всех ваших врагов. Но это ты видел и сам. А вот дальше произошло то, чего никто и никогда ещё не делал в этом мире. Мэйлинн решила спасти Кола. Воскресить его она не могла даже с помощью Башни. Но она сделала другое. Башня способна подчинить себе время, поскольку сама перемещается во времени. И Мэйлинн сделала единственное, что было в её власти – она изменила историю. Она создала временную петлю, сделав так, будто бы вы с нею никогда не встречали Кола, и он не участвовал в этом путешествии. Таким образом была создана ложная реальность, в которой вы искали Башню вдвоём, а соответственно не встретили ни Кола, ни Каладиуса, ни остальных.

– То есть ничего из того, что я помню, не было?

– Было. Ведь именно та цепь событий привела Мэйлинн к Башне и сделала её Чёрной Герцогиней. Поэтому та, истинная реальность, никуда не исчезла. Герцогиня лишь задрапировала её, накинув сверху временную петлю.

– Так Кол...

– Жив. Именно он является той булавкой, что удерживает драпировку, не давая ей сползти. Твой друг теперь является главным парадоксом Бытия – он словно одновременно и жив, и мёртв. Именно это и создало опасность для всей Паэтты.

– Что? – удивился Бин. – Кол?..

– Именно он. Его существование столь сильно возмущает ткань Бытия, что перераспределило потоки *возмущения* в нашем мире, а это позволило Тондрону посягнуть на Паэтту.

– Как это? – Бин никак не мог решить – понимает ли он хоть что-то из того, о чём говорит Дайтелла, но явно хотел знать больше.

– Представь одеяло, брошенное поверх мягкой постели. На этом одеяле есть складки, есть перегибы. Где-то оно возвышается, а где-то – напротив, имеет впадины. Так выглядит наш мир, если рассматривать его с точки зрения *возмущения*. Оно неоднородно. До недавнего времени существовал некий барьер, который не позволял магии Тондрона проникать на наш материк. Бараканд был очень силен, но его сила была локализована на безжизненном континенте. Так было, пока Мэйлинн не стала Герцогиней Башни и пока она не нарушила само течение времени. Для такой серьёзной аномалии во времени требуется очень мощное воздействие, которое может обеспечить Башня. Это можно сравнить с тем, как если бы на кровать бросили тяжёлое ядро. Своим весом оно продавило бы перину, образовав глубокую впадину. Словно потоки воды в яму, устремятся туда потоки *возмущения* – *возмущения*, чуждого Паэтте. Это позволило Гурру и Бараканду создать тот самый мост между нашими материками, который позволит Тондрону перебросить сюда свои силы и захватить наш мир. И чем дольше будет действовать этот временной парадокс, тем прочнее будет связь между Эллором и Паэттой. Пока это лишь тонкие ручейки, но вскоре это будут реки, потоки. И тогда наш мир падёт под ударами империи чёрных магов.

– Так чего вы хотите? – потрясённо спросил Бин. – Убить Кола?

– Возможно это станет наиболее простым решением проблемы, но возможно – создаст лишь дополнительные сложности. Поэтому всё намного сложнее – тебе и твоим друзьям нужно будет вернуться к Мэйлинн и постараться всё исправить.

– Но как? – в отчаянии воскликнул Бин.

– Этого я не знаю. Однако необходимо каким-то образом разрешить этот парадокс. Тогда есть надежда, что рельеф *возмущения* восстановится, и Тондрон останется ни с чем. Мой совет – направиться к Каладиусу и рассказать ему обо всём.

– Так он мне и поверит! – фыркнул Бин.

– Нужно, чтобы поверил. Если сможешь его убедить – он сумеет сам восстановить свою память – его умений вполне хватит, чтобы ввести в транс самого себя. А уж затем вместе отправитесь в Латион, где разыщете мастера Теней и Кола. Думаю, что крайне важно, чтобы вы направились к Мэйлинн тем же составом. Это повысит шансы.

– А почему нельзя было вместе со мной сразу прихватить и Кола с Вараном? Всё же уже попроще было бы...

– Палатийские солдаты, пытающиеся доставить в другое государство мастера Теней шестого круга? – даже в этом бестелесном голосе прорезалась усмешка. – Не думаю, что они прожили бы достаточно долго. Да и тебе нужно быть с ним поосторожней. Именно поэтому и потребуется помощь Каладиуса. А что касается Кола – он должен узнать обо всём как можно позже.

– Почему это?

– Его перенос во времени и искажение реальности уже внесли существенные изменения в рельеф *возмущения*. Представь, насколько усложнится ситуация, когда сам Кол вспомнит всё, что с ним случилось. Он – ядро всей этой аномалии, но когда он об этом узнает, в нём наложатся друг на друга сразу две реальности – истинная и ложная. К каким потрясениям это приведёт – я предсказать не могу. Но одно можно утверждать наверняка – это значительно ускорит наступление Тондрона. Если сейчас темпы таковы, что вторжение может занять годы, то тогда, боюсь, счёт пойдёт на недели, максимум – месяцы. Кроме того, я не берусь предсказать, что станет с магией. Уже сейчас я чувствую перемены.

– То есть, как только мы сообщим Колу о том, что он перенесён Мэйлинн во времени, нам придётся бежать на север сломя голову, или весь мир погибнет? – в голосе Бина послышался явный испуг.

– Возможно, всё будет не настолько драматично, но суть ты уловил верно.

– Как я понимаю, отправляться мне нужно немедленно?

– Время есть, но его не слишком много. Спеши, но старайся сохранять силы. И один совет напоследок. Отправляйся в пустыню Туум через Саррассу, а не через Пунт. Я ощущаю, что влияние Башни сказалось не только на Бараканде. Симмер стал сильнее, и его мощь также будет расти день ото дня. С одной стороны, ему невыгодна нынешняя ситуация, поскольку территорию, которую он считает своей, хочет прибрать к рукам Бараканд. С другой стороны, если Башня исчезнет, его сила также вернётся к прежнему состоянию. Какие соображения владеют думами древнего демона – мне, конечно, неизвестно. Но так или иначе, я не советовала бы искушать судьбу. Пусть путь будет длиннее, но безопаснее.

– Но тогда придётся пересечь всю пустыню...

– Я очень надеюсь, что это станет самым неприятным в твоём путешествии, Бин.

– А что – магистры Ордена тоже воскресли? – с беспокойством спросил Бин, которому не очень-то понравилась эта фраза магини.

– К счастью для тебя – нет. Единственным, для кого ложная реальность стала истинной, является твой друг Кол. Он – единственное, надеюсь, существо в мире, не принадлежащее нашей реальности. По поводу Ордена можешь больше не волноваться. Твоя задача – добраться до Каладиуса, а дальше уже он сделает всё, что нужно.

– Это всё? – Бин понял, что аудиенция окончена.

– Помни лишь одно – Мэйлинн ещё можно вернуть, – ответила Дайтелла.

***

Когда Бин выбрался из пещеры, снаружи уже занимался рассвет. То ли он слишком долго провёл в трансе, то ли течение времени в пещере Дайтеллы было иным, чем здесь. Небо было совсем светлым. Видно там, за горной грядой, солнце уже вышло из-за горизонта. Неподальку от озера курился едва заметными струйками дыма погасший костерок, около которого сладко посапывал Лэйто. Бин подошёл ближе, и как ни лёгок был его шаг, сержант открыл глаза и тут же сел.

– Долго же тебя носило, – проворчал Лэйто, почёсывая множество комариных укусов на лице. – Извини, но ужин я съел без тебя. Завтракать будешь?

– Боюсь, мне сейчас кусок в горло не полезет... – мрачно проговорил Бин.

– Что – всё так плохо? – поморщился Лэйто.

– Сам не знаю... – признался Бин, усаживаясь рядом с сержантом.

– Ты знаешь, где искать Мэйлинн?

– Знаю, – нехотя ответил Бин.

– Ну так значит – всё отлично! – Лэйто хлопнул парня по плечу.

– Как сказать... – протянул Бин. – В общем, мне нужно срочно ехать обратно.

– Ну отлично! – Лэйто, крича, встал на ноги. – Помчали!

– Нет, ты не понял. Мне нужно назад в Латион. И даже дальше.

– Я точно знаю одно – перво-наперво тебе нужно назад в штаб, – твёрдо возразил Лэйто. – Если я вернусь без тебя – с меня спустят три шкуры. Так что будь добр – поехали со мной.

Подумав несколько секунд, Бин кивнул и направился к лошади.

– Какая она – Дайтелла? – с жадным любопытством спросил Лэйто несколько минут спустя.

– Такая, как о ней и говорят, – скупо ответил Бин, хотя сам тут же вспомнил своё удивление по поводу человечности её общения.

– И что – ты действительно спаситель? – не унимался Лэйто.

– Знаешь, дружище, я и сам толком не понимаю – что и к чему, – отрезал Бин, давая понять, что эта тема ему неприятна. – Дай мне собраться с мыслями – слишком уж многое на меня навалилось...

– Так ты вспомнил всё, что с тобой случилось? – сержант словно не замечал настроения Бина.

– Вспомнил... – по выражению лица парня было неясно – радуется ли он этому или огорчается.

– Так ты теперь помнишь, как схлестнулся с Чёрной Герцогиней? – было очевидно, что Лэйто не успокоится.

– Да оставь меня в покое! – рявкнул Бин и послал своего коня в галоп.

Лишь спустя полчаса Лэйто вновь поравнялся с Бином, который вновь ехал лёгкой трусцой, бросив поводья и опустив голову.

– Извини, друг, – искренне попросил прощения сержант. – У меня такое бывает – иной раз как упрусь лбом, да и начинаю топтаться по любимым мозолям.

– Да ничего... – буркнул в ответ Бин.

– А так-то я парень отличный, – улыбнулся Лэйто.

– Как и все мы, – усмехнулся Бин, поднимая голову.

– Без обид?

– Без обид! – подтвердил Бин.

– Так что – будет большая война? – не промолчав и пяти минут, вновь спросил Лэйто.

– Кажется – да.

– Это Дайтелла так сказала? – сержант выглядел встревоженным. – А она вообще как-то думает нам помочь?

– Судя по всему, она уже нам помогает, – пожал плечами Бин.

– Довольно странная у неё манера помогать, – заметил Лэйто. – Нет бы наколдowała шторм, чтоб потопить зомбаков, или низвергла бы на них огонь небесный...

– Наверное, так она и сделает, – Бин едва следил за разговором, думая о чём-то своём.

– Уж поскорей бы... – было заметно, что Лэйто ни на йоту не поверил брошенной другом фразе, но видя, что тому не до него, решил пока не тревожить Бина разговорами.

К этим болезненным для Бина темам на протяжении всего пути к лагерю больше не возвращались. Да и сам Бин был очень мрачен и задумчив, так что собеседник из него был никудышный.

До лагеря добрались, когда был уже самый разгар утра. Солнце жарило землю, на небе не было ни облачка. Маревое стояло над множеством раскинувшихся по невысоким холмам палаток. Между ними сновали втянутые в повседневную лагерную рутину солдаты. Поодаль был виден и лагерь латионцев, где тоже кипела жизнь. Лэйто втянул носом густо пахнущий тушёным мясом дым, плывущий со стороны походных кухонь, и в животе его громко заурчало. Из-за этого зануды-Бина сержант сегодня остался без завтрака. Но уж пропускать обед он не собирался. Вот только сдаст сейчас парнишку штабистам, а сам...

– Личный приказ полковника Жокко – сразу же по прибытии направляться в штаб! – остановил благостное течение его мыслей какой-то сержант, вероятно, начальник караула, стоящего у ворот. – Оба.

Ворча себе под нос всё, что он думает о не в меру ретивых сержантах, не в меру раскомандовавшихся полковниках и не в меру эгоистичных латионцах, не уделяющих достаточного внимания приёмам пищи, Лэйто всё же побрёл по направлению к штабному шатру.

– Останьтесь здесь, – часовой жестом остановил сержанта, одновременно приглашая Бина пройти.

– Да вы уж определитесь, что ли, дьяволы вас дери... – раздражённо проворчал Лэйто, демонстративно сплюнув себе под ноги, благо – слюны во рту было предостаточно.

Бин вошёл в помещение, в котором находился Жокко. На этот раз здесь кроме полковника находился ещё один человек. По некоторым признакам, и особенно по обилию мангильных украшений, опытный Бин сразу же определил в незнакомце мага. Однако человека, лично знакомого с Дайтеллой и Каладиусом, то есть – самыми могущественными магами современности, пусть и добровольно заточившими себя в подземелья, сложно было смутить заштатным армейским колдуном. Поэтому Бин лишь холодно поклонился обоим, предоставляя право начать разговор им.

– Позвольте представить вам мессира Пелеуса, молодой человек, – начал Жокко, и Бину вновь почудились неуверенные нотки в его голосе.

– Польщён знакомством, мессир, – просто сказал Бин и вновь замолчал.

– Ваше... гм... предприятие... было успешным? – тщательно подбирая слова, осведомился полковник, и Бин отметил, как досадливо сморщился при этих словах мессир Пелеус.

– Позвольте мне поговорить с достойным юношей, господин полковник, – мягко, но властно проговорил он, на что Жокко с неким даже облегчением кивнул головой.

– Госпожа Дайтелла уже успела связаться со мной и сообщить, что вам необходимо отправиться в пустыню Туум, – без обиняков начал Пелеус. – Вы можете сообщить, что за цель у вас там?

– Прошу прощения, мессир, но мне кажется, что если госпожа Дайтелла не сочла нужным сообщить вам это, то у меня и подавно нет на то полномочий, – спокойно ответил Бин.

– Однако вся коллегия палатийских магов уже на протяжении нескольких недель стоит на ушах, если мне будет позволительно так выразиться, – всё тем же грудным бархатистым голосом продолжил маг. – Когда Дайтелла сообщила, что для спасения Палатия от орд Тондрона нужно доставить к ней юношу из Латиона, сами понимаете, мой юный друг, что это вызвало брожение в умах. Чем же таким славен сей юноша, если он способен на то, чего не могут сделать маги и войска его величества?

– Не думаю, что могу ответить на ваши вопросы, – Бин твёрдо смотрел прямо в немигающие зелёные глаза мага. – Мне очень жаль, поверьте.

– Однако, мне всё же крайне интересна эта ситуация, уж не сочтите меня невежей. И мне крайне неприятна ситуация, когда я чего-то не понимаю. Если хотите, меня это бесит.

– Вы угрожаете мне? – поинтересовался Бин.

– Угрожать протеже Дайтеллы? – одними губами улыбнулся Пелеус. – Неужели я похож на глупца? Нет, я просто хочу найти с вами общий язык, юноша. Поймите, это – моя страна. С одной стороны её травит Чёрная Герцогиня, а теперь с другой начинает давить Тондрон. Если есть кто-то, кто может избавить Палатий хотя бы от одной из этих угроз – я хочу знать об этом больше. Хотя бы для того, чтобы помочь.

– Дайтелла понимает во всём этом куда больше меня, поэтому если она не сочла нужным сообщить вам это, вероятно, у неё были на то причины. Всё, что вы хотите знать, вы можете спросить у неё.

– Вы отправляетесь в пустыню Туум к Каладиусу? – вдруг резко спросил Пелеус, и Бин не был столь искушён в ведении беседы, чтобы ему удалось скрыть чувства по этому поводу.

– Я не могу сказать... – пробормотал он, чувствуя, как кровь приливает к голове.

– Да и не нужно. Не так много дел есть в той проклятой пустыне, что могут быть интересны Дайтелле. Прошу, не оскорбляйте себя ложью, скажите – я прав?

– Вы правы, – Бин понимал, что отпираться смешно и бессмысленно.

– Зачем вам понадобился старый маг? – глаза Пелеуса светились, словно глаза рыси.

– Мы снова вернулись к тому, с чего начали... – устало вздохнул Бин. – Угадывайте, коли есть желание, а я ничего не скажу. Но вы всё равно не угадаете, как не старайтесь. А мне пора в путь. Кроме того, я до сих пор ещё ничего не ел сегодня. Разрешите идти?

– Постойте, – поспешно вмешался в разговор полковник Жокко, встревоженный этой схваткой мага и человека, вхожего к самой Дайтелле. – Передохните немного, поешьте. Вам подготовят хороших лошадей, а также сопровождение.

– Мне не нужно сопровождение! – быстро возразил Бин.

– Однако таково повеление Дайтеллы, – заметил уязвлённый маг. – А вы сами говорили, что ей лучше знать.

– Если так, то прошу дать мне в сопровождение тех самых бойцов, что доставили меня сюда, – попросил Бин. – Они – профессионалы своего дела, да и отношения у нас уже сложились.

– Я не возражаю, – бросив быстрый взгляд на стоящего сбоку мага, согласился Жокко. – Надеюсь, тот сержант неподалёку?

– Он ожидает снаружи, господин полковник, – кивнул внезапно обрадованный Бин.

На этот раз Жокко не стал просить Бина позвать сержанта. Он позвонил в колокольчик, и на звук его тут же прибежал караульный. Он же спустя некоторое время ввёл Лэйто.

– Сержант, – тут же обратился к нему Жокко. – Вы и ваши люди поступаете в распоряжение господина Танисти и сопровождаете его туда, куда он направится.

– Слушаюсь, господин полковник! – Лэйто постарался, чтобы радость не попёрла наружу изо всех щелей. – Разрешите обратиться?

– Конечно, сержант.

– Прошу дозволения оставить рядового Вилли Кросана в распоряжении части!

– А что так? Показал себя ненадёжным товарищем?

– Никак нет, господин полковник! – отпартовал Лэйто. – Получил ранение при героических обстоятельствах!

Бин чуть не прыснул со смеху, но, хвала богам, сдержался.

– Вам нужна замена для него? – поинтересовался Жокко.

– Никак нет, господин полковник! Справимся!

– Ну, значит, так тому и быть. Час на сборы. В полдень выдвигайтесь в путь.

Глава 7. Победа у Синицы

Выйдя из штаба, оба друга направились в расположение второй роты. Лэйто хотел увидеться с друзьями и, в первую очередь, с лейтенантом Брайком; Бину же, собственно, было абсолютно всё равно, где переждать отведённый час, главное – чтобы ему дали поесть. Проходя по довольно обширному лагерю, размер которого мог посоперничать с самыми крупными сёлами Палатия, Бин неожиданно увидел группу гражданских, которые хлопотали возле нескольких военных палаток. Женщины стирали белье, среди которого было много казённого, а мужчины смазывали арбалетные болты из ящичков, стоящих рядом, чем-то похожим на не очень густой жир.

– Это ещё кто? – удивился Бин.

– Местные, – махнул рукой Лэйто. – Тут неподалёку пара деревенок стоит, так вот они перебрались сюда от греха подальше. Это они и подняли тревогу.

– Ясно. Ну а чтоб задарма не жрали паёк, вы их припахали на работы? – усмехнулся Бин.

– Да никто и не припахивал. Сами предложили. Это народ, что не привык сидеть без дела.

Пошли дальше. Лэйто заметил рядового из своей роты, подозвал его и отправил на кухню, чтобы тот принёс две порции обеда в расположение. Рядовой, явно обрадованный возвращению сержанта, стрелой сорвался с места, светясь от усердия. Однако его труд оказался напрасным – когда Лэйто подошёл к своей палатке, он увидел всю свою неразлучную тройцу, сидящую у входа на каких-то ящиках, а рядом – дымящиеся котелки для него и Бина. Хотя Лэйто, прислушавшись к внутреннему голосу своего желудка решил, что добавка им обоим явно не повредит.

– Ну что, командир, закончились весёлые деньки? – чуть гундоса, осведомился Вилли. Несмотря на то, что опухоль уже спала, его длинный шнобель был заметно кривоват, и рыжий задира теперь всегда говорил немного в нос.

– Для тебя – да, – подхватывая котелок, подтвердил Лэйто.

– Что это значит? – Вилли озадаченно поглядел на сержанта.

– То, что через час мы отбываем, – практически не жуя проглотив первый кусок гуляша, ответил Лэйто. – Все, кроме тебя.

– Это ещё почему? – вскинулся Вилли.

– Уверен, что нужно пояснять? – Лэйто был целиком сосредоточен на ароматном содержимом котелка, так что не отвлекался на своего незадачливого подчинённого.

– Один раз поцапался с Бином – и всё? – злобно прорычал Вилли. – Теперь я для тебя никто? Мы уже лет восемь вместе, через столько всего прошли...

– Дело не только в Бине, – отрезал Лэйто. – Просто мне надоело нянчиться с тобой постоянно. Нам предстоит длинный и сложный поход, и я не хочу ещё больше его усложнять.

– Я не стану для вас проблемой, сержант! – теперь в голосе рыжего явно слышалась мольба. Всё-таки, вкусив вольной гражданской жизни, очень обидно было от неё отказываться.

– Может быть, но это уже и неважно, – Лэйто впервые взглянул на Вилли. – Потому что приказ полковника относится лишь к нам троим. Может, в следующий раз...

Слова эти прозвучали почти как издёвка, и это вывело Вилли из себя.

– Да пошёл ты! – брызжа слюной, рявкнул он и, вскочив, быстрым шагом направился прочь от палатки.

Оставшиеся двое рядовых молча сидели, сосредоточенно разглядывая грязные носки своих сапог. Даже Парк, который по какой-то непонятной для Лэйто причине всегда испытывал приязнь к Вилли, на этот раз промолчал. А Пэрри, судя по всему, был даже рад такому повороту дела. Бин, который не мог не ощущать, что являлся существенной причиной произошедшего, увлечённо ел из котелка, жалея, что не может забраться в него целиком.

– Пойду к лейтенанту, – доев вторую порцию, как ни в чём не бывало проговорил Лэйто. Брайк очень тепло встретил своего сержанта. Кратко расспросив о путешествии, лейтенант с явным огорчением узнал, что Лэйто вновь уезжает на неопределённый срок.

– Мне уже пришлось назначить временного командира взвода вместо вас, – озабоченно проговорил он. – Выходит, придётся оставить его на постоянной основе.

– И кто же это? – любопытствовал Лэйто, почувствовав укол ревности.

– Рядовой Прэйн, – ответил Брайк. – В недалёком будущем, я полагаю, – сержант Прэйн.

– Отличный солдат, – одобрил выбор командира Лэйто. – Толковый и серьёзный. Из него выйдет толк.

– Жаль терять такого сержанта как вы, Лэйто, накануне сражения. Да и ребята ваши могли бы ой как пригодиться.

– А что – ожидается-таки сражение? – поинтересовался Лэйто. – Что же касается ребят, то одного я вам оставляю в этот раз.

– Рядового Кросана, полагаю? – поморщился Брайк.

– И как вы только угадали, господин лейтенант? – усмехнулся Лэйто.

– Что же касается сражения – полагаю, что когда-то же оно должно произойти! – скривившись, словно глотнув лошадиной мочи, заговорил Брайк. – Если есть время – прогуляйтесь до побережья и гляньте, что там творится. Не могу понять – чего ждёт командование. Того, что гомункулы в давке потопчут друг друга?..

– Я думал, что когда придут латионцы, будет драка.

– Я тоже так думал, – с досадой произнёс Брайк. – Но у начальства, вероятно, какие-то свои соображения. Сейчас тут много магов стало ошиваться – может, готовят что-то этакое? Признаться, я думал, что мы ждём вашего спасителя... А он, оказывается, приехал, чтобы тут же уехать назад...

– Не назад, – возразил Лэйто. – Кажется, мы как раз и едем за основной подмогой.

– В любом случае, думаю, скоро всё должно решиться так или иначе. Гомункулов уже столько, что они просто не помещаются на побережье. Самое большое через две-три недели нам придётся либо драться с ними, либо двигать лагерь к востоку, чтобы дать им больше места... – грустная ирония прозвучала в последних словах лейтенанта, словно он действительно рассматривал и подобную вероятность.

– Жаль, что пропущу самое веселье, – усмехнулся Лэйто. – Надеюсь, этот парень, Бин, найдёт то, что ищет.

– Дайтелла живёт на свете достаточно долго, чтобы научиться не ошибаться, – пожал плечами Брайк. – Ну что ж, сержант, не стану вас больше задерживать. Надеюсь, ещё свидимся.

– Удачи, господин лейтенант! – Лэйто поборол желание протянуть молодому человеку руку, ограничившись стандартным воинским салютованием.

Уйдя от лейтенанта, Лэйто вновь вернулся к своей палатке, где его поджидали Бин, Парк и Пэрри.

– Хочешь прогуляться к побережью? – предложил он Бину, который, естественно, сразу же согласился, и они оба побрели к так хорошо знакомым Лэйто кустикам.

– Твою ж мать!.. – невольно вырвалось у сержанта, как только они подошли к позиции. Бин лишь присвистнул.

Изумление Лэйто было вполне простительно. Когда он в последний раз был здесь, зомбаков было много, даже слишком много, однако теперь... Насколько хватало глаз, всё побережье было покрыто чёрной, вяло шевелящейся массой. Сразу четыре корабля в пределах видимости сержанта стояли неподалёку от берега. Кое-где гомункулы отступились от привычки тесниться у самого океана, так что словно несколько отвратительных чёрных языков облизывало невысокие холмы чуть поодаль от берега. Брайк был прав – ещё пара недель, и мерзкие творения Гурра будут ночевать прямо у лагерного частокола.

– Как можно было такое допустить? – негодование и изумление в равной степени душили Лэйто. – Эти твари тупо сидят на одном месте. Иной раз кажется, что даже крестьяне с мётлами могли бы расправиться с ними! А уж три полка – и подавно! Смели бы уже давно эту нечисть обратно в море!

– А может такое быть, чтобы они ждали *меня*? – чуть растерянно спросил Бин, имея в виду, конечно, не монстров на берегу, а военное командование.

– А ведь вполне может быть! – с горечью кивнул Лэйто. – Зачем напрягаться, когда придёт спаситель и всё уладит?!..

– Вероятно, Дайтелла не объяснила им всю ситуацию, отделившись какими-то общими фразами. Вот они и решили, что должен явиться какой-то всемогущий маг, который одним взмахом превратит этих уродов в улиток.

– Ну теперь-то, когда ты уедешь, надеюсь, они наконец зашевелиятся... – с нескрываемой злостью прошипел Лэйто. – Ты погляди! Да тут тысяч двадцать, а то и тридцать зомбаков. При том, что нас наберётся в сумме не больше восьми-деяти. Сколько ж людей-то поляжет!..

– Ну сам говоришь, что маги пожаловали. Может, они что-то этакое готовят...

– Очень надеюсь... – буркнул сержант. – Пошли отсюда, а то меня сейчас стошнит...

В мрачном молчании они вернулись в лагерь. К тому времени их уже поджидал какой-то адъютант из штаба, в сумке которого лежал приказ для Лэйто и его двух товарищей, подорожная, а также довольно круглая сумма денег в целых пять тоинов. Учитывая, что рачительный Лэйто сумел сэкономить кое-что ещё с прошлых командировочных, сейчас он чувствовал себя просто миллионером. Кроме того, четыре весьма недурные лошади, осёдланные и снаряжённые, ожидали своих седоков, чтобы отвезти их в Шинтан.

Настроение у сержанта несколько поднялось. Плевать, что эти остолопы из штаба всё это время ковыряли в носу вместо настоящего дела! Он, Лэйто, сделает свою работу на совесть! Асс помогает только смелым и решительным, так что сержант крайне рассчитывал на его поддержку. Недолго прощаясь, все четверо вскочили на лошадей и отправились в новое путешествие.

***

Брайк был весьма обеспокоен. Лейтенант стеснялся признаться даже самому себе, но в глубине души понимал, что всё это время он ждал какого-то чуда. Он ждал, что явится тот спаситель, за которым был отправлен сержант Лэйто, и враз положит конец всему этому безобразию. Однако, как и следовало ожидать, спаситель оказался пустышкой, плодом какой-то хитроумной, но пустой игры великих магов. Они вновь остались один на один со страшным мистическим врагом, к тому же всё прибывающем в числе.

Теперь, поговорив с Лэйто, Брайк понял, что дни бессмысленного ожидания подходят к концу. Теперь даже самый осторожный политикан не найдёт иного выхода из ситуации, кроме старой доброй схватки. И вот тут Брайк, как командир, находил множество поводов для беспокойства. Его рота вполне неплохо показывала себя в войне с обычными людьми, пусть даже и кровожадными берсерками. Правда, битва у Каледа здорово проредила личный состав, и сейчас у Лэйто почти половину роты составляли новички. Хвала богам – не зелёные новобранцы, а ветераны из расформированных по причине почти полного истребления частей, но насколько они хороши в бою – этого Брайк пока не знал.

Но, – вновь повторил мысленно лейтенант, – тогда врагами были люди. Пусть страшные, пусть неистовые, пусть сильные, но люди. А теперь им предстояло сразиться с гомункулами – существами из детских сказок, которыми кормилицы пугали непослушных детей. Самое удивительное, что до сих пор, спустя столько времени, никто и не разу не удосужился объяснить бойцам – как же, во имя Асса, вообще справляться с этой нежитью? Брайк почему-то был уверен, что простая солдатская сталь будет не так уж эффективна здесь.

Полковник Жокко уже откровенно морщился, видя молодого лейтенанта, поскольку тот смертельно надоел ему расспросами. Другие командиры рот тоже не держали рот на замке, но Брайк был поистине невыносим. Лейтенант понимал, что будь сейчас мирное время, его давно бы уже отправили куда подальше, командовать каким-нибудь богами забытым гарнизоном на побережье Серого моря. Однако, по счастью, сейчас была самая настоящая война, так что Жокко не мог себе позволить разбрасываться столь ценными кадрами, как бы сильно они его не выводили из себя.

По итогу Брайк пока старался делать то, что зависело непосредственно от него. Гонял солдат, не давая засиживаться, устраивал стрельбы, ставил на уши походную кухню, чтобы солдаты получали нужный паек вовремя и в полном объёме. Глядя на него, зашевелились и другие командиры, что давало смутную надежду на случай, если всё станет совсем плохо.

Не могло также не беспокоить то, что накануне заварухи Брайк лишился своего лучшего сержанта. Справится ли новоиспечённый командир взвода Прэйн, ведь хорошо сражаться и хорошо командовать – совсем не одно и то же. Лэйто прекрасно сочетал оба этих качества, а вот Прэйн... Посмотрим...

В таком тревожном ожидании Брайк провёл этот и весь следующий день. А на третий день после отъезда Бина его вдруг с самого утра вызвали к Жокко. У лейтенанта защемило в груди – значит, началось. Полковник уже много-много дней не вызывал командиров рот по утрам, да и не каждый вечер он собирал их, чтобы выслушать дневные отчёты. С сильно бьющимся сердцем Брайк отправился в штаб.

Он не ошибся. Жокко, стоящий в окружении сразу нескольких магов, объявил о предстоящей битве. Он долго и пространно говорил о долге, о ограниченности терпения палатийского народа, о самоотверженности его солдат. В конечном итоге командиры рот разошлись по своим расположениям, чтобы проинструктировать личный состав и подготовить его к сражению. Время атаки было назначено на полдень.

Для начала Брайк собрал своих сержантов (точнее, сержанта и рядового). Коротко и ясно обрисовал картину. Оба комвзвода встретили новость достойно, даже с некоторым, казалось, облегчением. После инструктажа оба подтвердили, что поняли поставленную задачу, и направились к своим подразделениям.

Вскоре лагерь загудел, словно растревоженный улей. Суета, в которой поровну смешались страх и азарт, нетерпение и какая-то сковывающая вялость. Стрелки в тысячный раз проверяли спусковые механизмы арбалетов, выверяли прицел и громко матерились. Брайк, дав несколько минут, чтобы охватившее солдат волнение немного пошло на убыль, вышел из своей палатки и велел строить роту.

– Солдаты, – начал он. – Сегодня нам предстоит впервые сразиться с врагом необычным, даже непостижимым. И сердце моё сейчас трепетало бы от ужаса, если бы я не провёл с этим врагом бок о бок полтора месяца, если бы я не видел, что он не способен ни на что, кроме как вяло копошиться на пляже. Будьте уверены, ребята, что мы легко сбросим этих тварей назад в море! Если что-то и печалит меня сейчас, так это то, что мы не сделали этого раньше!

Замолчав, Брайк дал понять, что с пафосной частью покончено. Однако, надо сказать, что солдаты восприняли речь весьма воодушевлённо. У многих загорелись глаза, сжались кулаки, заиграл румянец. Троекратное «ура!» грянуло в ответ на слова лейтенанта. Что ж, уже хорошо. По крайней мере, в данный момент эти люди готовы сражаться. Поглядим, что будет дальше.

– Для нашей роты командование выделило лучшую позицию! – продолжил Брайк, когда отгремели восторги. Вероятно, все командиры рот сейчас говорили своим бойцам то же самое, но кого это волновало! – Мы займём два холма примерно в полумиле к северу от лагеря. Построение – двойная цепь. Командование решило обойтись малой кровью. Мы будем бить по врагу с безопасного расстояния, а если они двинутся в атаку, будем постепенно отступать к

позициям пехоты. Если покажем себя как следует, мечникам и алебардщикам сегодня может и не найтись работы! Тем более, нас поддержат маги.

Вновь ободрённые солдаты не выдержали и гаркнули «ура!». Что ж, это хорошо.

– Многие из вас наверняка задавались вопросом – а смогут ли наши болты причинить вред этой нежити, – вновь заговорил Брайк и ответом ему стало согласное ворчание стоящих перед ним рядов. – Отвечаю: вы, должно быть, видели, что в последнее время все наши болты были смазаны особым составом. Маги утверждают, что он очень эффективен против гомункулов.

– А против нас? – раздался голос из шеренги.

– Для нас он совершенно не опасен, – Брайк не обратил внимание на нарушение дисциплины. – Более того, на ощупь вы даже не почувствуете, что эти болты не такие как обычно. Обычная смазка, как всегда. Ещё есть вопросы?

Молчание стало ответом командиру.

– Ну вот и замечательно! Теперь у вас примерно полтора часа личного времени. Распорядитесь им с толком. В половину двенадцатого – сигнал к построению. Всем быть готовыми. Всё будет в порядке, парни! – закончил Брайк свою речь. – Мы справимся!

По сигналам сержантов строй рассыпался на отдельных солдат. Все поспешили по своим делам, надеясь не упустить ни одной минуты из оставшихся полутора часов. Правда, уже вскоре большинство из стрелков уселись кружками возле своих палаток, говоря о пустяках, а то и вовсе – молча. В последние минуты перед боем все дела казались какими-то ненужными и неважными. Разве что то один, то другой боец вскакивали, чтобы пробежаться до отхожих ям, но это не вызывало никакого смеха среди остальных. Даже у бывалых ветеранов сейчас крутило живот.

Рога, сыгравшие сигнал к построению, были встречены почти с радостью – ожидание утомило всех. Солдаты бодро вскакивали и спешили занять место в строю. Одновременно удвоилось количество прибауток и хохм – каждый старался поддержать и себя, и товарища. Построение было выполнено молниеносно, так что затем больше двадцати минут вторая рота, так же, наверное, как и все остальные одиннадцать рот полка, стояли на палящем солнце, ожидая теперь команды выдвигаться.

От лагеря до прибрежных холмов было не больше десяти минут бодрым шагом, так что вскоре стрелки стали занимать отведённые им позиции. Рота Брайка двинулась на свои холмы, перекрикиваясь с солдатами других рот, назначая шуточные пари вроде тех, кто больше зомбаков положит, или в чьей роте будет меньше трупов. Сзади понемногу придвигались пехотные части – впереди шли легионеры Латиона, чуть поодаль плелись новобранцы-палатийцы.

Ящики с болтами были заранее поднесены на позиции и расставлены так, чтобы максимально ускорить процесс зарядки. Брайк заметил, что мимо этих ящиков ходят маги, выполняя какие-то пассы. Судя по всему, они готовили к действию тот самый чудо-состав, которым были смазаны болты, и что должен был истребить всех гомункулов до последнего. Лейтенант усмехнулся – маги сейчас были похожи на жрецов-протокреаторианцев во время их главного праздника Троицы. Они так же ходят мимо прихожан и благословляют подобными жестами.

Когда рота поднялась на вершины двух отведённых им холмов, лейтенант почувствовал привычную тошноту. Внизу, футах в трёхстах от его ног, мерзко шевелилась почти чёрная масса, заполняя собой берег, насколько хватало глаз. Чувство жалкой растерянности внезапно накатило на Брайка – неужто возможно истребить такое количество нежити? Но командир не должен поддаваться слабости, потому что это ставит под удар всё подразделение, поэтому лейтенант тут же отогнал от себя пессимистичные мысли, сосредоточившись на тактике.

Стрелки использовали стандартное построение в две линии, когда огонь ведётся попеременно двумя шеренгами – пока первая заряжает, вторая даёт залп. Конечно, для подобной тактики плотность огня маловата – восемь с небольшим десятков его подчинённых были раз-

мазаны по протяжённости порядка двухсот ярдов. Однако Брайк тешил себя мыслью, что в бою его бойцы сами поймут, какая тактика приведёт их к победе. Опять же, на что в роте сержанты? Но, положив руку на сердце, Брайк не одобрял решения командования наступать сразу по всему фронту. Плотность огня категорически недостаточна для того, чтобы смести такую массу врагов.

Однако теперь Брайк заметил, что маги, закончив, похоже, обряд зачарования, растягиваются цепью. Их было не так чтобы много – едва ли полсотни, поэтому они стояли по одному, максимум – по двое на каждом холме. Теперь лейтенант понял, что именно магия должна стать главной ударной силой, а задачей стрелков, похоже, станет прикрытие волшебников от возможных нападений. Брайк почувствовал некоторое облегчение – если маги знают, что делают, то дело, похоже, может выгореть.

Никакого сигнала к началу битвы не прозвучало. Вероятно, маги получили этот приказ каким-то иным способом, потому что начали они синхронно. Волшебники не стали мудрствовать лукаво, и применили самый действенный и простой вид магии – стихийную, а именно, магию огня. Огненный смерч обрушился на побережье.

Каждый маг действовал в силу индивидуальных возможностей или предпочтений. Кто-то бил здоровенными раскалёнными огнешарами, которые не покрывали больших площадей, зато несли мощный разрушительный заряд. Другие – напротив, предпочитали волны, струи и стены огня, которые, конечно, не причиняли такого урона, как огнешары, но захватывали сразу целые сектора побережья.

Сердце Брайка ликовало, когда он смотрел, как гомункулы корчились в огне, словно личинки гигантских насекомых. Сотни, если не тысячи их гибли в магическом пламени, которое перекидывалось с одного гротескного тела на другое. Те, кого накрывало огнешаром, валились тут же, чтобы больше уже не встать. Попавшие под волну огня, какое-то время ещё брели по склонам холмов, словно в надежде отомстить за свою гибель, но через какое-то время также падали под ноги своим собратям.

Гигантская масса гомункулов пришла в движение. Однако это не был яростный натиск, знакомый всем, кто хоть однажды бился с северными берсерками. Это было вялое, тупое перемещение, не приносящее противнику ни малейшей угрозы. Солдаты Пятого стрелкового полка хохотали, словно одержимые, глядя на геенну огненную, разверзшуюся у них под ногами. Казалось, победа будет до обидного лёгкой.

Однако несмотря на то, что сотни и даже тысячи гомункулов гибли в огне, тысячи ещё оставались в живых, если к ним вообще можно применить данное слово. Также вскоре стало ясно, что маги начинают выдыхаться. Тот маг, что стоял в паре десятков шагов от Брайка, заметно побледнел, и с него градом катился пот, словно он только что лично втащил все эти ящики с болтами на вершину. До гомункулов оставалось ещё полторы сотни футов довольно крутого склона, но они, хотя и медленно, но неумолимо двигались вперёд.

– Надо бы пособить мессирам магам! – крикнул сержант Пэйл, с тревогой поглядывая на теряющего силы чародея.

Брайк коротко кивнул, но медлил дать сигнал своим бойцам, ожидая приказа свыше. К счастью, долго его ждать не пришлось. Сзади забили барабаны – условленный заранее сигнал для арбалетчиков.

– Первлиния, товсь! – надсаживая горло, чтобы переорать весь этот хаос, рявкнул Брайк. – Пли!

Тявкнули арбалеты, посылая во врагов тяжёлые металлические веретёнца. Всё как обычно, но в этот раз болты, едва сорвавшись с ложа, внезапно вспыхивали неестественно ярким пламенем, и мчались дальше, подобно маленьким кометам. Это было так красиво, что Брайк даже мимоходом пожалел, что дело происходит не ночью – должно быть, зрелище было

бы ещё более завораживающим. Хотя густые клубы чёрного дыма и так понемногу закрывали солнце.

– Вторлиния, товсь! Пли! – чувствуя, как его накрывает восторг, проорал Брайк.

Конечно, те десятки болтов, что летели сейчас во врага, не смогли бы остановить тысячи. Однако магический огонь, который они несли, оказался куда страшнее металла. Ударяясь о тушки бредущих гомункулов, пламя словно разбрызгивалось десятками небольших огненных брызг, которые тут же впивались в тела идущих рядом. Один болт уничтожал до полудюжины монстров.

Волшебники в это время отходили назад. Многие – едва волоча ноги. Нескольких и вовсе вели под руки солдаты. Арбалетчики остались на вершинах холма одни, наслаждаясь огненной феерией.

Когда расстояние до наступавших гомункулов сократилось до каких-то трёх десятков шагов, сзади вновь застучали барабаны – сигнал к отступлению. Выпустив последние болты, стрелки стали организованно отходить к линиям пехоты.

– Дальше! Дальше! – яростно маша рукой, орал какой-то всадник, стоящий в полусотне шагов впереди позиций латионцев. – Отходите дальше от холмов!

Брайк понял, что магические сюрпризы ещё не окончены, поэтому проследил, чтобы все его бойцы оказались как можно дальше от гряды холмов. Наступило небольшое затишье. Люди переводили дух, гомункулы взбирались на вершину гряды. Теперь, когда экстаз битвы немного отпустил, вновь навалилась смутная тревога, ведь, что ни говори, а по ту сторону огромной земляной насыпи оставались ещё тысячи врагов.

Вот они показались на фоне чёрного дымного неба. Вот первые ряды начали спускаться вниз – куда более резво, чем поднимались. Словно перехлестнувшее море, толпы гомункулов стали спускаться к позициям людей. И тут Брайк заметил шевеление в рядах защитников – ещё не до конца пришедшие в себя маги, стиснув зубы, выходили вперёд. Они брались за руки, словно образуя какой-то необычный контур.

Когда фигура была закончена, чародеи напряглись, опустив головы, словно погрузившись в транс. И тут будто судорога пробежала по земной тверди, хотя при этом даже арбалеты, при-слонённые к нагромождённым ящикам, не упали. Однако, многие люди только что не рухнули на колени. Странное землетрясение, которое не поколебало ни поверхность земли, ни бездушные предметы, находящиеся на ней, но мощно ударило по людям.

До Брайка дошло, что это была магия. То есть он, человек без магических способностей, впервые ощутил эту могущественную силу – настолько она была мощной. Он не был экспертом по магическим наукам, да и вообще слабо представлял себе всё, что было связано с волшебством, но он тут же понял, что на подобную мощь в окрестности сотен, а то и тысяч миль отсюда, был способен лишь один маг, а точнее – магиня.

Свой решающий удар нанесла Дайтелла. Человеческие маги помогли ей сфокусировать и, возможно, усилить заклятие. Кроме того, ими заранее была проведена соответствующая подготовка на холмах. Возможно, их почва также была обработана тем чудодейственным эликсиром. Так или иначе, но холмы будто бы взорвались огнём. Волна мощного жара опалила оторпевших солдат, явственно запахло палёными волосами – многие лишились ресниц и бровей, а волоски бород у первых рядов скрутило и оплавало. Теперь на землю попадали даже те, кто стоял до сих пор – их швырнула туда взрывная волна.

Стена огня, высотой в полсотни футов, опадала потом в течение двух часов, или даже больше. Если кто-то из гомункулов и уцелел, то их легко можно будет уничтожить позже. Тем более, что жар от оплавленных холмов шёл такой, что вряд ли на них удастся взобраться раньше чем через день, а то и два.

Похоже, это был конец боя. Как и предрекал недавно Брайк (сам, впрочем, мало веря своим словам), пехоте так и не пришлось вступить в это сражение. Однако особого огорчения по этому поводу в рядах пехотинцев лейтенант, конечно, не наблюдал.

Буря восторга охватила войско. Все славили магов, славили стрелков, славили командование, славили короля. Кто-то из столичной верхушки произнёс проникновенную речь, где говорилось, что потомки будут с гордостью вспоминать название деревеньки Синица, ибо там человечество дало решительный отпор чёрным силам, пришедшим из-за океана.

Брайк не сомневался, что весть об этой победе помчится на восток быстрее степного пожара. Многие люди, не знавшие до сих пор даже о вторжении, с восторгом узнают сразу о безоговорочной победе. Победе, что ни стоила даже капли человеческой крови.

Однако лейтенант почему-то стоял сейчас какой-то опустошённый. Ему не верилось, что всё закончилось. Причём это была не какая-то фигура речи. Брайк действительно не верил, что это – конец.

Глава 8. Солана

Жить на берегах Алийи было уделом не для слабаков, и дано не каждому. Снежные зимы, когда невысокие постройки колонов заносило едва не по крыши, и вместе с тем – знойное, влажное лето. Полчища мошки, от укусов которой вздувались болезненные волдыри, не говоря уж о комарах, слепнях и прочей гнуси, что плодилась в небольших заводях, остающихся после весеннего разлива реки, а также во множестве болот, постепенно переходящих в одно сплошное, именуемое Симмерскими болотами. Слишком топкая почва, чтобы в ней уютно чувствовали себя злаки и фруктовые деревья. Каждый клочок пригодной для земледелия земли приходилось с боем отбивать у разраставшихся повсюду кустарников и буйных трав, забивавших более слабые растения, прирученные людьми.

Здесь человеку приходилось воевать каждодневно. Воевать с этой сорвавшейся с привязи природой – с климатом, землёй, водой, лесами... Всё необходимое для жизни приходилось буквально вырывать из цепких лап неприветливого окружающего мира. Это сказывалось на здешнем населении. Даже в столице простолюдины не могли похвастаться большой продолжительностью жизни – как правило, человек в шестьдесят считался уже дряхлым стариком, а большинство не доживало и до этого возраста...

Здесь, на берегах Алийи, женщина считала себя счастливой, когда доживала до сорока, ибо к этому сроку она уже успевала прожить свою полную тяжких трудов жизнь, вырастить с полдюжины детей, похоронив ещё столько же, и увидеть первых внуков. Местных девочек выдавали замуж обычно не позже четырнадцати, и вся их дальнейшая жизнь была бесконечной чередой родов и изматывающей работы.

Солане было почти шестнадцать, но она до сих пор не была замужем. Хвала богам, её отец настолько обожал дочь, что потакал всем её прихотям, а матушка, которая могла бы сказать своё веское слово, померла лет семь назад от алой лихорадки. У Соланы было ещё двое старших братьев и сестра, которая была моложе её на два года, однако уже пару месяцев как была замужем за этим неуклюжим Борни – олухом с отвислыми губами и лопоухими ушами. Ох и хохотала же Солана над выбором сестры, но ту было не переубедить – лучше уж такой муж, чем сидеть в старых девах как старшая!

Сколько раз уже сватались местные женихи к самой Солане! Сколько раз отец осторожно, издали заводил разговор то о рыбаке Джейле, то о лесорубе Кёрсте, то ещё о каком-нибудь деревенщине, что, влажно поплёскивая глазами, разглядывал упругое, ладно слеplенное тело девушки, неизменно наряженное в мужскую одежду. Но всякий раз после подобных слов Солана закатывала такие истерики, что добряк-отец, как правило, сбегал в местный кабачок и возвращался лишь после полуночи, когда все в доме уже спали.

Младшая сестрёнка, которую родители, не особенно напрягаясь, называли Алийей, весьма презрительно фыркала, взирая на свою старшую непутёвую сестрицу, которую пренебрежительно называла «пацанкой». Действительно, любой сверстник Соланы, если отвлечься от её женственных форм, назвал бы девушку «своим пацаном». С самого детства она играла в незатейливые мальчишечьи игры – с воплями гоняла товарищей обломанным черенком мотыги, который символизировал меч, причём дралась им так яростно, что отшатывались и более взрослые парни. Постоянно увязывалась на охоту то с отцом, то с кем-нибудь из старших братьев. Да и одевалась гораздо чаще не в сарафаны, что так и лежали в сундуке, дожидаясь, покуда подрастёт Алийа, а в обноски, оставшиеся от братьев.

С точки зрения младшей сестры невозможно было представить себе более непутёвую жизнь для девушки, но Солану, напротив, приводили в ярость неприятные мечты Алийи: удачно выйти замуж, иметь свой дом и множество детей. Солана мечтала о другом. Ей хотелось увидеть мир, увидеть далёкое море, горы, другие страны. Ей хотелось совершать подвиги как

те великолепные рыцари, о которых в детстве ей рассказывал истории дед Куркуль, как все в деревне называли отца её матушки. Вот кто всегда смотрел с задорным огоньком на то, что вытворяла Солана, на её сбитые коленки и растрёпанные волосы! Дед всегда посмеивался над визгливыми криками дочки – матери Соланы – когда та пыталась учить девку уму-разуму. Увы, проклятая алая лихорадка унесла обоих...

Теперь, будучи уже почти совсем взрослой девушкой (а по местным меркам – так и вовсе едва ли не «перезревшей»), Солана помогала престарелому отцу охотиться. Оба брата жили теперь уже каждый своей жизнью, недавно и Алия покинула родительский кров, так что Солана осталась единственной помощницей. Хлопотала по дому, стирала, готовила, бегала в лавку Шенстри, чтоб обменять лисьи и беличьи шкурки, бобровый жир и вяленое мясо на гвозди, муку и льняное полотно. Но главное, конечно – это охота.

Никто из мужиков не сказал бы этого вслух, но негласно все согласились бы, что нет в окрестности ста миль стрелка, который бы сравнился в меткости с Соланой. Её шкурки ценились всегда выше всех других, потому что скорняки могли не трудиться проверять их целостность. Стрела Соланы всегда была прямо в глаз даже самой мелкой и забравшейся высоко на сосну белке. А если добавить к этому и её чутье следопыта, то не было в округе ещё и охотника лучше и удачливее.

Солана любила охотиться. Любила отслеживать зверя, любила загадки, что загадывал ей лес. Любила опасность, ведь в лесах вполне можно было наткнуться на кабана или медведя, да и завалить лося из лука – тоже та ещё задачка. Солана любила зависеть только от себя, не ждать ничьей помощи или подсказки, есть то, что добудешь сама, спать там, где застанет ночь... Иногда девушка уходила в леса на два-три дня. В один из таких уходов она потеряла в пути огниво, так что две ночи пришлось провести без костра. Но главное – пришлось есть сырое мясо, нарезая его тонкими ломтями. Однако Солане даже в голову не пришло вернуться домой.

Особенно любила Солана уходить вдоль реки к югу. Туда, где милях в сорока пяти лежало Проклятое озеро, как местные величали озеро Симмер. Несмотря на то, что до границы Симмерских болот было добрых пятнадцать-двадцать миль, мало кто из местных охотников отваживался ходить в ту сторону. Однако Солану это место словно притягивало. Будучи четырнадцатилетней девчонкой, она впервые добралась до северных границ Симмерских болот. Когда она рассказывала об этом, те, кто плохо её знал, не верили ни единому слову, а те, кто знал хорошо – с замиранием сердца смотрели на храбрую охотницу огромными глазами.

В последние годы что-то изменилось. Зло, живущее в Симмерских болотах, стало словно сильнее. Всё явственней чувствовалось его зловонное дыхание. Раньше Солана, не колеблясь, назвала бы место, где проходит граница между нормальной землёй и окрестностями Проклятого озера. Это была мёртвая сосновая роща.

Отчего она погибла – этого девушка, естественно, не знала. Выбеленные солнцем, лишённые коры и ветвей прямые древесные стволы торчали, словно древки копий на протяжении многих миль к востоку и западу, а какова была ширина этой рощи – Солана не знала, ибо так и не решилась ступить на мёртвую землю.

Там, у этой рощи, юная охотница уже явно чувствовала незримое присутствие чего-то недоброго, могучего и одновременно терпеливого. Солана понимала, что для этой силы она – не более чем букашка, пролетевшая мимо. Чувствовалось, что сила эта ожидает уже много тысячелетий, надеясь продвинуться дальше на север, но пока не может этого сделать, а потому ждёт.

Но в последнее время ей словно бы надоело ждать. Эта страшная, грозная сила двинулась с места, либо стала ещё сильнее, подминая под себя всё новые пространства. Судя по всему, второе было куда ближе к истине. И вот сегодня наконец Солана наткнулась на явное свидетельство приближения проклятия озера Симмер.

Она бродила по хорошо знакомому ей лесу милях в десяти от деревни, выслеживая годовалого кабана-подранка, которого ранила сама вчера вечером. Солану душило чувство досады – не заметила дефекта оперения стрелы, поэтому та немного ушла в сторону, попав кабану не в яремную вену, а куда-то в область лопатки. Кабан, визжа, убежал, а девушка, сквернословя, бросилась вдогонку, выискивая капли крови на опавшей хвое и кустах.

Судя по количеству этой самой крови, кабан так или иначе был обречён – через какое-то время он падёт, обессилев от кровопотери. Но до тех пор он мог пробежать ещё не одну милю. Самолюбие охотника не позволило Солане упустить добычу – она должна была во что бы то ни стало достать засранца.

Нашла его она уже утром. Её кабан, её законная добыча, был обглодан почти до костей. Всё вокруг было залито кровью, валялись обрывки внутренностей, кости. Кто мог так обожрать тело? Это не было похоже ни на волков, ни на более мелких хищников. С какой-то бессмысленной жестокостью туша была разодрана, размётана по поляне.

А ещё тут были следы, благо те, кто пировал здесь ночью, ходили прямо по свежей крови, так что их отпечатки нашёл бы и самый бездарный из охотников. Солана бездарной не была, поэтому она видела куда больше. Во-первых, с первого взгляда было ясно, что таких следов раньше она никогда не встречала. Какому животному они принадлежали – оставалось только гадать. Но пугало то, что следы эти очень уж походили на человеческие, хотя и был ряд отличий, которые доказывали, что здесь побывали явно не люди.

Страшное подозрение, словно назойливая муха, вилось вокруг Соланы, и как она не пыталась от него отмахнуться – ничего не выходило. Это казалось невозможным, но другого объяснения девушка не находила. Это были следы гоблинов...

Этих созданий, во множестве обитающих на Симмерских болотах, никогда не видели в здешних краях. Да что там в здешних – даже в окрестностях Мёртвой рощи их отродясь не бывало. Гоблины обитали куда южнее, и это знал каждый. Но теперь выходило, что что-то изменилось. Если зло Проклятого озера становилось сильнее, то оно, вероятно, могло погнать своих гоблинов дальше, в обжитые людьми земли.

Как только Солана подумала о подобной возможности, она тут же резко распрямилась, скинув лук. Ещё доля мгновения – и стрела легла на тетиву. Девушка напряжённо вслушивалась, но не слышала ничего необычного. Привычные звуки нерастревоженного леса. Если это действительно были гоблины, то они уже убрались. Но куда?

Того, что твари нападут на её родную деревню, Солана пока что не опасалась. До неё далеко, да и, насколько она слышала, гоблины не так страшны и нападают только большими стаями, чаще всего на одиночек. А здесь побывало, самое большее, десяток, быть может – дюжина. Пока что охотницу больше тревожил не сам факт их пребывания здесь, а причина, его вызвавшая. Потому что если зло Симмерских болот будет расползаться, людям придётся уйти с насиженных мест.

Любой другой на месте Соланы, скорее всего, опрометью бросился бы обратно в деревню, предрекая землякам грядущие ужасы и беды, но девушка испытывала сейчас совсем другие чувства. Её безумно тянуло дальше к югу – посмотреть, что же там изменилось. Это было похоже на физический зуд, сопротивляться которому было очень сложно. Матушка, покуда была жива, всегда говорила, что любопытство доведёт Солану до беды, но девчонке всё было как о стенку горох. Даже напротив – с годами её любознательность лишь росла.

Гоблины, хотя и были животными, но в плане осторожности были ближе к людям. Они шли, не таясь, не путая следов; напротив – за ними оставались надломленные ветви, сбитые шляпки грибов, притоптанная трава. Даже десятилетний сопляк из их деревушки вполне мог бы идти за ними, не сбиваясь. А уж для лучшей охотницы это и вовсе было плёвым делом. Поэтому Солана, не задумываясь, двинулась по свежему следу.

Поначалу гоблины двигались куда-то северо-западнее, но вскоре изменили курс. Вообще в их движении девушка не могла пока заметить никакого смысла. Они явно не охотились, никого не выслеживали. Они могли с полмили идти на запад, а затем вдруг резко поворачивали на север, чтобы через пару сотен ярдов вдруг двинуться на юг. То ли они что-то выискивали, то ли заблудились, то ли это просто было в привычках этих странных тварей.

Солана была уверена, что нагонит стаю – судя по всему, гоблины двигались не так чтобы быстро. Более того, она несколько раз натыкалась то на разрытую барсучью нору, то на злобно жужжащее, всё ещё не успокоившееся после внезапного набега пчелиное дупло, то на разорённый малинник. Чем дальше она шла по следу стаи, тем больше ненавидела этих мерзких животных. По степени своей бессмысленной жестокости и варварскому отношению ко всему живому они вполне могли соперничать с людьми.

Начиная с какого-то времени, гоблины вдруг начали двигаться почти строго на северо-восток, причём их странные блуждания прекратились. Теперь они шли словно по невидимой ниточке, не останавливаясь, и заметно ускорившись. Погоня вдруг стала превращаться в затяжную – если ещё час назад казалось, что Солана вот-вот настигнет цель, то теперь она, кажется, стала всё больше отставать.

Это ещё больше подзадорило девушку. Прямо на ходу она подкрепилась сухарями и вялым мясом. С водой дело обстояло проще – ручьёв здесь было предостаточно. Однако даже двужильная бегунья вроде Соланы уже понемногу начинала уставать. Держать темп становилось всё сложнее – за этот день она уже набегала с десятков миль, при этом почти не отдыхая.

Вероятно, уже не так далеко оставалось до Мёртвой рощи – здесь лес заметно редел, всё чаще попадались топи. Гоблины вели Солану местами, где ей не приходилось бывать раньше, однако она несколько не беспокоилась по поводу того, сможет ли найти обратный путь. Она почти машинально отмечала малейшие ориентиры, что помогут ей вернуться назад.

Всё более тяжкое ощущение того, что кто-то пристально следит за ней, уже некоторое время преследовало девушку. Причём это не было похоже на то, словно за нею кто-то крадёт, неотступно глядя в спину. Нет, это было скорее чьё-то присутствие, которое ощущалось постоянно. Солана чувствовала себя жучком, за которым наблюдает человек, ещё не решивший – прихлопнуть его или посмотреть, что будет дальше. И, так же как этот жучок, девушка страшно боялась этого неведомого наблюдателя – не потому, что он нёс непосредственную угрозу, а просто потому, что он был слишком велик и непонятен.

Большой охотничий нож уже несколько часов не покидал руки Соланы. Пока всё было тихо и спокойно, но предчувствие говорило, что оружие лучше не убирать. След гоблинов привёл охотницу к логу, поросшему кустарником и деревцами. Он, след, уходил прямо туда, в этот овраг. Все инстинкты Соланы вопили сейчас о том, что нужно разворачиваться, нужно бежать как можно дальше, не оглядываясь. И уж конечно – не лезть туда, куда вёл такой вызывающе ясный след.

Но какое-то странное чувство внутри – любопытство, смешанное с чем-то, похожим на нетерпение, предвкушение какого-то приятного сюрприза, какое-то в буквальном смысле физическое возбуждение тянули Солану дальше. Она словно стояла возле запертой двери, за которой находилась странная волшебная страна, и сейчас сердце её замирало одновременно и от ужаса, и от желания открыть эту дверь.

Солана не была бы Соланой, если бы она повернула назад. Постояв пару минут, собираясь с духом, она наконец выдохнула, взяла нож в зубы, вновь сняв с плеча лук. Натянув тетиву, готовая в любую секунду спустить стрелу, девушка медленно, на полусогнутых ногах, двинулась дальше.

Лог был неглубок – едва ли десять-двенадцать футов в глубину, но по краям обильно порос ещё довольно молодыми лиственными деревьями. Идеальное место для засады – подумалось Солане. Если тот, кто наблюдает за ней, решит атаковать – лучшего места не придумать.

Но против всякой логики эта мысль, вместо того чтобы охладить пыл девушки, заставить её отступить, лишь заставила сердце стучать ещё быстрее, и залила щёки румянцем странного, непонятного возбуждения.

Внезапно след гоблинов растворился. Солана поняла, что её целенаправленно вели в ловушку. Оказывается, эти бестии умеют двигаться, не оставляя следов. Значит, это был хорошо разыгранный спектакль? Её ловили на живца? Или не её, а она попала в этот силоч случайно?.. Так или иначе, но хорошего было мало. Охотница буквально кожей чувствовала, что проклятые твари где-то здесь, готовые напасть. Дело плохо, очень плохо...

Солана затравленно огляделась по сторонам. Хотелось, чтобы здесь был хороший такой старый дуб в шесть обхватов, чтобы прислониться к нему спиной. Но ничего подобного не было. Хуже того, вдруг исчезло то самое возбуждение, что завело её сюда, уступив место вполне понятной щемящей тоске. Цепкий взгляд охотницы скользил по густо поросшим листьями ветвям окружающих деревьев, но не находил ничего подозрительного. Кроме одного – было слишком уж тихо. Обычно подобные небольшие рощицы полудеревьев-полукустарников кишат пернатой мелочью, которая только и делает, что шумит на все свои птичьи голоса по любому поводу. Здесь же не было ни одной самой заваливающей пташки, и мёртвую тишину разбавлял разве что тихий шелест ветра в листве, да лёгкий гул насекомых.

Но как бы хорошо гоблины ни умели прятаться, они всё-таки не умели бесшумно нападать. Повернувшись всем телом на лёгкий шум, Солана заметила серую тень в листве. Быстрее, чем она успела даже подумать, звякнула тетива, выпуская стрелу на волю. Раздался звук, похожий на визг раненой дворняги, и гоблин, ломая ветки, рухнул наземь.

С быстротой молнии рука рванула из колчана следующую стрелу. На этот раз целей было слишком много – сразу с полдюжины гоблинов проворно спускались с деревьев вниз, так что девушка, метко послав ещё одну стрелу, отбросила лук и схватила нож, который она так и держала в зубах.

Гоблины оказались невелики ростом – едва ли выше десятилетнего мальчишки и тщедушные на вид, но ощерившиеся рты их были полны острых зубов, а в руках они держали крепкие дубинки. Не дожидаясь, пока её возьмут в кольцо, Солана бросилась к ближайшей твари и, не дав ей даже спрыгнуть на землю, пырнула ножом, распоров весь бок от пояса до подмышки. Удар вряд ли был смертельным, но гоблин, визжа, рухнул вниз и стал отползать подальше.

Тем временем сразу трое гоблинов, соскочив, стали медленно приближаться к девушке, рыча то ли от ярости, то ли от страха. Было видно, что они владеют дубинками не очень-то ловко, словно это оружие было для них непривычно. Солана сделала несколько резких взмахов ножом, со свистом рассекая воздух, и все трое немедленно отступили, прижав к голове уши.

Уверенность стала возвращаться к Солане. Судя по всему, справиться с десятком гоблинов она сможет без труда. Трое уже выведены из игры, остальные тоже не слишком-то активны. Лук лежал неподалёку, поэтому она, одним прыжком оказавшись рядом, подхватила его, перехватив примерно по центру. Конечно, в качестве наступательного оружия он не годился, но обороняться от гоблинских дубинок – запросто!

Теперь, вооружённая лучше, она сама бросилась в атаку. Легко отразив вялые удары дубинками, она сама нанесла два гораздо более смертоносных удара.

В итоге всё оказалось куда проще, чем она опасалась сначала. Не прошло и пяти минут, как в логе осталась лишь она, да одиннадцать мёртвых гоблинов (девушка без всякого сожаления добила нескольких жалобно повизгивающих раненых). Она не получила не то что ни одной раны, но даже ни единого ушиба.

Отерев лезвие ножа пучками травы и листьев, Солана, не забыв аккуратно вырезать стрелы, побрела назад, чтобы выбраться из оврага. Вместо бывшего чувства почти радостного предвкушения теперь была лишь пустота. Конечно, любой другой на её месте наверняка радо-

вался бы столь славной победе. Тот же Бэйри, её средний брат-зазнайка, наверняка бы отрезал несколько пар гоблинских ушей или пальцев, чтобы потом хвастаться перед другими охотниками или пугать деревенскую детвору. Солана же просто плелась назад, с чувством всё растущего разочарования в груди...

Что ж... Тому, кто, возможно, всё это время наблюдал за Соланой, всё-таки удалось сделать ей сюрприз. Едва девушка поднялась по пологому склону лога настолько, чтобы видеть творящееся наверху, её прошиб холодный пот. Не меньше сотни гоблинов стояли в паре десятков шагов от неё, не издавая ни единого звука. В их руках были не только дубинки, но и длинные деревянные рогатины, а также камни, которые незамедлительно полетели в оторопевшую Солану.

Девушка пыталась заслонить голову рукой, но несколько камней всё же попали в цель – один ударил в щёку прямо под глазом, другой – в лоб, а ещё один чиркнул по черепу. В глазах тут же всё поплыло, но Солана устояла на ногах.

Выхватив нож, она, насколько могла быстро бросилась в атаку, понимая, что шансов у неё нет. Её встретил новый град камней, некоторые из которых также попадали в цель. Один очень болезненно ударил чуть ниже колена, так что нога девушки подломилась, и она рухнула с воплем боли и ярости. На неё тут же набросились гоблины, от души угощая ударами дубин и рогатин.

Солана боролась до последнего. Она пару раз пыталась подняться на ноги, но удалось разве что встать на четвереньки. А затем на затылок ей обрушился очередной мощный удар, после которого наступила тьма.

***

Солана очнулась и почувствовала, что её куда-то несут. Поскольку голова была запрокинута, она, приоткрыв глаза, увидела, что несут её на каком-то подобии носилок всё те же гоблины. Резко вскочив, девушка попыталась ударить ближайшую к ней тварь, однако моментально почувствовала жестокую тошноту, поэтому ничего путного из её попытки не вышло. А уже через несколько секунд очередной удар по голове вновь отправил её в забытье...

Глава 9. Руны

Солана кое-как приоткрыла глаза, но светлее от этого не стало. Вокруг по-прежнему царила крошечная мгла. Чувствовалась страшная ломота во всём теле, понемногу нарастала пульсирующая боль в голове. Окружающая девушку чёрная тишина почему-то резко пахла тиной и стоячей водой, что усугубляло охватившую Солану дурноту.

Где она, и где гоблины? – подумалось девушке. Неужели они бросили её у одного из сотен болотцев, коих так много в здешних краях? Но почему же, дьяволы раздери, ничегошеньки не видно? Если сейчас ночь, то где звезды и луна, которая лишь дня три назад начала убывать? Неужели она в пещере? Вообще говоря, на это очень даже похоже. Значит, мелкие поганцы затащили её в своё логово и почему-то бросили до поры. Что ж, тем хуже для них! Солана не из тех людей, что просят второго шанса!

Несмотря на то, что тошнота скручивала внутренности в узлы (не иначе, как заполучила приличное сотрясение мозга!), а голова уже раскалывалась от боли, пленница тут же сделала попытку сесть, пытаясь опереться о землю рукой. Каково же было её удивление, когда из этого ничего не вышло! Её рука ушла назад, не встретив на пути никакого препятствия. Более того, стоило девушке приподнять голову, как она окунулась в холодную воду. Вскрикнув от неожиданности, Солана закашлялась попавшей в рот водой.

После первых секунд шока пришло нереальное, но единственное объяснение происходящего. Солана висела над поверхностью воды, в каких-нибудь трёх-четырёх дюймах от неё, но при этом тело не ощущало этого, пребывая в твёрдой уверенности, что оно лежит на поверхности земли лицом вверх. Более того, даже законы природы не спешили развеять эту иллюзию – капли воды ползли по лицу вверх, а не вниз, к поверхности озера.

Страшный ответ на невысказанный вопрос пришёл сам собою.

– Проклятое озеро! – с ужасом прошептала Солана.

– Можно сказать и так, – раздался голос непонятно откуда, словно прямо из её черепной коробки. – Но вообще я – Симмер.

У девушки от ужаса отнялся не только язык, но и сама способность мыслить. Она молчала, глядя в темноту расширенными глазами, а рот её издавал лишь нечто похожее на придушенные всхлипы.

– Не думал, что ты настолько испугаешься! – насмешливо проговорил голос. – Мне казалось, ты храбрее. Может статься, такая ты мне и не нужна...

– Нужна для чего? – кое-как выдавила Солана. Если этот демон говорит, что она ему зачем-то нужна, значит, вряд ли собирается убить сразу же.

– А, хорошо! – удовлетворённо произнёс голос. – Вот это уже больше похоже на то, что мне требуется. Но прежде всего, Солана, знаешь ли ты, кто я?

– Н-нет...

– Знающие люди зовут меня Симмером. Они дали мне определения «магическая сущность», «аномалия», «демон»... Но кто они такие, чтобы давать мне какие-либо определения? Ведь я пребывал в этом мире задолго до того, как тут появились первые представители разумных рас, и буду пребывать после того, как последние из них исчезнут. Я – древняя сила этого мира, и зовут меня Симмер!

– Я не знаю, что приличествует говорить в подобных случаях... – растерянно произнесла Солана.

– Тебе нет нужды говорить. Сейчас довольно будет лишь слушать. Я знаю, что ты – не обычная поселянка, годная лишь на вынашивание детей да стирку. И я хочу предложить тебе сделку. Я могу сделать тебя великой воительницей и колдуньей. Что скажешь на это?

– Но... – связные слова потерялись в потоке мыслей, так что Солана вновь лишь впустую раскрывала рот. – Но... Как?.. Что?.. И... Зачем?.. – последний вопрос прозвучал особенно жалко.

– Кажется, я в тебе ошибся, – холодно произнёс голос. – По всему видно, что ты довольно тупа, а тупые мне ни к чему.

– Я вовсе не так тупа, как вам показалось, – робко возразила Солана. Язык всё ещё прилипал к нёбу, но сейчас важно было исправить первое впечатление, потому что то, что ждало её в противном случае, девушка даже боялась представить. – Однако я впервые сталкиваюсь с подобным, поэтому мне простительно испугаться. Я хотела спросить – что за сделка, которую вы мне предлагаете?

– Я уже сказал – я сделаю тебя великой воительницей, предводительницей целой армии, а также – сильной колдуньей. Ты станешь моей посредницей.

– Посредницей? В чём?

– В переговорах с Герцогиней Чёрной Башни, – ответил Симмер.

– Герцогиней?.. – сердце Соланы вновь скакнуло, словно попавшая в силок лань. – Вы хотите отправить меня к Герцогине?.. Но станет ли она говорить с простой деревенской девкой?

– Нет, и именно поэтому я сделаю из тебя ту, к которой Герцогиня обязательно прислушается.

– Но как? Что со мною станет? – с нотками паники спросила Солана.

– Я изменю твою душу так, что тебе откроется мир магии. Я научу тебя повелевать ею. Я сделаю тебя очень сильной волшебницей. Что же касается роли воительницы, то, если я в тебе не ошибся, с этим ты прекрасно справишься и сама.

– Но что будет с моей душой? – стуча зубами от ужаса, пролепетала Солана. – Что значит – измените душу?

– Ты наверняка слышала о Двенадцати Герцогах Гурра, – не спрашивая, а утверждая проговорил Симмер. – Так вот когда-то давным-давно они были лиррами. Но в один прекрасный день Драонн и Бараканд, о которых ты узнаешь позже, изменили их души, сделав теми, кто они есть сейчас.

– Так я стану таким же чудовищем? – вскричала девушка.

– Нет, – терпеливо ответил Симмер. – Душу человека, в отличие от души лирры, не нужно ломать и калечить – не нужно превращать её в демона для того, чтобы ей стала доступна магия. Ты останешься собой, только станешь ещё сильнее, ещё лучше. И твоя память, твоя личность останутся при тебе. Двенадцать – не более чем марионетки в руках их властелина. У них нет свободы выбора, у них нет собственной воли. Они невероятно могущественны, но при этом не могут сделать ничего без приказа Гурра. Ты же так и останешься Соланой... Если захочешь, конечно.

– Что значит – если захочу? Почему я не должна этого захотеть?

– Потому что быть той, кто ты есть сейчас – отвратительно. И ты поймёшь это, как только получишь власть и могущество. Но я оставлю тебе полную свободу воли. Если ты захочешь оставаться вшивой поселянкой и дальше – воля твоя.

– Но вы сказали, что хотите заключить сделку, – осторожно проговорила Солана. – Что вам потребуется от меня взамен?

– Я уже сказал – стать моей посредницей. Тебе нужно будет убедить Чёрную Герцогиню объединиться со мной. Видишь, я не скрываю от тебя даже этого – ты не цель моя, а лишь инструмент. Но и этого может быть довольно, чтобы твоя жизнь превратилась в одну из тех сказок, которые ты так любила в детстве.

– Но почему именно я? – удивлённо спросила Солана. – Если вам нужна волшебница и воительница – почему бы было сразу не найти таковую?

– Ты часто видела таких в окрестностях моего озера? – саркастически спросил Симмер. – Увы, пока мне приходится работать с тем, что есть под рукой. Вот если удастся договориться с Чёрной Герцогиней – тогда всё изменится. Но я думаю, что при должном старании из тебя можно будет сковать отличное оружие. Итак, я рассказал тебе всё, и теперь тебе надлежит сделать выбор.

– Но если я откажусь – вы ведь меня убьёте?..

– Я – нет. Но мои гоблины быстро поймут, что ты мне больше неинтересна.

– Значит, у меня нет выбора...

– У тебя *есть*, и всегда будет выбор, – с нажимом сказал Симмер. – И в этом ты будешь отличаться от Двенадцати. Если ты согласишься – это будет твой выбор. Если откажешься – тоже твой. И он у тебя есть, наравне с первым, пусть и является очевидной глупостью.

– Я не откажусь... – проговорила Солана.

Девушка и сама не могла понять, чего больше в этом согласии – страха перед таинственным существом, держащим в своих руках её жизнь, или же желания стать такой, как описывал Симмер. Она не привыкла себе лгать, поэтому и сейчас признала, что её очень заинтересовали слова демона о власти и могуществе. Разве не мечтала она об этом всю свою жизнь? Разве не хотела вырваться из сельской рутины, опоясаться мечом и двинуться навстречу славе и приключениям? Судя по всему, всё это ей предстоит с избытком. Одна лишь встреча с Чёрной Герцогиней – чем не приключение?

По мере того как она размышляла, уже знакомое возбуждение всё больше охватывало её. Решено! Можно забыть как страшный сон и постылую деревню, и неделями нечёсанных женихов, и всю эту адскую домашнюю работу. Она, простая деревенская девушка Солана, отныне будет на короткой ноге с такими великими мира сего как Симмер, Чёрная Герцогиня... Может быть однажды и его королевское величество Матониус Второй согнёт свою гордую спину перед нею!

– Вот это хорошо! – воскликнул Симмер. – Молодец, девочка! Такой ты мне нравишься гораздо больше! А теперь – спи... Поговорим, когда станешь иной...

***

На сей раз возвращение из забытья было совершенно иным. Никакой темноты – огромный, роскошный зал был залит светом сотен, а то и тысяч свечей. Повсюду – золото, драгоценные ткани, удивительная резьба и множество зеркал. Солана восседала на жёстком металлическом троне – по виду словно отлитому из чистого золота. На ней был надет довольно странный наряд – штаны и камзол были явно немужского покроя, крайне выгодно подчёркивая все изгибы юного стройного тела.

Кожу ласкала рубашка из тончайшей белой ткани, настолько прозрачной, что Солана восхвалила богов за то, что камзол наглухо застёгнут почти до самого верха. Изящные сапоги, плотно облегающие ногу до самого колена, словно были отлиты из какого-то восхитительного сияющего металла – так тщательно они были начищены и отлакированы. Девушка была уверена, что всё это – вещи явно женского гардероба, хотя до сих пор даже представить себе не могла, что где-то женщины могут ходить в подобной, почти мужской одежде.

Восхищение собственным внешним видом было столь велико, что поначалу Солана даже не слишком обратила внимание на убранство зала. Затем она, вскочив, бросилась к ближайшему зеркалу, чтобы получше рассмотреть себя. И осталась более чем довольна увиденным. Элегантные чёрные одежды неожиданно отлично гармонировали с её тёмными волосами, очень просто уложенными, но от этого кажущимися ещё роскошней. Стройность фигуры, которую ещё не испортил тяжкий труд и вечные беременности, могла бы вызвать завистливое восхищение многих придворных дам Латиона. Солана была не особенно высока, но благодаря гармоничным пропорциям тела не казалась низкой.

– Нравится? – неожиданно раздался голос Симмера, но девушка даже не вздрогнула.

– Восхитительно! – едва ли не простонала она в ответ. – Я никогда не выглядела так великолепно!

– Рад за тебя, но вообще-то я спрашивал не об этом, – с лёгкой насмешкой в голосе произнёс Симмер. – Каково это – почувствовать себя волшебницей?

На секунду Солана застыла, словно пытаясь прислушаться к себе. И действительно она вдруг ощутила внутри себя нечто новое. Она не могла бы описать это чувство, но оно было таким сладостным, что вызывало неудержимый восторг, почти эйфорию. Возможно, так чувствовал бы себя человек, которого шестнадцать лет продержали в тесном ящике, не давая распрямить рук и ног, а затем вдруг выпустили на волю. Ощущение обрётённой свободы было столь велико, что девушке показалось, будто она в прямом смысле слова воспаряет над паркетным полом.

– Это божественно!.. – хриплым от наслаждения голосом проговорила она.

– Я так и думал. Конечно, пока ещё ты не умеешь управлять этим даром, но вскоре я тебя научу. У нас не так много времени, вскоре тебе придётся выступить во главе моей армии.

– Армии? – Солане очень не хотелось говорить сейчас о делах, но она чётко понимала, кто здесь задаёт тон. – Какой армии? У тебя есть солдаты?

– А ты разве не заметила? У меня – огромное множество солдат.

– Гоблины? – презрительно скривилась Солана, но тут же вновь придала лицу спокойной выражение, заметив в зеркале, что подобная гримаска её не красит. – Разве это воины? Разве я смогу с этой армией противостоять войскам Латиона и Палатия?

– Вполне, – как ни в чём не бывало ответил Симмер. – И даже очень успешно.

– Они слабы, словно дети, – продолжала Солана, внутренне ожидая, что Симмер сейчас рассмеётся и признается, что лишь пошутил. – И к тому же совершенно не умеют владеть оружием. Я одна, не слишком напрягаясь, уничтожила десяток. Уверена, что уничтожила бы и вдвое большее число.

– А вдесятеро? – немедленно спросил Симмер.

– Гм... – Солана чуть было не воскликнула, что справилась бы и с сотней, но, как обычно, не захотела лгать самой себе.

– Вот именно, – удовлетворённо заключил Симмер. – Поэтому моя армия хороша числом, а не умением. Можешь примерно представить, какую силу могут выставить против тебя терзаемые сразу двумя войнами палатийцы? Пять тысяч? Десять? Сомневаюсь, что они наскребут столько. А под твоим началом будет восемьдесят, а то и девяносто тысяч гоблинов. Не всякая армия устоит перед таким количеством. Кроме того, гоблины будут слепо тебе повиноваться. У них, в отличие от солдат, нет свободной воли, они не могут обсуждать приказы, дезертировать, уклоняться. Если они получают чёткий приказ, и если твой контроль над ними будет достаточно силён, то они сделают то, что должны, даже если при этом погибнут. Им можно повелеть прыгать в ров, чтобы засыпать его своими телами, бросаться на копья, в огонь и воду – они сделают всё, если воля твоя будет сильна. Ещё одно существенное преимущество гоблинов – их не жаль. Ты можешь без всякого сожаления гнать их на верную гибель, разминивать хоть сотню за одного, если это поможет тебе приблизиться к цели. В конечном итоге важно лишь, чтобы ты встретила с Герцогиней, а судьба этих животных меня совершенно не волнует. Симмерские болота кишат гоблинами. Если сдохнут эти – всегда наплодятся новые.

– Хорошо, убедил, – медленно кивнула Солана. Она даже не заметила, что после очередного пробуждения говорит с Симмером на «ты». – Значит, мне нужно будет напасть на Палатий с армией гоблинов, чтобы добраться до Чёрной Герцогини? А почему бы мне просто не отправиться туда одной, не привлекая внимания? Зачем непременно нужно идти на них войной?

– Во-первых, Герцогине нужно показать мою силу, – проговорил Симмер. – Она знает себе цену, так что нужно продемонстрировать, что и моя цена не ниже. В прошлый раз мы с

ней не сумели договориться... – раздражение прорезалось в голосе демона. – В этот раз всё должно быть выверено до мелочей. Во-вторых, отправлять тебя одну довольно опасно. Множество случайностей может произойти с тобой в дороге, когда ты отойдёшь достаточно от моего озера. В-третьих, возможно, тебе постараются помешать.

– Кто же? Палатийцы или латионцы?

– Ни те, ни другие. Я сейчас говорю о Бараканде и его марионетке Гурре. Этот старый прохиндей начал свою игру. Баланс сил меняется. Бараканд уже воспользовался этим. Ты ещё не в курсе, но он уже пару недель как высадил свои войска на западе. Скоро там грянет большая война, целью которой будет как раз союз с Чёрной Герцогиней. Я должен успеть первым, но подозреваю, что Бараканд сделает всё, чтобы мне помешать.

– Так мне придётся воевать с армией Гурра? – неприятно удивилась Солана.

– Это вероятно, – не стал лукавить Симмер. – Именно поэтому я наделил тебя магией. Не удивлюсь, если тебе придётся схлестнуться с кем-то из Двенадцати.

– Неужели я сумею с ними справиться? – обмирая от внезапного страха, спросила девушка.

– У тебя не будет выбора, если захочешь остаться в живых, хотя, к сожалению, времени на твоё обучение у меня крайне мало. Не далее как к концу лета ты должна будешь выступить в поход.

– Ну, значит время ещё есть... – хоть какое-то облегчение. – Ещё ведь даже арионн¹³ не кончился...

– Уже жаркий перевалил за половину! – возразил Симмер, заставив Солану раскрыть рот от изумления. – Ты довольно долго спала, девочка.

– Так у меня остался месяц? – потрясённо спросила Солана.

– Едва ли больше, – подтвердил Симмер. – Сама видишь – бездельничать тебе не придётся.

– Я готова приступить хоть сейчас! – действительно, новоявленной волшебнице не терпелось научиться использовать обрётённую силу.

– Это хорошо. Но прежде ты должна принять кое-что.

Внезапно прямо в воздухе перед Соланой возник металлический обруч. По фиолетовому отливу девушка сразу же узнала материал, хотя никогда прежде его не видела. Это был мангил – знаменитый магический металл, который стоил во много раз дороже золота. На поверхности обруча была вытравлены причудливые руны.

– Ты должна надеть это себе на шею и не снимать ни при каких обстоятельствах. Этот обруч позволит тебе повелевать гоблинами, находящимися в окрестности нескольких миль от тебя. Кроме того, он позволит мне чувствовать тебя, а также связываться с тобой при необходимости.

– То есть, это ошейник, чтобы ты мог держать меня на поводке? – усмехнулась Солана, однако же, не колеблясь, взяла обруч, всё ещё висящий в воздухе, и обхватила им свою тонкую шею, почувствовав шершавый холод металла.

– Нет, – возразил Симмер. – В качестве поводка у меня будет это...

Острая жгучая боль укусила Солану в правое предплечье. Вскрикнув, девушка поспешно засучила рукав, чтобы понять, что с ней случилось, и увидела свежий рубец на загорелой коже, словно от ожога. Рубец этот тоже был необычным – ещё одна руна, навсегда въевшаяся в плоть.

– Эта руна даст понять любому, кто сможет её прочесть, что ты – моя собственность. Главное, чтобы это увидела Герцогиня. Но я также хочу, чтобы ты знала, что в случае твоего неповиновения эта руна уничтожит тебя в считанные минуты. Ты погибнешь в жутких муках, если только мне покажется, что ты предала меня. Надеюсь, ты поняла?

---

¹³ Арионн – один из месяцев календаря Паэтты. Соответствует нашему маю.

– Поняла... – слёзы боли стояли в глазах Соланы, но ни обиды, ни унижения она не ощущала. На месте Симмера она поступила бы так же.

– И последнее. Поскольку ты – не природный маг, и не совершенствовала своё искусство десятилетиями, мне нужно будет нанести ещё несколько рун на твоё тело, которые позволят тебе чётче концентрироваться на *возмущении*, а также обезопасят тебя от возможных негативных последствий такого искусственного магического обращения. На этот раз будет почти не больно.

Однако было больно. Солане обожгло плечи, грудь, спину. Позже, когда она получила возможность осмотреть себя, то насчитала с дюжину рун, которые подобно тонким переплетающимся шрамам исчертили её тело. Несмотря на то, что руны эти явно испортили внешний вид девушки, она не слишком-то переживала на сей счёт, справедливо полагая, что будущей колдунье и воительнице совсем ни к чему иметь нежную розовую кожу и идеальную грудь. Если эти знаки помогут ей стать сильнее – то пусть они будут хоть на лице!

– Теперь ты готова, Солана-воительница! – провозгласил Симмер. – Сейчас ты вновь уснёшь, а когда проснёшься – мы начнём твоё обучение.

Глава 10. Предводительница гоблинов

Началось обучение Соланы. Происходило оно в разных местах: чаще всего – на какой-то холмистой равнине, иногда – на берегу озера или в лесу. Однако Солана была уже достаточно искушена в общении с Симмером, чтобы понять, что ничто из этого не было настоящим. Она ни разу не спросила об этом самого демона, но в ней крепла уверенность, что в данный момент она пребывает в каком-то мире грёз, созданном Симмером. Где в данный момент находилось её тело – девушка не имела ни малейшего понятия. Но на этом этапе подобные нюансы её нисколько не смущали.

Вскоре Солана поняла, какие ураганы мощи бушуют внутри неё. Кем бы ни был Симмер, но дело своё он знал – ему действительно удалось создать из неё очень сильную волшебницу. Но также скоро девушка поняла и то, что обладать магией и распоряжаться ею – совсем не одно и то же. Она терпела одну неудачу за другой. Ей с трудом давались самые банальные огнешары, которыми развлекаются ученики магов в первый год обучения.

И дело было вовсе не в том, что Солана была нерадива или тупа. Скорее наоборот – она была излишне ревностна в попытках постичь эту таинственную науку, излишне импульсивна и нетерпелива. Именно поэтому ей с трудом удавалось сосредотачиваться на *возмущении*. Сейчас это самое *возмущение* представлялось юной волшебнице водой, которую она тшится зачерпнуть горстью, но которая тут же просачивается сквозь пальцы. А ей хотелось, конечно, чтобы вместо этой воды был хотя бы снег – мокрый и тяжёлый.

Несмотря на почтенный возраст, Симмер оказался не самым терпимым учителем. Его откровенно нервировали нелепые попытки Соланы, но её отрывистость, излишний напор и нетерпеливость приводили его в полное бешенство. Он ревел, словно разъярённый бык, грозя ничьёй ученице всеми возможными карами. Однако Солана с некоторого времени совершенно перестала бояться Симмера. Нет, её, конечно же, иногда действительно пугали эти вспышки ярости, но перманентного суеверного ужаса она больше не испытывала.

Симмер ни разу не являлся девушке в каком-либо материальном облике. Всегда это был лишь голос, звучащий то прямо из головы, то словно бы отовсюду, то будто бы где-то за спиной. Сначала это выбивало из колеи, но теперь Солана привыкла. У неё обрисовался свой собственный образ древней сущности – почему-то он поразительно смахивал на деда Куркуля. Может быть именно поэтому древний демон был ей не страшен. А может быть – это просыпалась в ней новая суть, которая уже никогда и ничего не боялась.

Но если Солана и не боялась Симмера, то злилась на него частенько. Конечно, отчасти это была злость и на саму себя: иногда девушке казалось, что она – полнейшая бездарность. Но в Симмере её выводили из себя его постоянные напоминания о её плебейском происхождении.

– Ты слишком грубо работаешь с *возмущением*, – толковывал ей Симмер. – Это всё равно, что штопать портки не иголкой, а арбалетным болтом.

Или:

– Это ты у себя на гумне могла часами с пастушатами кувыраться, а здесь у нас нет времени на отдых!

И ещё:

– Если бы твоя воля была столь же тверда, как кожа на твоих пятках, ты уже сейчас могла бы повергнуть любого из Двенадцати!

– Хватит! – резко осекла Симмера Солана, совершенно не думая, с кем она говорит. – Не смей меня больше попрекать происхождением! Теперь я не простолюдинка! Ещё немного, и я стану великой волшебницей!

– Только не забывай, кто сделал тебя такой, – насмешливо ответил демон. – Будь ты умнее, ты бы смекнула, что тот, кто даёт могущество другому, сам, очевидно, гораздо могу-

щественнее. Творение не станет выше творца, поэтому прикуси свой язык, покуда он ещё у тебя есть.

Однако чуткое ухо Соланы безошибочно слышало, что старому озеру нравится её ершистость, и что она пока делает всё правильно. Но в одном Симмер был прав бесспорно – быть той, кем ещё недавно была Солана, действительно отвратительно. Девушке хотелось думать, что та жизнь осталась где-то за чертой, которую уже не перейти обратно. «Я ни за что не вернусь туда!» – яростно стиснув зубы, шипела в такие моменты про себя Солана, и с удвоенной энергией возобновляла занятия, вызывая новую порцию негодования Симмера.

Вообще сложно описать сам процесс тренировок. Для работы с *возмущением* не очень-то подходят привычные слова, вроде «сделать», «подумать», даже «наколдовать». Единственное слово, которое хоть как-то было приближено к реальности – «сосредоточение». И вот с этим у Соланы были большие проблемы. Бывали дни, когда вся тренировка её заключалась в каком-нибудь пустом на первый взгляд занятии – следить взглядом за колышущимся колосом, вслушиваться в скрежещущий звук проползающего по листу жука, а то и просто сидеть с закрытыми глазами по четыре часа кряду. Такие тренировки бесили больше всего, но Солана, хотя и не упускала случая высказать всё, что она думает по этому поводу, тем не менее тщательно выполняла то, что ей приказывалось.

Огорчало, что пока что ей весьма редко выпадала возможность поворожить по-настоящему. Никаких превращений врага в камень, иссушения рек, никаких огненных ливней или левитации. Солана недоумевала – как можно научиться колдовать, когда толком и не колдуешь?

– Когда отец учил меня стрелять из лука, он не заставлял часами пялиться на остриё наконечника, а давал в руки лук и стрелы, и велел по два часа каждый день стрелять в мешок, набитый соломой, – ворчала она, в очередной раз пытаясь почувствовать момент отрыва капли, уже с четверть часа набухающей на низком шершавом потолке какого-то подвала, в котором она очутилась на этот раз.

Симмер удостоил эту тираду лишь насмешливым снисходительным молчанием. Раздражённо засопев, Солана замолчала, вновь пытаясь сосредоточиться на моменте отрыва. Ей казалось, что она чувствует эту воду, которая пребывает из пор известняка едва различимыми частицами, собираясь в итоге в жирную, вальяжно свисающую каплю, пока наконец земное притяжение не сорвёт её с влажного ложа.

Однако даже этого ощущения пока не хватало, чтобы поймать момент. Как не получилось ничего из попытки ловить с закрытыми глазами срывавшиеся с ветви яблоки. Вроде бы она чувствовала колебания ветви, лёгкий сухой щелчок надлома черенка, шорох воздуха, но рука раз за разом хватала воздух, пустоту, а яблоко с сочным стуком падало на землю.

– Почувствуй боль дерева, теряющего плод, – увещевал Симмер. – Сосредоточься на отчаянии яблока, которое не в силах больше держаться.

Увы, но для Соланы всё это было не более чем красивыми, но пустыми фразами. Иной раз глухое отчаяние охватывало девушку – она ощущала такую беспомощность, что хотелось закатить истерику и бросить всё, признавшись Симмеру, что она абсолютно бесперспективна. Но обычно в тот самый момент, когда слёзы уже готовы были брызнуть из глаз, она вдруг словно ощущала на себе насмешливый взгляд демона, и от этого её захлёстывала такая ярость, что она, до крови закусив губу, давала себе клятву, что скорее умрёт, чем сдастся...

Неожиданно для самой себя, спустя некоторое время Солана стала ловить себя на том, что Симмер смеётся и издевается всё реже, поскольку у неё наконец-то стало получаться. Не сказать, чтобы всё было ровно и легко, но прогресс чувствовала и она сама. Правда одновременно с этим она осознавала, что такими темпами на обучение у неё уйдёт никак не месяц – требовался хотя бы год такой же упорной работы. Однако года не было, и Симмер не уставал повторять об этом.

Теперь огнешары Соланы не взрывались в десяти футах от её лица, а брошенный на землю лук пусть с трудом, но приподнимался в воздух, а иногда даже прилетал ей точно в руку, хотя, сказать по правде, это получилось лишь раз или два. Однако великая сила, которой она была наделена по воле Симмера, понемногу стала подчиняться ей. Наверное, будь она природной волшебницей, всё это давалось бы куда проще и естественнее, но нужно было работать с тем, что есть, и брать, что дают.

– Но если я научусь делать всё это в *твоем* мире, – как-то спросила Солана, когда ей в очередной раз удалось сбить с курса летящий в неё камень (со стрелами пока ничего не получалось). – Как потом я буду применять это в реальном?

– Магию творит не твоё тело, и даже не твой разум, – ответил Симмер. – Её творит твой дух. Поэтому для тебя нет никакой разницы – как тренироваться. Поверь, всё, что ты можешь здесь, ты сможешь и там.

Солана приняла этот урок и продолжила свои изнурительные тренировки. Кстати, несмотря на то что она, судя по всему, пребывала в нереальном мире, боль и усталость от тренировок от этого не становились менее ощутимыми. В её теле ныла каждая мышца, каждый нерв, каждая жила – даже те, о существовании которых она и не подозревала. Теперь уже было легче, ибо она видела, что это нечеловеческое напряжение приносит свои плоды, пусть пока ещё довольно скудные, но со временем она надеялась приумножить их.

Время пролетело незаметно. Солана даже не знала – сколько дней прошло на самом деле. В этом мире дни иногда пролетали минутами, а иной раз минуты тянулись, словно дни. По сну тоже ничего нельзя было сказать определённо, потому что девушка привыкла урывать для сна каждое свободное мгновение, поскольку Симмер, вероятно, не слишком-то интересовался её физиологическими потребностями. Хорошо хоть есть было не нужно – вероятно, о её теле где-то там каким-то образом заботились, не давая умереть с голоду.

– Ну что же, – наконец произнёс однажды Симмер. – Ты ещё ничего не умеешь и ни к чему не готова, но время наше на исходе. На западе началось наступление Тондрона. Нам нужно спешить, пока они не добрались до Башни.

– Я никак не могу понять, – проговорила Солана, словно специально оттягивая время. – Зачем Гурру понадобилось высаживаться где-то на западном побережье, когда он мог спокойно плыть к северным островам, или где там обитает Чёрная Герцогиня?

– Я думаю, что встреча с Герцогиней – далеко не единственная цель Бараканда, – ответил Симмер. – Точнее, он не слишком-то верит в возможность этого альянса. Поэтому спешит использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу. Завихрения в *возмущении*, созданные Башней, дали ему возможность начать экспансию на Паэтту – этим он и занимается. Сейчас он думает, что ситуация складывается в его пользу – изменение самого рельефа *возмущения* порядком выбило из колеи многих местных магов, которым нужно заново принаравливаться, что всегда сложнее, чем осваивать с нуля. Барьер между Эллором и Паэттой пал, но никто не знает – надолго ли. Возможно, Башня исчезнет так же, как она появилась, и всё вернётся на круги своя. Поэтому Бараканд куёт железо, пока оно горячо. Он будет наступать, насколько у него хватит сил. Но это – наша земля, и мы должны сделать всё, чтобы не допустить оккупации Паэтты. Именно поэтому у нас в переговорах с Чёрной Герцогиней будет больше шансов, нежели у присных Бараканда. И именно поэтому нам нужна огромная армия – может быть, всё повернётся так, что сражаться мы будем не против палатийцев или латионцев, а бок о бок с ними и келлийцами против полчищ Тондрона.

– Признаюсь, этот расклад был бы для меня оптимальным, – не стала кривить душой Солана, которой перспектива войны, где она будет натравливать гоблинов на соотечественников, казалась малопривлекательной.

– Возможно всё, – туманно ответил Симмер. – Ну а теперь, пожалуй, пора бы тебе наконец проснуться...

***

На этот раз Солана действительно проснулась. Она ощутила это сразу же – теперь её опыта и умений хватало для того, чтобы отличить реальность от снов, навеванных Симмером. Девушка лежала неподалёку от берега озера на мягкой мшистой подстилке. Она была обнажена, поэтому руны, испещрившие её тело, сразу же бросились в глаза. Так же, как и невероятная худоба. Наверняка её как-то подкармливали всё это время, но может она держалась исключительно на мощи магии Симмера.

Порадовало, что она была чистой – больше всего Солана переживала, когда думала о предстоящем пробуждении, что проснётся с полными штанами собственного дерьма. Судя по всему, гоблины убрали за ней и обмывали. Девушка даже почувствовала нечто вроде благодарности к ним и волшебному озеру.

Встать оказалось довольно сложно – мышцы за такое время несколько атрофировались, да и недостаток пищи сказывался. Шатающейся походкой Солана подошла к кромке воды и посмотрела в непрозрачную чёрную гладь. Оттуда на неё взглянула незнакомка с осунувшимся лицом и горящими на нём чёрными глазами (хотя раньше глаза Соланы были серо-зелёного цвета). Эта девушка казалась намного старше Соланы и намного опаснее.

«Да уж, теперь никто не назовёт тебя сочной и аппетитной», – усмехнулась отражению девушка. Действительно, торчащие из-под кожи рёбра, резкие острые скулы, явно опавшая грудь, покрытая шрамами рун – вряд ли это возбудит теперь даже последнего деревенского неудачника. Да и дьяволы с ними! Солана и до этого не слишком-то интересовалась подобными вещами, а уж теперь ей и вовсе было плевать. Зато так она действительно похожа на волшебницу. Вот бы ещё ту одежду, что она носила во сне!

– А мне что – к Чёрной Герцогине голышом идти? – спросила вслух она, точно зная, что Симмер услышит и ответит.

– Твою одежду изорвали гоблины. Уж извини, но они не умеют развязывать шнурки.

– И что мне делать? Наколдовать себе новую одежду?

– У тебя не получится, – констатировал Симмер. – Материализующие заклятия – одни из самых сложных. Единицы магов способны на это.

– Но ты-то способен? – в голосе Соланы прозвучал вызов.

– Конечно способен. *Возмущение* – это тоже одно из состояний материи, так что искушённому мастеру ничего не стоит воссоздать из него что угодно. Но я этого не сделаю.

– Это ещё почему? – девушка одновременно и растерялась, и разозлилась.

– Это будет мой первый урок, – спокойно ответил демон. – Тебе нужно учиться рассчитывать на себя, а кроме того, я не хочу, чтобы у тебя создавалось ложное впечатление, что я стану исполнять каждую твою прихоть.

– Одежда – это не прихоть! – воскликнула Солана, сжимая кулаки.

– Вот и решай эту проблему.

– Значит, пойду голой! – всё-таки Солане было всего шестнадцать, и она, несмотря на то что стала могущественной колдуньей, всё равно в глубине души оставалась совсем ещё юной девушкой – обидчивой и вспыльчивой.

– Как хочешь, – равнодушно ответил Симмер. – Но учти, что там, в лесах и болотах, полным-полно комарья. Да и ночи уже довольно холодные.

– Ладно, сама разберусь, – буркнула задетая за живое Солана, которая пыталась вести себя максимально независимо, соответствовать своему статусу великой колдуньи, но пока что-то не очень получалось. И вот сейчас как-то совершенно некстати заурчал проснувшийся после долгой спячки желудок. – А еду мне тоже самой добывать?

– Неподалёку от того места, где ты лежала, валяется заяц. Если хочешь есть, можешь приготовить его. Тебе не впервой.

Солана молча проглотила новую обиду, вернулась к своему примитивному ложу и действительно вскоре отыскала тушку совсем недавно забитого зайца. К её радости, неподалёку аккуратно лежало её оружие – лук, колчан со стрелами и охотничий нож. Привычными движениями она в несколько мгновений облупила и выпотрошила животное. С хворостом также проблем не возникло, хотя он и был слегка сыроват. Верное огниво лежало тут же, рядом с оружием, но Солане захотелось испытать себя в *этом* мире.

В иллюзиях Симмера она уже свободно, не задумываясь, пускала огнешары, но здесь ведь была не иллюзия. Внезапно Солана ощутила удар паники – а вдруг ничего не выйдет? Вдруг она так и осталась деревенской охотницей, способной лишь метко бить из лука? Ладони моментально вспотели, да и на лбу выступила испарина. Дыхание участилось, и Солана ощутила острое желание бежать отсюда, забыть о своих мечтах, постараться снова жить привычной жизнью, лишь бы только не испытать того страшного разочарования, которое, возможно, ждало её вскорости.

Перебарывая себя, Солана приподняла трясущиеся руки, направив раскрытые ладони на сложенный для костра хворост. Закусив губу, стала ловить знакомые ощущения, пытаясь сосредоточиться на *возмущении*. Внезапно довольно крупный огнешар возник в нескольких дюймах от её ладоней и, резко набрав скорость, врезался в кучу сушняка, не подпалив, а лишь разметав её по сторонам. Раздался язвительный хохот Симмера – вероятно, его это обстоятельство действительно позабавило.

Солана сделалась пунцовой от ярости и стыда. Но эти чувства помогли отогнать неуверенность. Она, демоны вас побери, больше не какая-то вам деревенская дурочка! Она – настоящая волшебница! И второй огнешар вышел ровно таким, как нужно – он плавно спорхнул на хворост, моментально его воспламенив. Солана торжествуя обернулась к озеру. Симмер молчал, но она ощущала его одобрение каждой клеточкой кожи, и это было приятно.

– А могла бы я приготовить зайца только силой магии? – через некоторое время спросила Солана, когда дразнящий аромат жареного мяса начал сводить с ума, а слюна выделялась в таких количествах, что голодная девушка едва успевала её сплёвывать.

– Конечно могла бы, – тут же откликнулся Симмер. – Если бы понимала, что именно происходит с мясом, когда оно готовится. Точно так же, как человек может изготовить арбалет или меч, когда знает, как это сделать. Однако в твоём случае ничего не выйдет. Ты бы не смогла сделать лютню, даже будь у тебя дерево и конский волос для струн. Точно так же, как ты не сможешь излечить себя магией, если у тебя случится заворот кишок от жареного мяса, поскольку не понимаешь, как работает твой организм вообще и кишечник в частности.

– Мне предстоит всему этому научиться? – почти жалобно спросила Солана.

– Зачем? Невозможно превосходно знать всё. Добейся превосходства в чём-то одном, и этого будет более чем достаточно. Твоя стезя – война и разрушение. Работай именно над этим.

Наконец заяц был приготовлен, и Солана принялась за еду. Однако, как бы она ни была голодна, девушка ела осторожно, памятуя об упомянутом Симмером завороте кишок. Конечно, она не сомневалась, что в случае чего демон-озеро не даст ей пропасть, но зачем лишний раз демонстрировать ему свою беспомощность?

После обеда (или, скорее, завтрака) девушка неохотно поднялась, борясь с желанием растянуться на мягком мху. Нужно было что-то придумать с одеждой. К счастью, её полусапожки не имели завязок и шнурков, так что гоблинам хватило сноровки и ума стащить их, почти не повредив. Другая же одежда валялась рядом кучей грязного и изодранного едва ли не в клочья тряпья. Как следует изучив эту ветошь, Солана кое-как приспособила её остатки так, чтобы они могли прикрыть наготу, а также защитить от насекомых. К сожалению, именно куртке почему-то досталось больше всего, так что серьёзной защиты от холода она больше не представляла.

– Ну и где же моя армия? – кое-как одевшись, спросила девушка.

– А ты прислушайся, – ответил Симмер.

И действительно, когда Солана напрягла слух, то довольно быстро услышала в окружающей чаще странные звуки – что-то вроде приглушенных повизгиваний, твяканья, сдавленного рычания. Вероятно, Симмер подал какой-то сигнал гоблинам, чтобы они перестали таиться, потому что спустя несколько мгновений лес буквально взорвался от множества визгов, лая и улюлюканья. Судя по всему, тут находились тысячи и тысячи гоблинов.

– Здесь что-то около тридцати тысяч, – небрежно сказал Симмер. – Остальные будут присоединяться по ходу твоего продвижения к северу.

– Они все пойдут за мной? – оторопело спросила Солана – шум её будущих воинов буквально раздавил девушку.

– Если хватит твоей воли. Ошейник, что ты носишь – очень мощный артефакт. Его владелец, обладая определёнными достоинствами, способен управлять сотнями тысяч этих животных. В умелых руках он – грозное оружие, в руках бездарных – пустая железка.

– Но как я поведу всю эту армию через наши места? – вдруг спросила Солана.

Удивительно, но эта мысль впервые пришла ей в голову. Когда она представила, как полчища гоблинов сметают с лица земли её родную деревню, раздирают в клочья отца и дурёху-сестру – её чуть не вырвало недавно съеденным зайцем.

– Они уничтожат всё живое на своём пути... – глаза девушки наполнились слезами.

– Если воля твоя будет сильна, они умрут от голода, лёжа в шаге от пищи, коль ты запретишь им её брать, – проговорил Симмер. – Если ты будешь сильна, они не тронут никого и ничего. Здесь, в болотах, гоблины чаще всего питаются насекомыми, ягодами, кореньями и падалью. Могут ловить мышей или птиц, разорять гнезда. Они – не хищники. Если сможешь их удержать в узде, они не потопчут даже ваши поля. Но я бы остерег тебя от подобного малодушия. Тебе нужно спешить, поэтому если станешь чересчур миндальничать с теми, кто будет встречаться на твоём пути, рискуешь потерять всё. Попробуй найти баланс между необходимостью и неизбежностью.

– Я поняла, – скрипнула зубами Солана.

Мысленно она поклялась себе сделать всё возможное, чтобы не привнести ещё больше горя в их и так не избалованную богами землю. Она не станет сражаться с мирным населением, такими же несчастными колоннами как она. Если удастся, она совсем не будет воевать с людьми. Гурр и его создания – вот её главные враги. Герцогиня Чёрной Башни – вот её основная цель.

– Ну я пошла, – просто сказала Солана, закидывая верный лук на плечо.

К сожалению, тетива, которая так и осталась натянутой на лук с того самого дня, порядком отсырела, так что сейчас от неё вряд ли будет много толку. Как только представится возможность – нужно будет раздобыть новую.

– Ещё одно, – напутствовал её Симмер. – Всегда помни, что, несмотря на мощь, ты – очень слабая колдунья. В открытой схватке ты сейчас проиграешь даже ученику мага. Тренируйся всегда, когда будет такая возможность, но старайся не слишком-то уповать на магию. Кроме того, судя по всему, в радиусе нескольких миль вокруг Башни ты вообще не сможешь манипулировать *возмущением*.

– Его там нет? – удивлённо спросила Солана.

– Конечно есть, – казалось, Симмер сейчас презрительно фыркнет, словно поражаясь тупости своей ученицы. – В нашем мире не может не быть *возмущения*. Однако Башня способна менять его рельеф, что может сделать его недоступным для простых магов. Это как в твоём детстве мать вешала на верёвки белье. Она могла до них дотянуться, чтобы снять его, а ты – нет. Думаю, на таком примере тебе будет понятней.

– Да уж поняла, – поморщившись, бросила Солана, которую вновь задело напоминание Симмера о её происхождении.

– Ну тогда – удачи!

Вот и всё, что сказал ей Симмер на прощание. Насупившись, Солана зашагала к северу. Несколько шагов – и дебри поглотили её. Теперь она видела мелькающие среди стволов серые тени, которые сливались в ужасную реку. Реку, которая должна будет покориться её воле.

Как управлять этим огромным... войском (так и хотелось сказать «стадом») – Солана пока не представляла. Однако она была полна решимости сделать из них хотя бы подобие дисциплинированной армии, а значит – ей придётся научиться повелевать этими бесчисленными ордами. Но, вопреки всему, сейчас это не пугало, а скорее возбуждало Солану. Она с радостью готова была откликнуться на этот вызов. Отойдя от озера, она словно покинула колыбель, и сейчас каждый новый шаг давался ей всё увереннее предыдущего. С каждым шагом Солана-охотница отступала всё дальше в тень, а на передний план выступала Солана-воительница.

Глава 11. Перелом

Какое-то время после разгрома полчищ Тондрона ситуация на побережье залива Алиенти была безмятежной и даже прекрасной. Как только оплавившийся песок и скалы достаточно остыли, маги тут же послали солдат на поиски материалов для исследований. Их интересовали останки гомункулов, которые предстояло изучить как следует.

К сожалению, магический огонь поработал на славу, так что ничего сверхординарного узнать так и не удалось. Читатель, знакомый с предыдущей книгой, обратил бы внимание на отсутствие мангиловых ошейников, которые мы встречали на Ночных Бродягах прежде. Очевидно, что с изменением рельефа *возмущения* они стали не нужны. К сожалению, палатийские маги были не столь хорошо осведомлены о природе зловещих Ночных Бродяг, поэтому данную деталь они, естественно, упустили.

Радовало, что огонь оказался вполне эффективен против этих тварей, и что благодаря стараниям магов и алхимиков удалось создать рабочее средство для их истребления. Это позволяло надеяться на лёгкие победы в будущем.

Самое удивительное, что корабли Тондрона продолжали пребывать и дальше – всё так же размеренно и неторопливо, по два-четыре корабля в день. Они, вроде бы, совершенно бессистемно вставали на якорь всегда в разных местах, и начинали выгрузку относительно живого груза на побережье.

Однажды магам удалось поджечь корабль – один из них, невероятно удачливый, запустил мощный огнешар, усиленный контуром из полудесятка волшебников, и тот каким-то чудом попал в снасти. Тут же занялись паруса и ванты, однако выгрузка гомункулов не прервалась. Издали было видно, что команда, вроде бы, как-то борется с огнём, но не слишком-то рьяно. Вскоре корабль, лишившийся почти всех парусов, стал пытаться уйти назад в море, но без парусной оснастки это оказалось невозможно. Чёрное судно так и осталось беспомощно болтаться на волнах, удерживаемое якорной цепью. Что происходило на нём – неизвестно.

Зато судьба шлюпок, спущенных с корабля, равно как и с других пребывающих к побережью Паэтты, была совершенно определена и незавидна. Каждая из них потоплялась специально отряженной командой, состоящей из мага и десятка солдат. Множество подобных команд ежедневно патрулировали берег в поисках пришвартовавшихся кораблей Тондрона.

Эйфория царила в лагере Пятого стрелкового, который остался на побережье, тогда как латионцев и новобранцев вновь направили в Шинтан, чтобы заткнуть ими бреши в обороне от келлийцев. Такая война была по вкусу практически всем – начальству не приходилось забивать голову мыслями о том, чем занять солдат в отсутствие боевых действий, а солдаты, чувствуя себя героями, защищающими весь цивилизованный мир, при этом не рисковали совершенно ничем, получали удвоенный боевой паек, да ещё и поправляли здоровье на солнечном морском берегу, прогуливаясь мимо шуршащего прибоя и глядя, как маги жгут редкие лодки противника.

Так прошло достаточное количество времени. Наступил увиллий, затем перевалил за середину. И вот наконец наступило двадцать второе число месяца увиллия...

Покрытый пылью всадник влетел в ворота лагеря на хрипящей лошади, с которой клоунами летела пена. Бросив крупно дрожащее животное на попечение первого попавшегося солдата, гонец неловкой походкой человека, чьи члены затекли от долгого пути верхом, направился в шатёр полковника Жокко. Это появление не предвещало ничего доброго, поэтому у всех свидетелей сцены засосало под ложечкой.

Вскоре из штабного шатра растревоженной стайкой прыснули адъютанты, собирая ротных командиров на экстренное заседание.

– Ужасные новости, господа, – без предисловий начал Жокко, как только все ротные собрались. – Огромные силы Тондрона высадились сразу в двух местах – на полуострове Лионкай и полуострове Дарна. Они стремительно продвигаются на восток, сминая те небольшие соединения, которые удалось им противопоставить, – опережая шапкозакидательские возгласы подчинённых, повысил голос полковник. – Большие территории нашей страны оккупированы. И самое неприятное – по имеющимся у нас сведениям, каждая из армий вторжения возглавляется как минимум двумя Герцогами Гурра.

Лейтенант Брайк почувствовал ледяной чугунный шар, запутавшийся в его кишках. Нельзя сказать, что он был очень уж шокирован – признать, он давно ожидал чего-то подобного. Слишком уж просто всё получилось, слишком уж глупо, казалось, вёл себя Гурр. Но по факту глупцами оказались те, кто поверил в глупость древнего мага, правившего великой империей. Оказывается, всё это время чёрный император просто водил за нос всё военное начальство Палатия.

Конечно, подобный блеф выглядел чудовищно: несколько десятков тысяч бойцов было брошено на верную гибель с одной лишь целью отвлечь внимание от основных направлений удара. Но ходили слухи, что Тондрон обладает миллионами гомункулов, так что в свете этого гибель даже пятидесяти тысяч выглядела смехотворно. Тем более, что гомункулы и не жили в привычном смысле этого слова, так что говорить о гибели было довольно нелепо.

Жокко говорил, рассказывая о сложившейся обстановке, а Брайк, вполуха слушая его, напряжённо думал. Всё плохо. Всё очень плохо. Сразу два места высадки, огромные силы, поддержка Герцогов. Информации пока было не слишком много, но выходило так, что две армии вторжения двигались по сходящимся направлениям – одна вдоль побережья Серого моря, другая – вдоль залива Дракона. Брайк отлично представлял себе карту своей страны, поэтому он сейчас словно воочию видел два чёрных языка, тянущихся один с Лионкай – северо-западной оконечности Паэтты, а другой – с Дарны, полуострова, являющегося, напротив, юго-западной оконечностью Палатия. Дальше уже, за заливом Дракона, раскидывались земли Кидуи.

Полковник, как обычно строя из себя великого стратега, разглагольствовал о намерениях противника, о которых ровным счётом ничего не знал, призывал к мужеству и спокойствию, и в конце концов объявил то главное, ради чего все здесь собрались.

– Мы выступаем сегодня же, господа! – провозгласил Жокко, обводя всех многозначительным взглядом. – Час на сборы для боевых отделений, два часа – для кухонь и обозов. Наш полк перебрасывают к северу. Ориентировочно пока будем двигаться к местечку под названием Березна. Там сейчас сосредотачиваются силы для остановки северной армии Тондрона. Двигаться придётся быстро, предупреждаю сразу. Нужно во что бы то ни стало остановить врага.

В мрачном молчании расходились командиры рот. Предчувствие беды ухватило всех за горло цепкими лапами. Все понимали, что тондронцы теперь отыграются за Синицу сторицей. Тих был и лагерь, что спешно собирал манатки и сворачивался, чтобы уйти навстречу неизвестности. Пришибленно молчал даже рядовой Вилли Кросан, а уж его рот вообще редко когда закрывался.

Прошло не более пары часов, и на месте военного лагеря остался лишь обезображенный вытоптанный пустырь, огороженный частоколом и полный всевозможного мусора. Ветер доносил сюда вонь выгребных ям, которую лишь немного перебивал дымок не до конца угасших костров. И посреди этого стояли обескураженные жители деревни Синица, сиротливо оглядываясь вокруг и не зная, что им теперь делать – оставаться среди этой разрухи или возвращаться в спалённую деревню, чтобы стать лёгкой добычей новых гомункулов.

***

По мере продвижения на север вести становились всё тревожнее. Тондрон сметал хлипкую защиту Палатия словно соломенные домики. Войска, ведущие изматывающие бои с кел-

лиейцами, снимались с тех участков фронта, что признавались второстепенными, и бросались в горнило новой войны, судя по всему, ещё более жестокой и страшной. Несмотря на то, что вторжение Гурра пока не затронуло соседние с Палатием государства, все они живо откликнулись на призывы о помощи. Даже Саррасса, обычно столь далёкая от того, что происходило на севере, пообещала полномасштабную поддержку. Зачарованные голуби маленькими сизыми стрелами мчались по десяткам направлений, неся полные отчаяния донесения, больше похожие на мольбы.

По слухам, его величество Анжей, король Палатия, в течение нескольких дней не показывался на публике, раздавленный и смятый той катастрофой, что свалилась на его государство. Палатийцы привыкли вести локальные войны, огрызаться на нападки берсерков, да вдобавок – чужими зубами. Уже война с Чёрной Герцогиней заметно подкосила великое торговое государство. Теперь же происходящее всё больше напоминало полный крах.

То и дело марширующим на север стрелкам попадались ошалевшие от ужаса беженцы, бредущие на восток в надежде спастись от заповоливших их земли чудовищ. Стиснув зубы, Брайк оглядывал свою роту, читая явные признаки зарождавшейся паники. Вдобавок к этому зарядили дожди, сделавшие дороги малоприсгодными для обоза, тем паче, что их грязь была основательно перемешана тысячами солдатских сапог.

Как результат – обозы отставали всё больше, что приводило к задержкам в обеспечении личного состава своевременной кормёжкой. Полковник Жокко рвал и метал, грозил трибуналом, требовал реквизировать продовольствие у гражданских, но это никак не спасало ситуацию. Даже под угрозой трибунала чахлае обозные лошадки не сдюживали с круто намешанной разбухшей глиной, а реквизировать было нечего и не у кого – большинство деревень здесь уже обезлюдели.

Судя по признакам, которые опытный командир умел считывать даже из ничего не значащих, казалось бы, мелочей, Брайк понимал, что война уже гораздо ближе, чем хотелось бы. До Березны оставалось ещё минимум два дневных перехода, а войска Гурра, судя по всему, были куда ближе, чем хотелось думать командованию.

Дисциплина в полку катилась к дьяволам. Несколько драк, пара дезертиств, а сегодня – ещё и убийство. Люди зверели от ужаса и безысходности. И вот один из солдат пырнул ножом товарища только потому, что тот выпил воду из его фляжки. Солдат был не из роты Брайка, но лейтенант протестовал больше всех, когда Жокко отдал приказ повесить убийцу на первом же суку.

Брайк считал, что это не станет способствовать укреплению морального духа, но полковник был абсолютно непреклонен. В общем, лейтенант уже почти мечтал о сражении – ожидание изматывало даже сильных духом, не говоря уже о прочих, коих было подавляющее большинство. Битва хотя бы избавит их от этих мерзких проявлений гнилой человеческой породы.

На ночь были выставлены усиленные караулы, причём не столько для защиты от неблизкого пока врага, сколько, главным образом, для того чтобы предотвратить новые эксцессы. Естественно, из этого ничего не вышло. Дважды посреди ночи поднимался переполох – караульные ловили тех, кто пытался дать дёру под покровом ночи. По итогу – ещё трое убитых и четверо раненых.

Всю первую часть нового наступившего дня полк тащился по безлюдной местности. Брошенные деревни, бродящие как ни в чём не бывало куры, тоскливо бредущие, а то и откровенно воющие цепные псы, которых не кормили уже несколько дней, шмыгающие с вороватым видом коты. Брайк не сомневался, что подобная картина царит сейчас на милях вокруг. Да и хвала богам! Потому что представить себе дальнейшую судьбу тех, кто не успеет убежать, как-то даже не хотелось.

Мрачные мысли лейтенанта были прерваны внезапной остановкой колонны. Поскольку он, как командир, имел возможность передвигаться верхом, то тут же пустил свою лошадь рысью, чтобы разузнать, в чём дело.

Небольшой отряд, около десятка кавалеристов, остановил продвижение стрелкового полка неподалёку от перекрёстка дорог. Во главе отряда был человек в шитом златом мундире, хотя погоны оказались всего лишь капитанскими. Брайк знал лишь одну часть, в которой капитаны могли носить такие мундиры. Очевидно, что перед ним были крон-кавалеристы, паркетная военная элита Палатия. Даже рядовые в этом полку были сплошь голубая кровь.

Обычно крон-кавалеристы блистали лишь на парадах да в просторных залах дворца, и король никогда не бросал их в реальные боевые действия. Видимо, сильно припекло его величество, что даже этих пришлось привлечь, – с невольным злорадством подумалось Брайку.

Подъехав ближе, лейтенант понял, что отчасти всё-таки ошибся. Судя по всему, крон-кавалеристом из всего отряда был лишь этот самый капитан, кстати, возрастом едва ли namного ушедший от самого Брайка. Остальные были простыми солдатами, причём, судя по их внешнему виду, не так давно им пришлось побывать в серьёзной передрыге – мундиры их были грязны и кое-где даже изорваны. У некоторых была заметна запёкшаяся на одежде кровь. Группа всадников, очевидно, заметно нервировала солдат – по рядам то и дело пробегал шепоток, постепенно превратившийся в некий непрекращающийся гул.

На правах командира роты Брайк, приняв невозмутимый вид, подъехал настолько близко, чтобы слышать, о чём говорит расфуфыренный капитан и полковник Жокко.

– А я говорю, что у меня есть чёткий приказ командующего Зейво перебросить мой полк под Березну! – на повышенных тонах возражал Жокко. Всё-таки перед ним был всего-навсего капитан, пусть и с весьма ветвистым генеалогическим древом.

– Повторюсь, господин полковник, – крон-кавалерист пытался соблюдать субординацию, но было видно, что это стоит ему немыслимых душевных усилий. – Березна, скорее всего, уже потеряна. Сейчас главным очагом сопротивления является замок Фалли, и целый полк арбалетчиков стал бы для защитников настоящим даром Асса.

– Наши болты завязли в проклятой грязи где-то милях в десяти позади! – в сердцах рывкнул Жокко. – Много ли проку от стрелков, которым нечем стрелять?

– Уверен, что в замке найдётся достаточный запас болтов, господин полковник, – с явным усилием сохраняя спокойствие, проговорил капитан. – Вот только людей маловато. Мало кому удалось оторваться от этих ублюдочных гомункулов.

– Я не могу ослушаться приказа командующего Зейво! – возразил полковник.

– У меня подписанный приказ крон-маршала Острэя, – капитан действительно вынул скрученный трубочкой лист. – Он также находится в Фалли, и именно по его приказанию я направлялся на восток, к Золице, где должен находиться резервный полк. По этому приказу я имею право рекрутировать под его начало любые воинские соединения, которые мне попадутся. Полагаю, приказ крон-маршала для вас что-то значит, господин полковник?

Сердито пыхтя, Жокко придирчиво изучал поданный ему лист, словно пытался найти между строк какую-то фальшь.

– Где этот ваш Фалли? – наконец ворчливо спросил он, возвращая приказ обратно.

– Я отправлю с вами своего человека, – капитан кивнул головой одному из сопровождавших его солдат. – До замка не больше десяти миль. К вечеру будете там.

– Мои люди идут без отдыха уже полторы недели! – вновь начал заводиться Жокко. – Я не стану загонять их. Пойдём так, как сможем!

– Воля ваша, господин полковник, только учтите, что тондронцы тоже времени не теряют. Постарайтесь хотя бы поспеть к замку раньше них.

Отсалютовав, крон-кавалерист дал шпоры коню, направив его дальше по дороге на восток, тогда как полковник Жокко дал приказ двигаться на запад. Спустя час был объявлен

привал, чтобы солдаты могли дать хотя бы небольшой отдых сбитым и стёртым в кровь ногам. Кухня вновь оказалась где-то далеко позади, так что солдаты смогли поживиться лишь сухим пайком, да и то лишь те из них, кто оказался позапасливее. Остальным же только и оставалось, что распугивать окрестных ворон громким урчанием в животах.

***

– Разрешите обратиться, господин полковник? – Брайк не удержался и подошёл к командиру во время привала.

Всё время до этого лейтенант мрачно обдумывал новые обстоятельства, столь внезапно свалившиеся на их голову, и чем больше он думал, тем больше ему всё это не нравилось. На самом деле, наверняка он был не один такой тут, но остальные предпочли отмолчаться, тогда как Брайк отмалчиваться не умел.

– Что вам, лейтенант? – буркнул Жокко, обгладывающий тощего жареного цыплёнка – единственное, что смогли раздобыть для полковника.

– Я по поводу изменившихся обстоятельств, господин полковник. Должен признаться, что нахожу эту затею безрассудной.

– Что? – Жокко едва не поперхнулся, услышав это слово. – В своём ли вы уме, лейтенант, что говорите такое мне?

– Простите, господин полковник, но я вынужден это сказать, поскольку считаю это своим долгом, – склонил голову Брайк.

– И что же вам показалось таким безрассудным, лейтенант? – вкрадчивым голосом, не предвещавшим ничего хорошего, осведомился полковник.

– Я считаю безрассудным загонять себя в западню в этом замке Фалли, господин полковник, – твёрдо ответил Брайк. – Считаю, что мы должны исполнять данный нам ранее приказ и двигаться к Березне. Ещё лучше было бы, разумеется, отвести полк к востоку, но поскольку это противоречит приказу, я не стану этого предлагать. Однако ни при каких обстоятельствах я не стал бы загонять полк в замок.

– И почему это? – кожа Жокко медленно багровела, а в голосе явственно слышались нотки гнева.

– Я на протяжении многих недель наблюдал за гомункулами, господин полковник. Я знаю, что им не нужны ни вода, ни еда, ни сон. С ними привычные правила ведения войны теряют всякий смысл. Мы укроемся в замке? Хорошо! Но тондронцам не потребуется даже пытаться брать его штурмом. Достаточно будет просто уморить нас голодом. Время работает на их стороне, господин полковник. Не говоря уже о магии. Если к замку подойдёт один из Герцогов – неужели жалкая каменная стена сможет его остановить? Повторюсь, господин полковник, если мы отправимся дальше, замок Фалли станет нашей братской могилой.

– Однако у меня приказ крон-маршала, лейтенант! – уже не сдерживаясь, рявкнул Жокко, хотя по его лицу было видно, что доводы Брайка не пропали втуне. – И он не допускает двойных толкований.

– Простите за грубые слова, но крон-маршал уже обречён, – отчеканил Брайк. – Если он продолжит отсиживаться в замке, то ему осталось недолго. С вашего позволения, господин полковник, но крон-маршал – не военачальник, не полководец. У него нет такого богатого боевого опыта, как у вас, – лейтенант решил, что лезть может сделать полковника более сговорчивым. – Прошу прощения, но крон-маршал – не более чем придворный шаркун, который смыслит в военном искусстве меньше любого из моих солдат. Хуже то, что он, вероятно, мнит себя великим стратегом. Он не понимает главного – для борьбы с *этим* врагом не подойдут обычные учебники по тактике ведения боя. Наш единственный шанс – высокая манёвренность, возможность наносить максимальный урон, уходя от ответных ударов. Вам ли не знать этого, ведь вы так славно выиграли битву у Синицы!

Это была очередная грубая лесть, но Жокко на неё поддался. Его выпученные, мечущие молнии глаза стали немного более осмысленными.

– Вы понимаете, Брайк, что это тянет на трибунал? – тем не менее, проговорил он.

– Понимаю, господин полковник, и если нам удастся выбраться из этой передраги, с радостью отдам себя в руки правосудия, – спокойно и с достоинством ответил лейтенант.

– То, что вы предлагаете, больше смахивает на мятеж, поэтому я имею полное право повесить вас на первом же суку, – угрожающе прошипел Жокко.

– Пусть так, если это поможет вам изменить решение! – лицо Брайка сейчас казалось высеченным из мрамора. – Вы же знаете, господин полковник, что я прав.

– Что ж, лейтенант, – проговорил Жокко после некоторого молчания, во время которого он, видимо, вёл настоящую внутреннюю борьбу. – Вам представится возможность лично высказать свои соображения крон-маршалу Острэю. Рекомендую при этом воздержаться от тех характеристик, что вы ему дали только что. Кроме того, вы же слышали, что Березна, скорее всего, всё равно уже потеряна, – последняя фраза прозвучала почти как оправдание.

В течение нескольких секунд казалось, что Брайк что-то ответит. Однако в итоге он лишь закусил губу, молча кивнул – скорее дёрнул головой так, словно надеялся, что она оторвётся от шеи, и, резко повернувшись, направился прочь. Досада душила лейтенанта – был момент, когда ему показалось, что полковник Свинья внял его увещаниям. Однако раздражение на то, что тебе указывает подчинённый, или же простое солдафонское упрямство взяли верх, и вот теперь, по мнению Брайка, Пятый стрелковый был обречён.

– Это полный идиотизм... – вполголоса проговорил один из ротных, слышавший диалог, и теперь подошедший к молодому бунтарю.

– Нет, это просто армия... – сквозь зубы процедил Брайк, возвращаясь к своей роте.

Глава 12. Катастрофа

Вокруг был мрачный, обычный для этих мест лес. Вновь с неба, которое наглухо было затянуто низким серым пологом, сыпало мелким противным дождём. Было довольно прохладно, особенно когда налетали порывы северо-восточного ветра. Желание ворчать осталось ещё где-то милях в пяти позади, а теперь же хотелось материться в полный голос, вздорить с окружающими по любому поводу. Брайк был лейтенантом, командиром роты, поэтому не то что материться, а даже ворчать не имел права. Только не сейчас. Моральный дух его подчинённых и так был втоптан в дорожную грязь.

Скоро предстоит драка, и драка, судя по всему, нешуточная. Эх, как не хватает сейчас сержанта Лэйто! Брайку было бы куда спокойней, если бы Лэйто был неподалёку. Вот кто в решающий момент поведёт себя как должно. Конечно, Пэйл тоже хорош, да уж больно неуравновешен. А сейчас каждое слово нужно взвешивать на аптекарских весах.

Конечно многие, в том числе, возможно, и тот же крон-маршал Острэй, посмеялись бы сейчас над страхами лейтенанта. Действительно, если и есть условия, в которых стрелки-арбалетчики чувствуют себя идеально, так это при защите крепости. Высокие стены, расширяющие область поражения и защищающие обороняющихся, наличие заряжающих, которые позволяют метким стрелкам не отвлекаться на долгий процесс заряжания арбалета. Действительно, будь под стенами Фалли обычный враг вроде тех же келлийских варваров, Брайк ни на минуту не усомнился бы в успехе предприятия. Увы, но сейчас лейтенант был абсолютно уверен в обратном.

Судя по всему, до места осталось не больше пары миль. Брайк раздражённо подумал, что худшего места для расположения фортификационного сооружения сложно даже придумать. Будем надеяться, что хозяину замка хватило ума вырубить лес хотя бы на четверть мили в округе своего обиталища, потому что по этим дебрям незамеченными могут подобраться не то что гомункулы, а пожалуй что и эллорские драконы.

– Больно тихо вокруг, господин лейтенант, – хлюпая солдатскими сапогами по раскисшей грязи, к Брайку подошёл Пэйл.

– Я заметил это, сержант, – хмуро кивнул в ответ лейтенант. – К сожалению, я – городской житель, поэтому совершенно не понимаю леса. Может быть, эта тишь из-за дождя?

– Может быть, – пожал плечами Пэйл, который также был коренным жителем Шинтана и не мог похвастаться глубокими познаниями в орнитологии. – Но мне кажется, что всё-таки какие-то звуки должны быть. Птицы словно повымерли все.

– И это уже давно так, – подхватил подошедший следом взводный Прэйн, заменивший Лэйто, который не так давно получил сержантские нашивки. – Что-то тут нечисто.

– Свинья мог бы разослать передовые отряды хотя бы... – проворчал Пэйл. – Идём вслепую, как кошата...

– Сержант, вы забываетесь! – строго одёрнул подчинённого Брайк, однако, откровенно говоря, он сейчас сам думал о полковнике весьма нелестно.

– Виноват, господин лейтенант... – нехотя пробурчал Пэйл.

– По крайней мере, господин полковник переместил магов в авангард, – заметил Брайк, мысленно добавив про себя: «Ну хоть на это ему ума хватило». – Ну а как ваши люди, сержант?

– Как дерьмо под дождём, – сплюнул Пэйл. – Того и гляди потекут.

– На то и есть сержант в армии, чтобы рядовые не «потекли», Пэйл! – произнёс Брайк. – Нам сейчас главное добраться до замка. А там – поедим, обсушимся, согреемся и, глядишь, снова станем заправскими солдатами его величества!

– Не нужно лукавить, господин лейтенант, – Пэйл взглянул Брайку прямо в глаза. – Все уже знают, что вы сказали полковнику, – на этот раз сержант не добавил слово «Свинья», но

зато опустил слово «господин». – Какого хрена он не понимает, что вы правы? Нечего нам делать в этом драном замке!

– Это армия, Пэйл, – устало произнёс Брайк. – Здесь все люди делятся на два типа – те, кто отдаёт приказы, и те, кто их исполняет. Поэтому наше с вами дело...

Испуганные, истошные крики прервали нравоучительную сентенцию лейтенанта. Крики эти тут же были подхвачены сотнями глоток, слившись в сплошной гвалт. Увы, Брайку не нужно было объяснять, что это значит.

– К оружию! – выхватывая свой меч, рявкнул он.

– К оружию! – подхватили Пэйл и Прэйн.

– К оружию! – понеслось над рядами.

Сначала из-за возникшей суматохи и круговерти чьих-то спин и голов Брайк, который довольно давно уже шёл пешком, дабы разделить участь своих подчинённых, никак не мог сориентироваться и понять – откуда же нападают. Однако, когда ситуация прояснилось, стало ещё хуже. Потому что выяснилось, что нападают отовсюду.

Полк попал в засаду. Увы, будь с ними охотница вроде Соланы, она давно среагировала бы на тревожные сигналы, которые подавал лес, и которые так и не сумели распознать Брайк и его сержанты. Стрелков заманили в мешок – как выяснилось, твари Тондрона умели быть незаметными и бесшумными, если нужно. И вот теперь со всех сторон разом на солдат валили гомункулы. К сожалению, арбалеты, естественно, были не заряжены, так что толку от них не было никакого.

– Держать дистанцию! – орал Брайк, хотя было не очень-то понятно, как это можно сделать в таких условиях.

Увы, оглушающая правда вскрылась весьма скоро. Гомункулы, которые на берегу возле Синицы были вялы, словно осенние мухи, здесь двигались быстро и ловко. Они были вооружены какими-то пластинами железа, заточенными с одной стороны, и это массивное и грубое оружие неожиданно оказалось весьма эффективным против лёгких кожаных доспехов арбалетчиков. Обладая подавляющим численным превосходством, на этот раз создания Гурра показывали себя вполне боеспособными воинами. Ничего общего с теми едва шевелящимися куклами, которые так весело горели в магическом пламени.

Кстати, о магическом пламени. Увы, лучших магов командование, естественно, перебросило к побережью Серого моря, так что тот десяток волшебников, что был приписан к полку, в лучшем случае заслуживал звания магов средней руки. Они отреагировали, нужно отдать им должное, весьма оперативно – никто не растерялся, не побежал. Однако, многого сделать они также не сумели. Большинство было изрублено и изодрано в первые же минуты атаки. Несколько огнешаров рассеянно метнулись, угодив в толпы врагов, но они не могли нанести существенного урона.

Тем временем в разыгравшейся битве очень скоро потерялось понятие фронта, тыла и флангов. Враг был повсюду, шёл плотными волнами, сгоняя отчаянно бьющихся людей всё в более плотную кучу.

– Прорываемся к замку! – разнёсся повторенный адъютантами приказ Жокко.

– Но это безумие! – взревел Брайк.

Действительно, до замка было никак не менее мили, да даже если бы до него было всего десять ярдов, вряд ли лейтенант бросился бы под сомнительную защиту его стен. То, что полк сможет прорваться к крепости через земли, очевидно уже занятые противником, было не более вероятным чем то, что все воины внезапно отрастят крылья и улетят куда подальше.

Осознавая всё это, Брайк, мимоходом окинув взглядом свою роту и увидев, что она вступила в бой, и пока никто не помышляет о дезертирстве, ломанулся туда, где верхом на лошади возвышался Жокко, размахивающий своим мечом и орущий идиотские приказания.

– Нужно отходить назад! – что было мочи заорал Брайк, едва встретившись с полковником взглядом.

Несмотря на то, что их разделяло несколько десятков яростно орущих и рубящихся футов, Жокко услышал призыв своего лейтенанта.

– Выполнять приказ! – надрываясь, закричал он в ответ.

В этот момент Брайка ослепила жгучая ненависть к этому надутому индюку, обрекающему на смерть тысячи людей.

– Да пошёл ты! – впервые в жизни лейтенант Брайк допустил столь вопиющий факт нарушения субординации.

Повернувшись, он спешно направился к своим. К счастью, командир стрелкового полка по уставу не имел в вооружении арбалета, не то не миновать бы Брайку болта промеж лопаток. Прорвавшись сквозь волнуемое море искажённых ужасом лиц, Брайк, заметив наконец Пэйла, заорал:

– Отходим! Прорываться назад!

Эту команду подхватывали куда охотнее. Конечно, сейчас смерть была со всех сторон, но каждый понимал, что отход назад повысит шансы сохранить жизнь. По крайней мере, там ещё нет полчищ врага.

Вторая рота (хотя кто сейчас в этой толчее может разобрать принадлежность к той или иной роте?) стала давить к востоку, пытаясь прорваться через орды гомункулов. Арбалетчики, конечно же, были более привычны к дальнему бою, поэтому сейчас, в этой рубке куча на кучу, перевес был явно не на их стороне. Брайк видел, как один за одним валятся на землю люди с разбитыми головами, рассечёнными телами, отрубленными конечностями. Люди гибли под натиском чудовищ.

– Жгите лес! – раздался надрывный голос Жокко.

Складывалось ощущение, что полковник сошёл с ума. Да, огромный лесной пожар, вероятно, решил бы проблему с гомункулами, но как людям выбраться из разбушевавшегося пламени? К счастью, исполнять приказ Жокко было уже некому – судя по всему, все маги к этому моменту были уже уничтожены. Во всяком случае, обернувшись, и не заметив стен огня, Брайк облегчённо выдохнул и сосредоточился на основной проблеме – вырваться из кольца самому и, по возможности, вывести максимальное количество людей.

В отличие от большинства своих солдат, Брайк был отлично обучен владению холодным оружием, а гомункулы, хотя и были достаточно сильны и относительно проворны, всё же не могли сравниться в умении ведения боя с выпускником офицерской школы. Сказать по правде, у них и умения-то никакого не было – они лишь давили числом, полным равнодушием к собственной судьбе и грубой силой. Правда, нужно признать, что эта тактика вполне работала. Тем не менее, лейтенант вполне успешно уклонялся от размашистых ударов нежити, лишь изредка блокируя наиболее опасные из них. Сам он практически не атаковал, поскольку эффективность мечей была невелика.

Нельзя сказать, что гомункулы были неуязвимы – им можно было отрубить конечности, голову, да и просто нанести мощный удар, который мог свалить их с ног. Но у них не было крови, потеря которой могла бы обессилить их, у них не было, судя по всему, жизненно важных органов, а скорее всего – не было вообще никаких. Гомункулы очень походили на големов из тех сказок, что рассказывали в детстве Брайку – грубые поделки из глины, подобие жизни которым придаёт магия.

Плоть их была чем-то средним между каким-то засушенным мясом и мягкой глиной. Даже лиц как таковых у них не было – какие-то грубо слепленные пародии, где с трудом можно было угадать глаза, рот и нос. Казалось, они должны быть безнадежно слепы – глаза их были не более чем пустыми провалами, но, видимо, у них было магическое зрение, поскольку на слепцов гомункулы никак не походили.

– Отходите назад! – орал Брайк прямо в искажённые ужасом лица солдат, и сам показывал пример, упрямо пробиваясь к востоку.

Возможно, лейтенанту сейчас нужно было бы стоять на месте и командовать, но это было бы глупо и самоубийственно. Это был один из тех моментов, когда от него, как от командира, уже ничего не зависело. Точнее, он уже сделал то, что считал нужным сделать, а теперь оставалось уповать лишь на удачу да личные качества солдат.

Увы, как с первым, так и со вторым тут были очень серьёзные проблемы. Люди, словно сжатые колосья, валились вокруг Брайка на землю. Некоторые – оскользнувшись на глинистой дороге, обогрёрной кровью, но большинство падало под ударами странного оружия гомункулов. Брайк уже не разбирал лиц, не понимал – кто перед ним. Сейчас весь огромный мир сошёл в небольшую сферу вокруг него, и лейтенант следил лишь за тем, чтобы в пределах этой сферы не появлялись враги, угрожающие его жизни. Возможно, позднее он будет страшно корить себя за сегодняшний день, но это произойдёт лишь в том случае, если он останется жив.

Это была не трусость, ибо – видят боги! – Брайк не был трусом. Сколько раз он рисковал собой, прикрывая подчинённых – и не сосчитать. Но здесь было другое дело – здесь его смерть ничего не стоила. А вот жизнь была куда ценнее.

Позже, пытаясь вспомнить то, что творилось в этом проклятом лесу, Брайк ловил себя на том, что в голове оставались лишь какие-то отдельные образы, словно вспышки грозы, освещающие проблески событий. Очень ярко он помнил разрубленное лицо одного из солдат, поскольку едва не уткнулся в него носом, когда несчастный, издавая какие-то нечеловеческие звуки, резко повернулся от удара и слепо побрёл незнамо куда. Запомнилось, как один из гомункулов обрушил свою железяку на плечо своего же «сослуживца», а затем пытался вытящить завязшее в нелепом туловище оружие.

Несколько раз Брайк падал, всякий раз не надеясь подняться – толчея была такая, что затоптать могли в одно мгновение. Однажды пришлось ударить одного из солдат по лицу кулаком, в котором был зажат меч – тот ухватил Брайка за шиворот, что-то безумно крича прямо в лицо. Рука всё больше тяжела, шею ломило от непрерывного вращения головой, но лейтенант продолжал медленно пробиваться на восток.

Собрав вокруг себя нечто вроде ударного кулака, Брайк в конце концов сумел совершить почти невозможное – он прорвал кольцо. К тому времени с ним оставалась горстка людей, не более трёх десятков человек. Что там творилось позади – шёл ли кто-то за ними, продолжался ли бой – всё это было сейчас совершенно неважно. Хотелось одного – просто распластаться на земле, раскинув руки и ноги, и лежать так часов двадцать, не шевелясь даже для того, чтобы отлить. Однако Брайк превозмогал себя, продолжая медленно двигаться дальше и дальше.

Как только впереди оказалось пространство, свободное от гомункулов, лейтенант, которого все в полку почитали как великого героя и храбреца, прокричал лишь одно слово:

– Бежим! – и сам первый подал пример.

***

Прошло больше полчаса с момента, когда они бросились в бегство. Хвала богам – гомункулы, кажется, не преследовали тех, кто сумел уйти. Выжившие бойцы сидели сейчас у откоса какого-то овражка, по дну которого бежал ручеек – грязные, окровавленные, уставшие и подавленные. Брайк пока не пересчитывал выживших, но и беглого взгляда хватало, чтобы понять, что их тут не более двух дюжин. Может, кто-то отстал в пути, или побегал в другую сторону. Лейтенант горячо молил Асса о том, чтобы их прорыв был не единственным, чтобы были ещё выжившие. Если же это было не так, то две дюжины – это всё, что осталось от прославленного Пятого стрелкового.

Брайк, как и остальные, тупо сидел, уткнув лицо в колени, не находя сил даже оглянуться вокруг. Однако он понимал, что отдых является сейчас непозволительной роскошью,

ведь гомункулам он не нужен. Поэтому, собрав всю волю в кулак, лейтенант тяжело поднялся на ноги, опираясь на свой меч. Окинул взглядом тех, кто оказался с ним рядом. Несколько человек были из его роты. Хвала богам – Пэйл был также здесь. Сержанту хватило ума держаться своего командира во время боя, и это спасло ему жизнь. Тут же был командир пятой роты, лейтенант Бэйла, чья фигура сейчас больше напоминала монумент отчаяния.

Брайк не сомневался, что среди спасшихся все, ну или почти все – ветераны, прослужившие в армии не один год и понявшие главный принцип: если к спасению ведёт даже очень узенькая щёлочка, нужно лезть в неё во что бы то ни стало даже без мыла.

– Нужно двигаться дальше, – хрипло проговорил он. – Не думаю, что мы оторвались далеко. Эти твари могут нагрянуть в любой момент.

– А как же остальные? – робко возразил кто-то.

– Их судьба нам больше неподвластна, – сурово ответил Брайк. – Прорвав кольцо, мы сделали всё, что в наших силах. И единственное, что нам осталось – не дать себя убить, потому что это будет глупо и бессмысленно.

– Проклятый жирный ублюдок! – надломленным от боли голосом рявкнул один из солдат, чьё предплечье было разодрано от локтя до кисти ударом тондронского клинка. – Заманил нас на верную гибель!

– Он поплатился за это, – холодно ответил Брайк. – Не стоит тратить время на пустую ненависть. Так же, как и мёртвых товарищей мы оплачем позже. Когда окажемся подальше отсюда.

– Пусть их оплакивают матери и жены, – сплюнул Пэйл, подходя ближе. – Мы – солдаты, и наше дело – мстить!

– Так мы и сделаем, сержант! – устало кивнул Брайк. – В свой час. А сейчас пока ещё не он. Все, кто хочет жить – за мной.

Жить хотели все, поэтому все они, один за другим, стали, кряхтя, вставать с сырой земли, чтобы последовать за Брайком. Лейтенант Бэйла, очевидно, безоговорочно признал право Брайка командовать, потому что безропотно подчинился приказанию.

Теперь Брайк смог сосчитать выживших. Вместе с ним здесь было двадцать два человека. Из всего полка в живых, возможно, осталась лишь четверть роты...

***

Разгром полка арбалетчиков не был чем-то из ряда вон выходящим. К несчастью, подобные картины можно было встречать гораздо чаще, чем хотелось бы. Особенно сокрушительные потери несли войска на южном фронте. Побережье залива Дракона, образно говоря, было устлано телами погибших воинов. Там, где войн не было уже очень и очень давно, столь же давно не было и защитных сооружений, и сильных гарнизонов.

Ситуация на юге несколько стабилизировалась с появлением имперских сил. Саррассанские войска, основательно усиленные чернокнижниками, сумели упереться кое-как неподалёку от городка Саинтон, лежащего в пятнадцати лигах севернее Верхнего Пальца. Их усилий хватало на то, чтобы не дать армии Тондрона продвигаться дальше, но не более того. Пока ни о каких контрударах речи даже не шло, да и перспективы казались слишком уж мрачными. Можно сказать, что самые светлые военные умы Паэтты сейчас были заняты не тем, чтобы победить, а тем, чтобы не проиграть.

На северном фронте полчища Гурра встречали ожесточённое сопротивление не только палатийцев и латионцев. Из не до конца подтверждённых источников приходили известия, что келлийцы тоже явно не жалуют чужаков, и, якобы, имели место несколько столкновений между берсерками и гомункулами. Это давало смутную надежду на возможность перемирия с Герцогиней Чёрной Башни.

Серьёзную проблему представляли Герцоги Гурра. Теперь уже было ясно почти наверняка, что каждая из армий Тондрона возглавлялась двумя Герцогами. Кто именно это был – пока что доподлинно было не известно, да и вообще имена самих Герцогов были ведомы разве что глубоким теоретикам, да кучке помешанных фанатиков. Однако, по большому счету, это было неважно, поскольку по силе все Двенадцать были приблизительно одинаковы. Если уж кого-то из них и выделять, так это Герцогиню Кэрр, которая, как и все женщины-лирры, была куда чувствительнее к *возмущению*. Но, кажется, грозной дьяволицы на Паэтте пока что не было.

Так или иначе, но ситуация пока казалась удручающей, почти безнадёжной. Во всех храмах Паэтты – неважно, арионнитских, ассианских или протокреаторианских – денно и нощно шли молебны о ниспослании чуда, ибо казалось, что другой надежды уже не осталось.

Глава 13. Наперегонки с войной

Бин вновь ехал через Палатий – страну, о которой на его родине всегда говорили с некоторым придыханием. Обычно латионцы признавали равной своему королевству лишь Саррасанскую империю, считая все другие государства провинциальными и немного отсталыми. Но при всём при этом на Палатий всегда смотрели с некоторой завистью. Не то чтобы в Латионе считали, что палатийцы живут в золотых домах и едят алмазы на завтрак, однако среди большинства населения королевства устоялось мнение, что в Палатии живут куда как богаче.

Бин хорошо помнил ещё со времён детства одного приятеля отца, который, поднабравшись, всякий раз грозился, что он непременно уедет в Палатий, и уж там-то его работу не будут оценивать в жалкие гроши, как здесь. Он долго и пространно рассказывал, как вернётся в Латион спустя несколько лет, накопив достаточно средств, чтобы арендовать собственный склад. «Помяни моё слово, Глейн, ты ещё работать на меня будешь!» – всякий раз убеждал он посмеивающегося отца Бина. Увы, года три назад его схоронили, и, судя по всему, за всю свою жизнь он так и не побывал дальше стен Нового Города.

Так или иначе, но Бин ещё во время путешествия к Дайтелле обратил внимание, что никакой особенной роскоши в Палатии не заметно. Да, в Шинтане много богатых, помпезных домов, хватает и разодетых людей, но, кажется, их было не больше, чем в Латионе. Да и вообще богатые палатийцы не слишком-то кичились своим богатством.

Лэйто с презрением пояснял Бину, что те ряженые, что ходят по улицам, щеголяя шелками и самоцветами – в большинстве своём обычные нувориши, вырвавшиеся из грязи в князи и теперь пытающиеся подчеркнуть новый статус. Настоящие зажиточные люди чаще всего одевались скромно и неброско – минимум позолоты и камней, максимум практичности. «Серебро не любит чужих глаз» – привёл сержант распространённую палатийскую поговорку.

Если же говорить о палатийских деревушках, то они, пожалуй, выглядели иной раз победнее латионских. Всё-таки климат здесь меньше способствовал земледелию. Зато местные пастбища были превосходны – пологие холмы, покрытые травой, выглядели весьма живописно.

Всё это Бин подмечал новым взглядом гораздо острее, чем по пути сюда. Теперь, когда к нему вернулась его настоящая память, он оценивал окружающее взглядом знатока, побывавшего практически везде. И ведь действительно – единственным государством Паэтты, которое он так и не посетил, был Коррэй, но вряд ли это было таким уж досадным недочётом.

Обратный путь к Шинтану явно задался лучше, чем путь туда. Потому что туда ехал несколько испуганный (не станем лукавить), растерянный парень, считавший себя совершенно неопытным. Теперь же Бина словно подменили – даже лицо и осанка стали иными. Ему словно сняли повязку с глаз. Единственное, что омрачало его мысли – судьба Мэйлинн.

Бин никак не мог поверить, что та самая ненавидимая им Герцогиня Чёрной Башни – и есть Мэйлинн. Как это не вязалось со всем, что он знал и помнил о ней. Но, с другой стороны, он ведь сам видел, как почернела Башня тогда, во время этого страшного боя на Полумесяце. Боя, после которого наступило забвение.

Иной раз Бина охватывало такое отчаяние, что хотелось выть. Память о Мэйлинн – самое дорогое, священное, что было у него, оказалась растоптана теми новыми знаниями, что вывалила на его голову Дайтелла. Иногда Бину казалось, что он ненавидит Мэйлинн, презирает её за то, что она превратилась в чёрную колдунью. Но Бину было уже не двадцать, так что он лучше стал разбираться в себе и своих чувствах, поэтому он понимал, что это уязвлённая любовь проявляет себя подобным образом.

Хвала богам, рядом не было этого мерзкого рыжего Вилли. Бин был сейчас совсем не в том настроении, чтобы выслушивать его скабрёзные шутки и смотреть в вечно ухмыляющееся конопатое лицо. Да и остальные спутники Бина, кажется, не слишком-то сучали по своему

товарищу, разве что Парк иногда вспоминал какие-то хохмы, связанные с их совместными похождениями. Но уж Лэйто, похоже, накрепко вычеркнул эту рыжую ходячую катастрофу из своей памяти.

Небольшой отряд двигался скоро, стараясь попусту не терять время. В тавернах и постоялых дворах останавливались лишь чтобы поесть, дать небольшой отдых лошадям, да на ночлег. Можно было бы двигаться и быстрее, но нужно было беречь лошадей.

Когда до Шинтана оставалось не более двух дней пути, Лэйто с товарищами узнали о победе на побережье. Все селения, все трактиры буквально гудели о произошедшем. Какая-то растерянная радость светилась на лицах обывателей. Люди, которые вчера ещё не слышали даже о свалившийся на них напасти, сегодня радовались вдвойне тому, что она их миновала. Народ истосковался по добрым вестям, ведь в последнее время дела на севере шли, мягко говоря, неважно.

Очевидно, в столице уже знали о произошедшем, и уже оттуда вести кругами расходились по окрестностям. Более того, они обрастали всё более и более красочными подробностями, что было неудивительно, учитывая, что никто из тех, кто передавал эти рассказы, никогда не видел вживую ни одного гомункула.

Сказать по правде, ни Лэйто, ни его спутники не поверили в то, что победа оказалась столь безоговорочной и не стоила армии Палатия ни одной жизни. Сержант слишком хорошо знал уровень боеспособности родной армии, которую покинул совсем недавно. Поэтому все четверо лишь посмеивались над наивными восторгам селян, лукаво переглядываясь, когда те превозносили несокрушимость и непобедимость своих солдат.

Снова четверо солдат его величества были обласканы вниманием простолюдинов, поэтому, имея они на то желание, каждый день были бы задарма накормлены, напоены и ублажены бойкими палатийскими селянками. Однако из всего этого заманчивого перечня удовольствий Лэйто позволял своим спутникам лишь первое, благо это позволяло экономить собственные средства.

Когда путешественники въехали в Шинтан, там до сих пор шли широкие празднества. Городская беднота устраивала пышные карнавалы в пригородах – настоящие огненные феерии, так что оставалось загадкой, как при всём этом не случилось ни одного крупного пожара. В респектабельных кварталах праздновали сдержаннее, но с куда большим вкусом. Каждый вечер небо над городом окрашивалось фейерверками, над крышами лилась приятная музыка.

Новым трендом среди богачей стали показательные пожертвования в пользу армии. Началось с того, что, выступая с победной речью, его величество объявил, что жертвует из своего кармана пятьсот тоинов на то, чтобы каждому герою, проливавшему кровь у Синицы, была поставлена пинта эля. Идея оказалась заразной. В тот же день глава Гильдии текстильщиков публично обратился к главнокомандующему сухопутными силами Зейво, попросив передать доблестным воинам, спасшим страну от нашествия эллорских чудовищ, его благодарность вместе с тремя сотнями тоинов. Понятное дело, что одна из богатейших гильдий могла бы выделить и в десять раз большую сумму, но это было бы грубым нарушением субординации – разве может кто-то из подданных жертвовать больше короля?

Дальше серебряный дождь полился нескончаемым потоком. Если бы все эти средства действительно дошли до тех полков, что отличились в битве у Синицы, каждый из солдат, наверное, по возвращении домой смог бы прикупить себе небольшое поместье в провинции. Однако, как это водится, часть средств растворилась по пути, значительная часть была перераспределена, дабы помочь тем войскам, которые «всего лишь» воевали на побережье Серого моря с берсерками. Военное ведомство клятвенно пообещало вооружить армию самым лучшим оружием, построить грозный флот, выстроить заново или восстановить несколько крепостей... В конце концов, для простых обывателей это было уже не главное. Главное – это то единство, которое демонстрировали армия и народ, армия и элита.

– Невовремя мы свалили, – вполне серьёзно проворчал Парк, когда на очередной площади вновь услышал заявления глашатая об очередном пожертвовании какого-то купца. – Экие деньжищи валяются!

– Держи карман шире! – усмехнулся Пэрри. – Так они прямо на тебя и свалятся!

– Вот вернёмся, а этот дурак Вилли – уже миллионер! – то ли в шутку, то ли всерьёз продолжал Парк.

– Ну с тобой-то он поделится, не бойсь, – отрезал Лэйто.

– Угу, – протянул Парк, всем своим видом показывая, насколько он верит в слова сержанта.

– Пойдёмте к пристани, – скомандовал тем временем Лэйто. – Я буду не я, если в этот раз доблестных солдат его величества не довезут до места задарма!

К сожалению, задарма не получилось – когда лодочники узнавали, что плыть придётся до самого Сеала, их благородный порыв тут же улетучивался. Более того, Лэйто видел по их глазам, что они явно не верят в то, что сержант и его подчинённые на самом деле принадлежат к тому самому прославленному Пятому стрелковому, что наголову разгромил тондронцев. Даже выписанная подорожная не слишком-то помогала.

Тем не менее, Лэйто всё-таки выторговал половинную цену, что уже было совсем неплохо. Им досталась неплохая галера, в которой даже была небольшая каюта, которая, по сути, была не более чем слегка облагороженным трюмом, но в непогоду и такое пристанище вполне годилось.

Покинув ликующий Шинтан, друзья направились вверх по течению Труона. Где-то далеко впереди лежал Латион, куда страстно стремились попасть и Бин, и Лэйто.

***

Неясные в своей тревожности, или тревожные в своей неясности слухи о положении дел на западе достигли путешественников, когда они на шестой день после отплытия из Шинтана причалили в Доках Латиона. Никаких официальных объявлений не было, но это не мешало людям делать таинственные и тревожные глаза и шёпотом сообщать о том, что на западном побережье вновь неспокойно. Надо сказать, что Лэйто и его товарищи посмеивались над этими слухами так же, как до того насмеялись над восторгам шинтанцев.

Была середина увиллия, и если месяц назад Латион иссыхал от изнуряющей жары, то теперь едва ли не непрестанно сеял небольшой дождь. На улицах столицы было холодно и пасмурно, сам город выглядел серым и унылым. Докеры, шмыгая сопливыми носами, довольно неприветливо отвечали на вопросы прибывших. Ходят, мол, слухи, что Тондрон, который уже объявили разгромленным, вновь атакует, и, вроде бы, на этот раз куда эффективнее. Назывались самые разные точки вторжения – от Палатия до Саррассы, однако саррассанские купцы, разгружавшие неподалёку свой товар, лишь пожимали плечами на все расспросы, что, впрочем, ни о чём не говорило, учитывая, что они покинули империю две-три недели назад.

Впрочем, совсем не это сейчас более всего занимало мысли Бина. Он ни слова не говорил Лэйто, полагая, что просьба его может показаться смешной, но ему страшно хотелось повидаться с Нарой. Поэтому, глядя сейчас на сумрачные мокрые стены домов, Бин изводился и не находил себе места. Остановка в Латионе не должна была быть слишком уж длинной – предстояло пополнить запасы, но это не могло занять много времени, ведь провизии требовалось не так много с учётом того, что впереди были совсем не безлюдные земли, а самый известный и используемый торговый путь. В общем, по идее стоянка не должна была продлиться больше часа.

И тут на помощь Бину неожиданно пришёл сам Лэйто.

– Нет желания повидаться с сестрой? – несколько смущённо осведомился он у озабоченного Бина.

– А что – у нас есть на это время? – парень даже не попытался скрыть радость.

– Ну вроде бы нам никто не ставил определённых сроков, – как можно равнодушнее пожал плечами Лэйто. – Я думаю, что несколько часов ничего не изменят. Кроме того, я ведь обещал госпоже Наре, что притащу твою задницу назад в Латион до конца лета, а Тин Лэйто обычно старается держать данное им слово.

– Увидеться только для того, чтобы сообщить, что уплываю вновь? – вяло попытался сопротивляться Бин, хотя сам понимал, что теперь уже ничто не удержит его в галере.

– Увидеться, чтобы сообщить, что ты жив-здоров, дурила! И что я сдержал своё слово перед твоей сестрой!

– Может, ты хотел бы лично ей об этом сообщить? – с лукавым смешком поинтересовался Бин.

Ему правда нравился Лэйто, поэтому если уж Наре суждено когда-то найти себе мужа, то пусть уж это будет он. Конечно, он уже несколько староват для неё, но выглядит молодцом.

Лэйто аж зарделся от подобных слов Бина, а в глазах его заплескался такой испуг, что юноша не выдержал и расхохотался:

– Пойдём, приглашаю тебя в гости! – и хлопнул сержанта по плечу.

– Ну... если так... можно... – замямлил в ответ окончательно смешавшийся Лэйто, ещё больше развеселив Бина. Хорошо ещё Парк и Пэрри в этот момент не находились рядом.

Поскольку путешественники прибыли в Латион через два часа после полудня, то, изрядно поторопившись, Бин с Лэйто ещё могли бы поспеть к обеду, поэтому они решили не терять времени зря.

– В восемь вечера быть тут, на этом самом месте! – угрожающе рявкнул парочке подчинённых Лэйто, который успел оправиться от смущения. – Если кого-то придётся ждать хотя бы пять минут – этот кто-то будет каждый день драить палубу!

Лэйто предусмотрительно выделил обоим приятелям сумму вполне достаточную, чтобы как следует перекусить и отдохнуть, но недостаточную для того, чтобы напиться и покурить. После этого он направился вслед за Бином, который пошёл напрямик к дому Алики, где, как он надеялся, будет находиться и Нара.

Нара действительно была там. Они были дома втроём – она, Алика и четырёхлетний сынишка Алики, племянник Бина. Глава семейства, естественно, был на работе.

Увидев на пороге Бина, Нара ахнула и бросилась ему на шею. Слёзы в два ручья потекли ему на плечо.

– Вернулся... Вернулся... – в каком-то исступлении бормотала она, так что у Бина тоже невольно потекли слёзы. Неужели Нара уже считала его умершим?

Старшая сестра была сдержаннее – радостно улыбнулась и чмокнула брата в щёку, тут же побежав накрывать на стол. Нара же не отлипала от Бина, уткнув лицо в его пахнущую застарелым потом одежду.

– Нашёл?... – наконец произнесла она нечто отличное от «вернулся».

– Почти, – ласково ответил Бин. – Осталось ещё немного.

– Тебе снова нужно будет уехать? – Бин почувствовал, как пальцы сестры судорожно сжались на его плаще, словно она надеялась никогда больше его не отпустить.

– Всего на месяц, или немного больше. Затем я снова вернусь, – пообещал Бин.

Действительно, после встречи с Каладиусом он неизбежно должен будет вернуться в Латион за Колом и Вараном, но Бин пока решил умолчать, что на этом его путешествие не закончится.

– С Мэйлинн всё в порядке? – Нара наконец отняла своё лицо от его груди.

– Не совсем... – Бин не чувствовал в себе сил лгать сестре. – Но я надеюсь, что потом всё будет хорошо.

– Она у Чёрной Герцогини? – обмирающим от страха голосом спросила Нара.

– Знаешь, сестрёнка, – голос Бина предательски срывался. – После встречи с Дайтеллой я всё вспомнил. Всё, что со мной случилось... И что случилось с Мэйлинн...

– И что же? – всхлипывая, проговорила Нара.

– Мэйлинн – и есть Чёрная Герцогиня... – губы плохо слушались Бина – он, наверное, впервые произнёс вслух эту фразу, которую непрестанно крутил в голове во время всего путешествия.

Только вздох вырвался из груди Нары, да широко распахнулись глаза, в которых застыла боль и изумление. И ещё один звук нарушил тишину – поперхнулся слюной ошарашенный услышанным Лэйто. Закашлявшись, он впервые обратил на себя внимание Нары.

– Добрый день, сударыня, – кашляя, кое-как проговорил он, неловко кланяясь. – Вы меня, должно быть, не помните...

– Я помню вас, сударь, – Нара ухватила за этот диалог, как утопающий хватается за соломинку. – Это вы приходили в тот день к нам, чтобы забрать Бина.

– И поклялся, что он вернётся. Так что прошу заметить, сударыня, что я сдержал слово... – вообще Лэйто заготовил на этот случай целую пафосную речь, но сейчас мысли его спутались то ли от только что услышанного, то ли от близости Нары, поэтому это было всё, что он сумел проговорить.

– Благодарю вас, сударь, – склонила голову Нара. – Будьте нашим гостем. Прошу простить меня, но я не запомнила вашего имени с прошлого посещения...

– Вполне возможно, я просто забыл представиться, – неловко улыбнулся Лэйто. – Я – сержант палатийской армии Тин Лэйто. Не трудитесь называть своё имя, оно мне известно, – грозный сержант Лэйто краснел сейчас, словно какой-нибудь школяр.

– Очень приятно, господин Лэйто, – сделала лёгкий реверанс Нара. – Теперь я вспомнила ваше имя – вы представились мне, как только я открыла вам дверь.

– Прошу, зовите меня Тином, – попросил Лэйто. – Или просто Лэйто, как зовут меня друзья.

В этот момент в комнату вернулась Алика, объявив, что обед приготовлен, так что процедуру представления пришлось повторить. Ну а дальше все пошли обедать, что снова отодвинуло ужасную тему, которая всплыла вначале. Нара всячески делала вид, что она уже позабыла роковые слова брата, старалась быть весёлой, даже пару раз неловко пошутила, что, впрочем, не мешало Лэйто тут же разражаться хохотом, словно он услышал нечто невероятно смешное.

Бин тоже решил поддержать эту игру, так что можно было бы сказать, что обед прошёл в весёлой и непринуждённой атмосфере, если бы так не чувствовалась натянутость этого веселья. Одна Алика была не в курсе того, что произошло, поэтому для себя объяснила эту неловкость присутствием какого-то подозрительного сержанта.

После обеда, во время которого Лэйто всячески пытался произвести благоприятное впечатление на Нара, которая, впрочем, довольно рассеянно отвечала на его любезности, Алика удалилась, чтобы позаботиться о сыне. Нара, убрав посуду со стола, вернулась в комнату, где молча сидели мужчины. Увы, теперь страшный разговор неминуемо должен был быть продолжен.

– Ты уверен, что это правда? – без вступлений и обиняков сразу же начала Нара, усаживаясь на табурет напротив Бина и Лэйто, сидящих на застланной пледом кушетке.

– Уверен, – мрачно кивнул Бин. – Я помню это сам, а то, чего я не видел и не знал – объяснила Дайтелла.

– Как же так получилось? – глаза Нары вновь наполнились слезами.

– С нами было несколько друзей, когда мы нашли Башню. Но в тот самый момент на нас напали враги, которые желали заполучить Мэйлинн. Во время сражения погиб один из нас. Мы все звали его Колом. И вот Мэйлинн использовала силу Башни, чтобы отомстить за его гибель, а также спасти не только нас, но и того самого Кола. Я не могу объяснить тебе всего,

сестрёнка, но поверь – Мэйлинн в очередной раз пожертвовала собой ради других. Она не хотела становиться чёрной колдуньей, но ей пришлось.

Бин говорил так горячо, словно убеждал сейчас не только Нару, но и самого себя.

– И ты можешь её спасти? – с надеждой спросила девушка.

– Да, – твёрдо ответил Бин тоном, не допускающим и капли сомнений. – Я спасу её, но для этого мне нужно будет уехать на время.

– Это будет очень опасно? Я так боялась за тебя, Бин, когда ты уехал! По городу ходили жуткие слухи о чудовищах Гурра, напавших на Палатий. Сперва говорили, что всех их разгромили и всё уже хорошо, но теперь торговки на рыночной площади вновь судачат о том, что началась новая война, ещё страшнее предыдущей.

– Не думаю, что это будет очень опасно, – как можно увереннее заявил Бин. – Мы направляемся на восток, в Загорье. Там нет никакой войны. Кроме того, со мной будет Лэйто и два его солдата. Они – отличные ребята, и на них можно положиться. Особенно на Тина.

Лэйто млел от удовольствия. Ему хотелось расцеловать Бина в обе щёки.

– На самом деле, я больше боюсь за тебя, милая, – с нежностью произнёс Бин. – Если на западе действительно началась страшная война, во что мы с Лэйто не очень-то верим, если честно, но если она началась, то опасность может грозить и Латиону.

– Именно поэтому и понадобился ваш брат, сударыня Нара, – вернул словечко Лэйто. – Знаете ли вы, как его называла Дайтелла и наше командование? Спасителем! Старая магиня сказала, что именно Бину под силу остановить нашествие Гурра. Но я бы не стал тревожиться, госпожа. Наш полк долгое время стоял рядом с этими гомункулами. Ничего в них страшного нет, доложу я вам. Они мерзкие – это да, но не страшные. За всё время, что мы стояли в трёхстах ярдах от них, они ни разу не сделали попытки атаковать наш лагерь. Так что как человек, своими глазами видевший эту армию Гурра, – Лэйто постарался вложить как можно больше презрения в слово «армия». – Хочу вам сказать – не верьте слухам тех, кто за всю свою жизнь не бывал дальше, чем в миле от собственного дома.

– Спасибо, господин Лэйто, – слабо улыбнувшись, произнесла Нара. – И за то, что успокоили, и за вашу помощь брату.

– О, не стоит благодарностей, сударыня! – расцвёл в улыбке сержант. – Я лишь сделал то, что обещал вам при первой встрече.

Бин и Лэйто провели у Нары ещё около трёх часов. Бин большей частью возился с малолетним племянником, весело хохоча. Алика то и дело расспрашивала Лэйто о том, что происходит в Палатие, неизменно возвращаясь к слухам о вторжении Гурра. Нара большей частью молчала, переводя глаза то на сестру, то на Лэйто, то, отвлекаясь от них, с улыбкой следила за вознёй Бина. Лэйто охотно рассказывал всё, о чём спрашивала Алика, стараясь говорить авторитетно и небрежно, как бывалый вояка, повидавший на своём веку если и не всё, то почти всё.

Так прошло время. Бин надеялся дождаться мужа Алики, но тот крайне редко возвращался раньше восьми вечера. Вот и в этот раз, подождав до четверти восьмого, Бин объявил, что больше ждать они не могут, поскольку на восемь часов назначено отправление. Смущённо откашлявшись, уже на пороге Лэйто объявил, что его командование поручило выплатить небольшое пособие гражданским лицам, невольно пострадавшим от операции вооружённых сил Палатия, и протянул Наре несколько серебряных монеток. Та вопросительно взглянула на Бина и затем с благодарностью приняла деньги, когда брат кивнул ей в ответ.

После трогательного прощания оба быстрым шагом отправились обратно к Докам и оказались там за десять минут до назначенного срока. Парк и Пэрри уже околачивались неподалёку от галеры, грызя семечки. Оба были трезвы, что приятно удивило и порадовало Лэйто. Команда галеры также была на месте, так что в путь тронулись, не дожидаясь определённых сержантом восьми часов.

Сердце Бина немного щемило от воспоминаний о пережитой встрече, но это было тёплое и приятное чувство, которое несколько не досаждало. Лэйто и вовсе только что не светился от счастья. Вообще Бин не заметил хотя бы каких-то признаков симпатии Нары к его товарищу, однако сержант, похоже, воспринимал ситуацию совершенно иначе. Или же он и не строил особенно далеко идущих планов и радовался просто тому, что побыл несколько часов в обществе девушки, к которой был неравнодушен.

Дальнейшее путешествие по Труону не ознаменовалось никакими интересными событиями. Правда, опытный глаз Лэйто подмечал, что среди плывущих им навстречу судов всё меньше было торговых и всё больше – военных. Это заставляло с большей серьёзностью отнестись к тем слухам, что дошли до них в Латионе. Похоже, действительно началась новая война, и куда более серьёзная, раз в дело вмешались имперцы.

Очень большое впечатление на четверых мужчин произвело озеро Прианон. Его хрустальные воды, раскинувшиеся от горизонта до горизонта, посеребрённые бликами довольно редкого сейчас солнца, обычно скрытого за облаками, действительно вызывали восхищение. Бин вспомнил рассказы Мэйлинн об этом озере, и ему вновь стало грустно.

И вот наконец путешественники добрались до Сеала. Это был уже тринадцатый день их путешествия по Труону. За это время они проплыли его практически полностью. По стечению обстоятельств они прибыли в Сеал в двадцать второй день увилья, то есть в тот самый день, когда в лагерь Пятого стрелкового примчался гонец с недобрыми вестями.

Первое, что бросилось в глаза, стоило приятелям покинуть борт галеры – огромное количество солдат в городе. Отряды подходили, ожидали погрузки, погружались на галеры и отплывали на север.

– Значит, всё-таки война... – хмуро пробормотал Лэйто.

Вскоре худшие опасения подтвердились. Лэйто удалось перекинуться словечком с сержантом сарраассанской пехоты, скучавшим неподалёку от причалов, пока его рота ожидала очереди на погрузку. От него удалось узнать, что в Палатие идёт самая настоящая полномасштабная война. Сержант рассказал то, что читатель и так уже знает из предыдущих глав, поэтому не станем пересказывать их разговор.

– Вот теперь это можно назвать вторжением... – мрачно пробормотал под нос Лэйто, пересказав услышанное друзьям.

– Что? – не понял Бин.

– Да так... Это я о своём.

Друзья были подавлены. Каждый думал о своём – кто-то о родине, которую терзал неведомый и опасный враг, кто-то о сестре, оставленной во вроде бы безопасном пока Латионе, но понятно, что безопасном до поры. Вряд ли Гурру зачем-то нужен был именно Палатий. Это была тотальная война, война между Эллором и Паэттой, и Бин очень сомневался, что если всё и дальше будет так же плачевно, на материке вообще останутся безопасные места. Значит, тем быстрее нужно было двигаться.

Было решено, что до пересечения Великой Имперской и Делианской дорог они станут двигаться на почтовых – это вышло бы в итоге дороже, зато позволяло бы сохранять большую скорость, учитывая, что на Великой дороге почтовые станции стояли через каждые десять миль. Затем предстояло купить лошадей, чтобы направиться к Делианскому перевалу. Ну а затем их ждала пустыня Туум.

Однако друзей ждало большое разочарование – почтовых лошадей было не достать днём с огнём, вероятно, все они были реквизированы для нужд военных. Кое-как у случайного торговца раздобыли четыре не слишком заморённые лошадки, на которые в другое время никто из них и смотреть бы не стал. Однако, как видно, сейчас выбирать не приходилось. Была надежда, что хорошая кормёжка со временем превратит этих животных в полноценных скакунов, но и

с этим оказалось не всё в порядке. Армейские фуражиры вычищали не только почтовые станции, но и постоянные дворы на всём протяжении Великой дороги, забирая овёс и даже сено.

Навстречу путешественникам постоянно маршировали отряды сарраассанской армии, пролетали вереницы карет, в которых, вероятно, на войну направлялись маги. Это тоже заметно затрудняло движение. В другое время путь до перекрёстка не занял бы и пяти дней, теперь же Бин и его спутники добрались до него лишь на десятый день. Война умудрялась доставить им уйму проблем даже здесь, в тысячах миль от неё.

Судя по всему, дела на севере шли самым поганым образом, и тем больше резонов отряду было спешить. Они словно мчались наперегонки с этой чудовищной войной, и, судя по всему, война пока шла на корпус впереди.

Глава 14. Каладиус

К сожалению, свернув с Великой Имперской дороги на Делианскую, друзья не слишком-то и выиграли в скорости. Здесь также маршировали боевые части – конечно, их было несравненно меньше, ибо с востока Саррассу от завоевателей куда лучше любой армии защищала пустыня Туум. Однако несколько раз всадникам приходилось останавливаться на полчаса, а то и час, чтобы пропустить шагающую к западу пехоту. Делианская дорога была куда уже Великой, да и куда хуже благоустроена. Постоялые дворы встречались тут нечасто, так же как и почтовые станции. Саррасса предпочитала вести сообщение со своей загорской частью морем, да и, сказать по правде, особо не с кем там было сообщаться.

Продвижение было угнетающе медленным ещё и потому, что лошади были не слишком-то сильны и выносливы. Здесь, в Саррассе, конечно было куда жарче, чем в Латионе и не было никаких дождей. Поначалу это радовало путешественников, продрогших за время путешествия по Труону, но теперь жара начинала удручать. И с каждым шагом, приближающим их к пустыне Туум, жар становился всё ожесточённее.

– А нам точно нужно туда? – пыхтел полноватый Пэрри, обливаясь потом.

– Отставить ныть! – Лэйто был в самом отвратительном расположении духа, поэтому его раздражало буквально всё.

Пэрри, видя, что сержанта лучше сейчас не нервировать, замолчал, но всем своим видом продолжал показывать, что он обо всём этом думает.

Вообще северяне-палатийцы, конечно, не слишком-то комфортно чувствовали себя в южных землях. Началась осень, но температура здесь была куда выше, чем на севере Палатия она поднимается даже в разгар лета. Поэтому трое стрелков безропотно сносили суровые зимы на побережье Серого моря, но совершенно раскисли от этой неожиданной, оглушающей жары.

Ещё хуже пришлось Пэрри. Несмотря на все увещевания, он решительно отказывался закутываться в плащ и надевать шляпу на такой яростной жаре. Это предсказуемо привело к тому, что он обгорел настолько, что кожа лоскутами слезала с его красного лица. Бедолага невыносимо страдал, поскольку обильный пот нещадно терзал опалённую солнцем кожу, но поскольку он был сам виноват, то старался не показывать свои страдания остальным, хотя и получалось у него очень плохо.

В общем, путь до Делианского перевала занял целых шестнадцать дней, поэтому когда они наконец оказались по ту сторону Анурских гор, месяц жатвы¹⁴ уже перевалил за половину. Прямо в лицо друзьям огненным жаром дышала пустыня Туум, которую необходимо было пересечь почти полностью.

В прошлое своё путешествие Бин уже познакомился с гостеприимством этой пустыни. В тот раз они едва зацепили её северную окраину, но и этого хватило, чтобы парень на всю оставшуюся жизнь невзлюбил это место. На этот раз ему предстояло познать новые глубины страданий.

Здесь, на юге, Туум даже внешне отличалась от северных своих рубежей. Здесь была настоящая пустыня – желтовато-белёдые барханы мелкого песка и синевато-белёсое небо. Казалось невероятным, что человек может пересечь её. И ещё более невероятным казалось, что кто-то здесь может жить.

Однако, именно здесь, у подножия перевала, было довольно многолюдно. Несколько крупных баининских племён устроили свои становища у отрогов гор, где, вспоенные редкими горными ручьями, располагались довольно обширные оазисы.

---

¹⁴ Месяц жатвы – один из месяцев календаря Паэтты. Первый месяц осени, соответствует нашему сентябрю.

– Нам нужен проводник, – сообщил Бин. – Несмотря на то, что дальше идёт Лоннэйский торговый тракт, я бы не рискнул двигаться по нему без опытного знающего человека.

– Так в чём же дело? – Лэйто побряцал карманом, в котором лежал порядком похудевший, но всё ещё не пустой мешочек с палатийским серебром. – Наймём баинина. Не думаю, что это будет стоить нам дорого.

– Когда мы искали Каладиуса в прошлый раз, то за то, чтобы проводить нас к его оазису, находящемуся в нескольких часах езды, баинины взяли с нас не только деньги, но ещё и отличного саррассанского скакуна, – проворчал Бин. – Так что я не был бы так уверен...

– Ну это уж будет зависеть от переговорщика, – резонно заметил Лэйто. – Ты у нас – главный знаток баининов, тебе и идти.

Бин на мгновение растерялся – несмотря на то, что он в течение года путешествовал рядом с Пашшаном, слугой-баинином Каладиуса, ему ни разу не пришло в голову выучить хотя бы основы баининского. Но затем он решил, что здешние баинины должны быть более цивилизованны и владеть хотя бы начатками имперского, ведь они здесь и промышляли в основном тем, что проводили через пустыню караваны. Кроме того, он всегда мог прибегнуть к наиболее универсальному из всех языков мира – серебру.

К удивлению Бина, оплата за сопровождение через пустыню оказалась ничтожно малой в сравнении с тем, чего он ожидал. Действительно, стоило ему направить коня в сторону палаток пустынных жителей, как к нему бросилось сразу около двух десятков людей, замотанных в белые одежды. Все они наперебой галдели, хватая коня за сбрую, а Бина – за сапоги и одежду. На ломаном саррассанском и имперском они предлагали свои услуги. Было видно, что сейчас, когда поток караванов порядком иссяк, несчастные люди, потерявшие возможность заработать, были готовы на всё ради пары серебряных монет.

Бин был крайне смущён видом этих заискивающих лиц, их умоляющими голосами и беспокойными пальцами, шарившими по нему и его лошади. Хвала богам, у Бина не было при себе ничего ценного, потому что в противном случае ему было бы весьма сложно проследить за своим добром. Уже позже, отъехав обратно, он обратил внимание, что с седла пропала фляга с водой. Естественно, искать её было бессмысленно. Да Бин и не слишком горевал по этому поводу, учитывая, насколько выгодной оказалась его сделка с проводником, которого он выбрал практически наугад.

К сожалению, когда Бин сказал, что направляется к великому белому шаману на севере пустыни, баинины лишь покачали головой. Каждый из них слышал о Каладиусе, но никто не знал, где его найти. Поэтому было решено, что путники пересекут пустыню, а там уже найдут другого провожатого, как бы дорого он не обошёлся.

Их новый провожатый по имени Башани, объясняясь частично исковерканными имперскими словами, а частично жестами, предложил Бину, которого он посчитал руководителем группы, сменить лошадей на верблюдов, которых можно было купить тут же. Бин, недолго думая, согласился. Верблюды куда более выносливы и приспособлены к жизни в пустыне, особенно к частому отсутствию воды. Кроме того, Бин вообще сомневался, что их лошади способны пережить этот переход.

Так что друзья без особого сожаления продали своих кляч, за которых, конечно, не удалось выручить много – все четыре, вместе со всей упряжью были обменены на довольно ухоженного верблюда, а также два мешка сухих лепёшек, которые баинины готовили из мучнистой мякоти каких-то кактусов, несколько кожаных бурдюков, каждый из которых вмещал по три галлона¹⁵, и мешочек тонких вяленых кусочков мяса. За остальных трёх верблюдов пришлось заплатить серебром, причём они обошлись Лэйто почти в ту же цену, за которую они купили в Сеале лошадей. Их провожатый Башани имел своего верблюда.

---

¹⁵ Галлон – мера измерения объёма жидких и сыпучих тел, приблизительно равная 4,5 литров.

Второе, о чём сразу объявил Башани – передвигаться придётся лишь в определённое время суток, избегая переходов в дневные часы и совсем поздней ночью. Так что Бину и его друзьям пришлось ещё на несколько часов задержаться в оазисе до вечера.

Лоннэйский тракт был проложен сотни, если не тысячи лет назад, и проложен с большим умом. Он умело лавировал так, чтобы проходить через все более или менее крупные оазисы пустыни, в которых можно найти укрытие от изнуряющей жары. Надо сказать, что благодаря близости гор, некоторые из которых, наиболее высокие, имели даже небольшие снежные шапки, и которые были богаты ручьями, а также благодаря тому, что под слоем песка в пустыне Туум была мощная плита из песчаника, в которой пробивали себе русла подземные реки, оазисов было довольно много. Вполне достаточно, чтобы расстояния между ними обычно не превышали дневного перехода. Лишь одно место, называемое Дорогой костей, являлось длинным перегонном, когда путешественники были вынуждены три дня провести в пустыне.

Несмотря на громкое название, Лоннэйский торговый тракт мало чем походил на любую из дорог, по которой приятелям приходилось путешествовать прежде. Ветер и песок превращали в тщету любую попытку сделать здесь хотя бы подобие привычной дороги. Так что Лоннэйский тракт являл собой цепочку ориентиров, читать которые могли лишь баинины, которым эта информация, вероятно, передавалась ещё с молоком матери. Поэтому когда Бин раздумывал – стоит ли нанять проводника, это было лишь следствием его неопытности. Вероятно, он представлял себе что-то вроде мощёной дороги, ведущей сквозь пустыню.

Само путешествие через пустыню запомнилось Бину как одна сплошная череда мучений. Жара съедала, жара просто убивала его и его спутников каждый день. Бину казалось, что он несёт на своих плечах весь этот огромный мир, раскалённый добела. И это при том, что они отправлялись в путь лишь незадолго до захода солнца, чтобы идти примерно до полуночи. Затем делался привал часа на четыре-пять, во время которого нужно было немного подкрепиться невкусной едой, едва проталкиваемой в сухое шершавое горло, а затем дрожать, сбившись в плотную кучу, поскольку ночью температура в пустыне падала настолько, что изо рта вырывался пар. При большом везении можно было вздремнуть хотя бы пару часов.

Обычно в эти часы Башани заставлял верблюдов ложиться на песок, а путешественники, накинув на себя что-то вроде шерстяных попон, прижимались к бокам животных, сохраняя тепло. В такие моменты Бин, стуча зубами, с тоской ожидал восхода солнца, которое позволило бы ему согреться.

Но за пару часов до рассвета Башани поднимал небольшой караван. Это было самое холодное время ночи, когда стужа, казалось, грызла людей сотнями острых зубов. Баинин же, одинаково невосприимчивый как жаре, так и к холоду, невозмутимо вёл своего верблюда вперёд, ориентируясь по одному ему заметным знакам.

И вот солнце появлялось из-за барханов, озаряя пустыню нежным розовым светом. В такие минуты Туум казалась какой-то волшебной страной, о которой рассказывали саррассанские сказки – страной, где золотой песок и самоцветы просто лежат под ногами.

Этот короткий миг Бин любил больше всего. Появившееся солнце довольно быстро прогоняло озноб, поскольку его лучи были горячи уже сейчас. Так что это был восхитительный момент, когда в пустыне Туум было не слишком жарко и не слишком холодно. Увы, он был до обидного короток. Уже спустя полчаса солнце, которое несчастные путники ещё недавно ждали словно чуда, вновь превращалось в жестокого палача, терзающего всё живое раскалёнными иглами своих лучей.

После восхода солнца, который к исходу месяца жатвы был уже довольно поздним, караван двигался обычно не больше нескольких часов. Ближе к полудню, когда пекло становилось нестерпимым, и если до оазиса было ещё далеко, вновь устраивался привал. Башани втыкал в песок бамбуковые шесты длиной около семи футов, и натягивал на них выбеленную шерстяную попону. В этот пятачок убогой тени загонялись верблюды, которых баинин вновь принуж-

дал лечь на песок. Так же как и ночью, путники прижимались к телам верблюдов и укрывались одеялами, но теперь это делалось для того, чтобы спастись от жары. И так они проводили время до вечера, чтобы вновь отправиться в путь.

Уже на третий день Бин ненавидел всех вокруг себя, понимая, что и у остальных, за исключением разве что баинина, в душе клубятся точно такие же чувства. Ехали в гробовом молчании – казалось, что запёкшиеся губы слиплись так плотно, что их можно разрезать только ножом. В горле была словно ещё одна пустыня, не менее знойная и удушливая, а язык ощущался во рту, словно горячий песчаный бархан.

Больше чем спутников, Бин ненавидел только еду. Эти мерзкие баининские лепёшки, словно слепленные из верблюжьего дерьма, никак не хотели жеваться. Лишённое слюны горло было бессильно протолкнуть эти колючие пересушенные крошащиеся кусочки, а воду нужно было беречь. Вода была единственной милостью и благодатью в этом аду. Тёплая словно моча, да и на вкус и запах мало чем от неё отличающаяся, она, тем не менее, приносила хоть кратковременное, но облегчение от этих страданий.

Каждый раз, достигая оазиса, и люди и животные тут же бросались к источнику, испросив, разумеется, предварительного согласия у проживавших здесь баининов. Необитаемых оазисов практически не встречалось, а обитатели этих островков спасения требовали хоть и мизерную, но плату за гостеприимство. Впрочем, кого на тот момент волновали деньги?

Обычно, напившись этой слегка солоноватой и всё равно очень тёплой воды так, что та начинала плескаться во впавшем брюхе, четверо друзей какое-то время лежали в спасительной сени пальм на берегу источника. Местные баинины не жадничали в отношении воды и позволяли наполнять мехи под завязку. Бин так и порывался купить ещё больше бурдюков, чтобы обвешать ими верблюдов целиком, но Башани всякий раз отрицательно качал головой. Верблюды и так несли достаточно солидный груз, так что не стоило нагружать их сверх меры. В случае, если хотя бы один из них падёт, это может поставить под страшный удар всю группу.

Бин понимал, что баинину стоит верить в отношении всего, что касается переходов через пустыню. В конце концов, само его существование было подтверждением его компетентности. Башани было за тридцать, и наверняка половину своей жизни он занимался тем, что водил караваны. И если он до сих пор был жив, значит, он хорошо знал, что делает. Башани удавалось достаточно точно рассчитать количество воды таким образом, что её хватало до следующего оазиса, хотя, конечно, мерить её приходилось не галлонами и пинтами, но глотками, а иной раз даже и каплями. Но тем не менее, всякий раз, когда баинин отказывался запастись дополнительной водой, Бину приходилось с огромным трудом сдерживать себя от почти непреодолимого желания вмазать проводнику по морде.

Затем, когда приходила пора покидать благодатную сень оазиса, Бин испытывал новые душевные муки. Он ощущал себя Палоном, царём древних времён, который, как рассказывают жрецы-арионниты, был изгнан из царства Арионна за то, что после смерти постоянно призывал белого бога создать великую армию и пойти войной на Асса. Жидкая, неверная тень чахлах пальм казалась ему желаннее любых богатств. Остальным его спутникам приходилось и того хуже, поскольку, как мы уже говорили, палатийцы были менее привычны к такому климату.

Однако, сцепив зубы, ненавидя окружающий мир до содрогания, Бин всё же продолжал двигаться вперёд. Потому что, как ему очень хотелось верить, Мэйлинн была нужна его помощь.

***

Переход через пустыню занял двадцать три нескончаемо долгих дня и столько же не менее бесконечных ночей. Когда-то, во время морского путешествия через Глаз Дьявола, Бин определил для себя, что последнее место на земле, где бы он хотел оказаться ещё раз – это каюта корабля, попавшего в Вастиней. Теперь эту сомнительную честь, кажется, заполучила

пустыня Туум. По телу Бина прокатывалась судорожная дрожь, когда он вспоминал, что вскоре им предстоит обратный путь.

– Не могу представить себе то количество денег, которое заставило бы меня совершать подобные прогулки регулярно... – проворчал как-то Лэйто, намекая на торговые караваны, два или три из которых попались на пути наших друзей, а с одним из них им и вовсе пришлось временно делить оазис.

Бин был полностью согласен с сержантом. За время путешествия они стали похожи на бледные тени самих себя. Бин давно уже не считал себя слабаком, да и те парни, что были рядом с ним, никак не походили на неженков, однако было очевидно, что Туум настолько высосала все их жизненные соки, что проводи они в дороге ещё хотя бы пару недель – кто-то из них вполне мог бы умереть. Тем больше было завистливое изумление друзей в отношении их проводника Башани, которому, казалось, были нипочём и жара, и холод, и жажда.

– Эти люди сделаны из железа... – ещё одно замечание Лэйто, сделанное во время одного из привалов в оазисе. – Как можно жить в этой преисподней?

– Скорее они сделаны не из железа, а из песка... – сквозь зубы процедил Пэрри, который теперь кутался от солнца гораздо прилежнее. – Им, похоже, просто плевать на всё это.

К счастью, любое путешествие рано или поздно заканчивается. Бин и сам видел, что они близки к цели. Песчаные барханы исчезли какое-то время назад, уступив место уже знакомой Бину красноватой потрескавшейся земле, словно созданной из камня. Вместо кактусов теперь вновь росли до боли знакомые колючие акации. До обиталища Каладиуса, вероятно, оставалось уже недалеко.

Теперь в каждом оазисе Бин посылал Башани к местным аборигенам, чтобы тот разузнал о великом белом шамане пустыни. И наконец его поиски увенчались успехом. Баинин вернулся и сказал, что нашлись люди, которые могут отвести путешественников к Каладиусу. Видимо, караван имел не столь представительный вид, как тогда, когда они втроём с Колом и Мэйлинн искали мага в первый раз, или же попавшиеся баинины были не такими наглыми, но на этот раз всё обошлось небольшой платой, без каких бы то ни было дополнительных подарков.

Несмотря на то, что Башани было полностью заплачено ещё в первый день путешествия, Лэйто на прощание дал ему ещё одну серебряную монету в знак благодарности и восхищения. Для них, сильных и мужественных людей, много раз рисковавших жизнями и терпевших невзгоды, казалось совершенно непостижимым то равнодушное спокойствие, с которым Башани повернул своего верблюда назад и в одиночку отправился в обратный путь.

Хотя месяц дождей¹⁶ был уже в самом разгаре, а путешественники находились на северной окраине пустыни Туум, жара по-прежнему не отпускала этот несчастный мир. В свой прошлый приезд Бин был оглушён, практически уничтожен этой жарой. Теперь же, после перехода через самое жерло пустыни, ему казалось, что здесь вполне терпимо. Наверное, всё действительно познаётся лишь в сравнении.

Передохнув от жары и кое-как подкрепившись, друзья отправились в последний, как обещал их новый проводник, переход. Здешные баинины не были столь цивилизованны как сородичи Башани, так что новый провожатый ни слова не знал на имперском. Все необходимые указания ему были даны через Башани, и он же перевёл ответ, что до дворца Каладиуса удастся добраться примерно за шесть часов. Солнце уже пару часов как перевалило зенит, так что дальше жара должна была понемногу убывать. Кроме того, как мы отмечали выше, здешняя жара была не чета той жаре, которую уже испытали путешественники, так что все дружно решили больше не ждать, чтобы сегодня же быть на месте.

Правда было ясно, что в оазис Каладиуса они прибудут уже затемно, но Бина это не смущало. Наоборот – он очень рассчитывал на гостеприимство мага, и ему не терпелось помыться

---

¹⁶ Месяц дождей – один из месяцев Паэтты, соответствующий нашему октябрю.

впервые за боги знают сколько недель, хорошо покушать (ведь мы помним, каким гурманом был Каладиус!) и провести ночь в мягкой кровати, а не на песке, прижимаясь к вонючему боку верблюда.

Следующие шесть часов были, наверное, одними из самых приятных среди тех, что они провели в пустыне, поскольку надежда скорого конца пути окрашивала их мысли в самые радужные тона. По твёрдой земле верблюды шли быстрее, чем по зыбкому песку, так что настроение у всех было достаточно приподнятым.

Свечерело, и солнце в конце концов опустилось за кромку земли. Однако баинин продолжал уверенно править своего верблюда, хотя по мнению Бина места, которые они проезжали за последние дни, совершенно ничем не отличались одно от другого. У этих странных жителей пустыни было просто сверхъестественное чувство направления.

Прошла ещё пара часов. Стало заметно прохладнее. При каждом шумном выдохе из пастей верблюдов вырывались плотные облака пара, серебрящегося в свете луны. Наконец баинин, указав на недалёкую гряду невысоких холмов, освещённых бледным светом луны, что-то залопотал по-своему. У Бина радостно забилося сердце – он узнал это место.

– Приехали! – произнёс он.

Под ногами верблюдов появилась дорога, ведущая к кратеру, в котором находился подземный дворец. Ещё пара сотен ярдов – и караван встал у его кромки. Он был совершенно неосвещён – чёрный провал в земле, спускаться куда путешественникам без приглашения было страшновато. Сопровождающий их баинин, к слову, уже развернул своего верблюда и довольно быстро удалялся.

– Интересно, где тут у них дверной колокольчик? – попытался пошутить Лэйто, чтобы скрыть охвативший его страх.

Действительно, шутка ли – они стояли рядом с жилищем великого и могущественного мага, чьи деяния, зачастую ужасные и жестокие, были овеяны десятками похожих на сказки легенд. Было отчего испугаться.

– Подождём, – немного неуверенно ответил Бин.

На самом деле он тоже не знал, как отреагирует на их появление Каладиус. В прошлый раз он ждал Мэйлинн. В этот раз к нему пришли без спроса четверо незнакомцев с неизвестными намерениями, так что ожидать можно было всякого. Однако Бин старался не показывать виду, что ему тоже страшно.

Внезапно из густого мрака возникло несколько фигур. Бин понял, что это – баинины, которые служили Каладиусу. Когда луна осветила их лица, он внимательно взгляделся, надеясь узнать среди них Пашшана, хотя чем бы это ему помогло – неизвестно, учитывая, что повар, так же как и его хозяин, не помнил юношу. Но Пашшана среди подошедших не было, Бин видел это ясно, хотя раньше полагал, что все баинины на одно лицо.

– Кто вы и зачем пришли сюда? – на плохом имперском спросил один из баининов, которые, кстати, похоже, не были вооружены.

– Я ищу мессира Каладиуса, – стараясь говорить спокойно и властно, произнёс Бин с высоты своего верблюда.

– Вы не назвали себя, – спокойно, без какой-либо угрозы или недовольства заметил баинин.

– Моё имя пока ничего не скажет мессире, – осторожно подбирая слова, ответил Бин. – Однако могу сказать, что наши пути одно время очень плотно переплетались, о чём мессир несомненно вспомнит, когда я всё расскажу ему лично. В качестве рекомендации могу прибавить, что я нахожусь здесь по личной просьбе Дайтеллы.

Баинин на несколько секунд замер с каменным лицом, словно вслушиваясь в некий голос, звучащий в его голове.

– Мессир позволяет вам войти, – наконец сказал он.

Вздых облегчения невольно сорвался с губ Бина, однако он постарался не подавать виду, поэтому лишь коротко кивнул. Баинины взяли верблюдов под уздцы и повели по пологому спуску вниз.

Здесь повторилась та же сцена, что шестью годами ранее случилась с Бином и Мэйлинн – Лэйто и его подчинённые оторопели, увидев вход в подземное жилище мага. Также как и в прошлый раз, Бин спустился по этой широкой, хорошо освещённой лестнице вниз, где располагались магические врата со вздыбленными грифонами на створках. И снова эти грифоны словно бы испытующе взглянули на пришельцев, но, должно быть, не учуяв в них никакой опасности, остались неподвижными и безмолвными.

На сей раз Каладиус не встречал их прямо у двери. Четвёрка гостей прошла в тот самый холл с магическим окном, за которым шумел водопад. Им тут же были преподнесены вода, вино и кое-какая еда, вкуснее которой Лэйто, Парк и Пэрри не ели никогда и, наверное, даже представить не могли, что такая вообще бывает. И лишь спустя двадцать минут, когда гости уже как следует наелись и напились, из бесшумно открывшейся двери вышел человек, который вежливо и доброжелательно произнёс:

– Доброй ночи, господа. Я – Каладиус.

Глава 15. Старые знакомые

А он постарел, – подумал Бин, взглядываясь в лицо великого мага. Действительно, Каладиус и до того был худым, теперь же он выглядел осунувшимся. Глаза словно ещё глубже впали в глазные впадины, на щеках кожа обтягивала словно голый череп. Правда, осанка оставалась всё той же – маг двигался мягко и гибко. Конечно, Бин понимал, что для человека, разменявшего восьмью сотню, вряд ли решающее значение сыграют те пять лет, что прошли с их прошлой встречи. Дело было не в возрасте – Каладиус словно постарел душевно. Вероятно, что-то глодало его душу все эти годы, и Бин даже догадывался – что именно.

– Полагаю, что теперь, когда вы находитесь в моём доме, я всё-таки имею право узнать ваши имена, – глаза мага в свою очередь цепко изучали лица неожиданных гостей – вероятно, он напряжённо рылся в памяти, пытаясь вспомнить то самое «переплетение путей», о котором заявил Бин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.